

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РАН
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
АКАДЕМИЯ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПОДГОТОВКИ
РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАНИЯ

I ФИРСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Материалы докладов и сообщений
международной научно-практической
конференции

Москва, 23–24 апреля 2014 г.

Москва
Российский университет дружбы народов
2014

УДК 81'27:316.77(063)
ББК 71.05+81
П28

У т в е р ж д е н о
*РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов*

Сборник материалов докладов и сообщений разработан и издан в рамках гранта РГНФ №14-04-14044-г для реализации и проведения Международной научно-практической конференции «I Фирсовские чтения. Современные проблемы межкультурной коммуникации» (2014 г.)

Председатель –
академик МАН ВШ, д.филол.н., проф. *Н.Ф. Михеева*

С о п р е д с е д а т е л и :
проректор по научной работе РУДН, д. филос. н., проф. *Н.С. Кирабаев*;
зав. отделом индоевропейских языков Института языкознания РАН,
главный научный сотрудник, д.филол.н., проф. *И.И. Чельшева*;
ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН,
д.полит.н., проф. *З.В. Ивановский*

Ч л е н ы о р г к о м и т е т а :
декан филологического факультета, д.филол.н., проф. *В.В. Барабаш*;
заведующий кафедрой общего и русского языкознания, д.филол.н., проф. *В.Н. Денисенко*;
проф. кафедры иностранных языков Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, проф. *Г.И. Воронина*;
проф. кафедры иностранных языков филологического факультета,
д.филол.н., проф. *Т.В. Ларина*;
зам. декана филологического факультета по научной работе, к.филол.н., доц. *Ю.Н. Эбзеева*;
доц. кафедры иностранных языков филологического факультета,
к.филол.н., доц. *Н.Б. Ковыригина*;
ст. преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета,
к.филол.н. *Л.Н. Гишкаева*;
ст. преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета *Н.В. Дубинина*;
ст. преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета
Г.В. Семянникова;
ассис. каф. ин. языков филологического факультета, к.филол.н. *А.А. Минасян*
(ответ. секретарь)

П28 **I Фирсовские чтения. Современные проблемы межкультурной коммуникации** : материалы докладов и сообщений международной научно-практической конференции. Москва, 23–24 апреля 2014 г. – Москва : РУДН, 2014. – 318 с.

ISBN 978-5-209-05906-6

© Коллектив авторов, 2014
© Российский университет дружбы народов,
Издательство, 2014

Памяти академика Фирсовой Н.М.

**ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ
ДНЕВНОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ**

Чельшева И.И.
(Россия, Москва)

**Лингвистическое законодательство в странах романской речи и
сдвиги в современной языковой ситуации**

Законодательство, в той или иной степени касающееся вопроса о языках, представлено в странах романской речи довольно многочисленными и разными по содержанию, уровню и степени законодательного воздействия документами. Они, естественно, опираются на сложившуюся в стране языковую ситуацию, но нередко отражают ее не «напрямую», а в некотором «преломлении», иногда отставая от достаточно динамичных процессов развития современного общества, иногда выдавая желаемое за действительное, а иногда и вступая в противоречие с вектором развития языковой ситуации.

По уровню, на котором действует лингвистическое законодательство, можно выделить государства, где вопрос о языке (или о языках) находит свое отражение в основном законе страны, т.е. в Конституции. Затем следуют законы, носящие общегосударственный характер, региональные законы, действующие на ограниченной территории, и разнообразные акты, декреты и т.д., выпускаемые различными государственными учреждениями, например, Министерством образования.

В становлении языкового законодательства в романских странах можно выделить несколько значимых этапов. Во-первых, это период после Второй мировой войны, когда, на волне последовавшего после

окончания войны подъема и укрепления позиций левых сил, были приняты законы, утверждающие двуязычие территории или существенно повышающие статус миноритарных языков, например, закон о языках 1948г. области Валь д'Аоста в Италии или отмененный ныне закон о региональных языках Франции (loi Deixonne, 1951).

Следующим этапом стали 70-ые гг. XX века, когда в процессе регионализации Европы и возросшего интереса к миноритарным языкам как к одному из способов выражения регионального характера в противовес общегосударственному, были законодательно закреплены права ряда меньшинств в том, что касается языка (оформление законодательства Испании, «Пакет» законов о языках для Трентино-Альто Адидже в Италии). В 90-ые гг. XX в., со становлением и расширением Европейского Союза и формированием надгосударственных структур, с учетом принятой в 1992г. «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств», с одной стороны, стали появляться общегосударственные законы, констатирующие общие принципы языкового законодательства (итальянский закон 1999г.), а, с другой стороны, множились местные законы и различные государственные акты, в которых внимание сосредотачивалось на особенностях именно данного региона и данной, иногда достаточно мелкой, языковой и этнической общности. Надо отметить, что эти региональные законы иногда оказывались радикальнее общегосударственных, но, по сути, оставались лишь декларациями.

Для XXIв., на наш взгляд, стало характерным внимание к языковой ситуации, связанной с иммиграцией, а также к языкам диаспор. Следует также отметить законодательные инициативы, исходящие от метрополий и распространяющиеся на вошедшие в состав государств отдаленные территории, представляющие собой

осколки колониальных империй, например, закон от 27 февраля 2004г. об автономии Французской Полинезии уравнивает в правах языки коренных жителей Полинезии и, прежде всего, таитянский с французским, однако оставляет статус официального языка только за французским.

Основным объектом лингвистического законодательства может являться основной язык страны, наделенный статусом официального (законы о французском языке во Франции), или миноритарные языки, представленные, в том числе, и как часть культурного наследия в целом. Список последних постоянно растет, отражая, как стремление некоторой ангажированной части носителей повысить статус собственного идиома, так и желание достаточно широких слоев общества сохранить во всей полноте культурное наследие своей страны и подчеркнуть его своеобразие.

С законодательством оказываются, связаны проблемы нормирования миноритарных языков и соответствующие работы по созданию грамматик и словарей, которые в некоторых случаях могут быть рекомендованы и одобрены, в том числе, и законодательно. Подобный отбор нередко становится предметом дискуссий (см., например, проблему стандарта в сардинском и в ладинском языках).

Ивановский З.В.
(Россия, Москва)

«Социализм XXI века» и некоторые особенности современного венесуэльского варианта испанского языка

Огромное влияние на развитие лексического состава языка оказывают экстралингвистические факторы (Г.В.Степанов, В.Ф.Шишмарев, Р.А.Будагов, Н.М.Фирсова, В.Г.Григорьев и др.). В

специфических условиях той или иной страны важнейшую роль играют государственный строй, политическая ситуация и специфика социально-экономической модели развития (Г.Д.Томахин, В.А.Иовенко и др.). Эти утверждения полностью применимы и к венесуэльскому варианту испанского языка.

После прихода к власти в Венесуэле У.Чавеса, провозгласившего курс на строительство «социализма XXI века», появилось много новых организаций и явлений, ряд терминов производны от аббревиатур и непонятны испаноговорящим в других странах: *adeca* (член партии *Acción Democrática*), *coreyano* (член партии *COPEI*). Жесткий контроль за обменом валюты породил *Sicad* (*Sistema Complementario de Administración de Divisas*) и *CADIVI* (*Cadena Administrativa de Divisas*), сеть магазинов с субсидированными ценами – *mercal*, *mercalito* и *megamerca* (*mercado de alimentos*), сотрудник спецслужб получил название *sebinero* (*Servicio Bolivariano de Inteligencia Nacional*), линия водораздела между муниципалитетами, контролируемые сторонниками власти и оппозиции, проходит по площади *Chacaíto*, военизированные формирования чавистов объединились в *colectivos* (“*motorizados*”), а спускаемые сверху назначенцы – *paracaidistas*.

По мере ухудшения социально-экономической ситуации, роста дефицита товаров и услуг, а также частичного перехода к распределительной экономике кубинского типа появился целый ряд новых понятий или произошло расширение их привычных значений: *ven* (товар национального производства низкого качества), *tarjeta de racionamiento* (карточка на товары первой необходимости), *jornadas alimentarias*, *viernes de alimentación* (продажа продуктов по сниженным ценам, отоваривание), *abasto bicentenario* (продажа товаров первой необходимости перед праздниками), *dólar paralelo* (курс доллара на

черном рынке), ruletear de un hospital para otro (гонять по больницам из-за отсутствия мест). Высокий уровень преступности и насилия привел к расширительному толкованию слова hampa (мафия – криминал), jíbaro (мелкий наркоторговец) и др.

Венесуэльская публицистика чаще стала использовать политические эвфемизмы (термин А.В.Родченко): fiscalización (expropiación de mercancías), desaleración (caída de ritmos de desarrollo), salida (destitución hipotética de N.Maduro), rebelión civil (disturbios).

Разная идеология и политическая культура и взаимоисключающая оценка тех иных явлений среди сторонников власти и оппозиции привела к появлению параллельных терминов для одних и тех же концептов (т.н. политических синонимов): соответственно, misiones sociales – programas de gobierno, escasez – desabastecimiento; acaparamiento, especulación, sabotaje – ineficiencia; precios justos – controlados, ataque mediático – libertad de expresión, golpe de Estado en desarrollo (golpe suave) – protestas sociales, parada (socialista) – marcha (antichavista), activistas sociales – miembros del hampa, etc.

Поляризация страны и массовые акции протеста, достигшие максимального размаха после 12 февраля 2014г., ввели в оборот или активизировали целый ряд неологизмов (в ряд случаев также произошло изменение или расширение значения): guarimba (баррикада), miguelitos (шипы), caserolazo (кастрюльный бунт), ballena (водомер), nipple (самодельное взрывное устройство), coctail (Mólotov) – бутылка с зажигательной смесью.

Обострение противостояния привело к активизации полемики в СМИ, в результате появился целый ряд терминов, связанных с журналистикой: amarillismo (погоня за сенсациями), ancla

(телеведущий), caliche (устаревшая новость), serillo (заказной журналист), rasquín (критическая анонимная статья), tubazo (приоритетная новость) и др.

Каждая из противоборствующих сторон не стесняется в выражениях по отношению к противнику и не заботится о политической корректности. Для венесуэльских официальных изданий и особенно выступлений политических лидеров в социальных сетях характерны обилие пропагандистских клише и публицистическая риторика, использование крайне резких выражений. Так, представители оппозиции характеризуются как *pitiyanquis* (американизированные), а ее лидеры – как *majunches* (ничтожества), *fascistas*, *nazis*, *enjambre de víboras que inserta el odio en la sociedad venezolana*; президент Панамы, призвавший к созданию посреднической миссии ОАГ – *lacaño gastrero*; вице-президент США Дж.Байден – *asesino del pueblo venezolano*, возможная посредническая миссия ОАГ – как *pretensión injerencista*, а политика МВФ – как *dominación y chantaje*. В свою очередь, оппозиция называет главу государства *asesino*, *dictador*, *cobarde que echa gasolina a la candela*, а его сторонников – *locos monstruos enloquecidos*. Очевидно, что у политического кризиса есть глубокие причины, однако подобное отношение противоборствующих сторон друг к другу отнюдь не способствует налаживанию диалога и поиску взаимоприемлемых решений.

Приведенные примеры убеждают, что недостаточная страноведческая подготовка и незнание национальных реалий может вызвать существенные трудности при переводе и понимании лексики различных вариантов испанского языка или же неадекватную передачу стилистической окраски.

Гусман Тирадо Р., Соколова Л.В.
(Испания, Гранада)

**«Россия и Испания: диалог культур»:
интерактивный учебный комплекс по чтению и развитию речи
для испаноязычных студентов**

Первостепенной задачей языкового образования является гибкая адаптация к современным условиям, что предполагает широкое использование инновационных методических, мультимедийных и информационных технологий. Именно инновационные методики преподавания эффективно решают актуальные задачи совершенствования преподавания, в частности русского языка как иностранного. Причем при разработке новейших технологий должен учитываться богатейший ресурс и традиционных методов, именно сочетание инновационных и традиционных технологий позволяет решать актуальные задачи совершенствования преподавания иностранного языка.

В настоящее время процессы межкультурной интеграции на национальном и международном уровнях обусловили *модернизацию содержания языкового образования в России и в Европе*. Язык выступает как средство познания картины мира, приобщения к ценностям, созданными другими народами. Одновременно язык – это ключ для открытия уникальности своей национальной культуры и исторических достижений представителей других культур.

В современной теории и практике преподавания иностранных языков особую актуальность приобретает *идея межкультурной коммуникации*, активно разрабатывается сопоставительное лингвострановедение, нацеленное не на традиционное описание уникальных черт культуры изучаемого языка и выискивание лакун, а на изучение *взаимодействия культур*. В современных условиях

изменились *задачи и цели* обучения иностранным языкам. Они состоят в подготовке учащихся к участию в *интеркультурной коммуникации*, в том числе в роли «посредников» между своей и другой культурой.

На современном этапе развития образования целью обучения иностранному языку становится *интеграция личности обучаемого в системы мировой и национальной культур*. Иностранный язык является одним из основных инструментов воспитания обучающихся. Новейшие исследования в области межкультурной коммуникации отчетливо показывают, что именно средствами языка межкультурного общения можно качественно изменить личность, а также способствовать развитию у учащихся полилингвальной, социокультурной компетенции, включающей формирования таких качеств, как толерантность и непредвзятость к представителям других культур.

Подход к обучению иностранному языку с позиций *диалога культур* соответствует современной гуманитарной парадигме образования: в соответствии с концептуальными положениями Еврообразования и Еврокультуры (полилингвизм, межкультурная коммуникация, диалог культур, вторичная языковая личность) процесс обучения языкам должен быть социально-ориентированным, интегративным, направленным на развитие иноязычной коммуникативной компетенции, основными составляющими которой являются языковая и социокультурная компетенции. При этом обращается особое внимание на закономерности процесса взаимодействия контактирующих культур в сознании учащегося.

Разрабатываемые в настоящее время теоретические концепции, направления, методические системы, новейшие компьютерные технологии и, наконец, опыт преподавателей-практиков позволяют не

только совершенствовать действующие учебники, но и предлагать новые, более рациональные модели с оптимальными приёмами и методами обучения, а также интенсифицировать учебный процесс в овладении русским языком в целом.

В докладе будет представлен интерактивный учебный комплекс по чтению и развитию речи для испаноязычных студентов «Россия и Испания: диалог культур», созданный российско-испанским коллективом (руководитель проекта – д.ф.н. Л.Соколова, участники проекта – д.ф.н. Р. Гусман Тирадо, д.ф.н. С.Кибальник, д.ф.н. И.Моклецова, д.ф.н. Л.Сафронова) при грантовой поддержке фонда «Русский мир» (Грант № 830Гр/І-444-12).

Особенностью данного учебного комплекса является то, что в нем представлен *диалог культур* на текстовом материале, отражающем разнообразные *русско-испанские контакты*. Речь идет о наиболее значимых явлениях русской и испанской культур, оставивших след в текстах данных культур, о которых, как показывает практика, испанским студентам мало что известно. Основная задача учебного пособия – не просто познакомить испаноязычных студентов, изучающих русский язык, с фактами русской культуры, но и помочь им понять, осмыслить свою культуру через отражение ее в русской ментальности; не только выявить различия, но и продемонстрировать сходства, близость двух культур.

Это первый национально-ориентированный учебный комплекс для испаноязычных студентов, ориентированный на поиск и выделение межкультурных соответствий и различий на концептуальном уровне и позволяющий эффективно использовать русский язык как иностранный в реальных условиях межкультурной коммуникации. Разработка и внедрение данной образовательной модели рассматривается нами как фактор модернизации методов

преподавания русского языка как иностранного и в целом эффективной популяризации русской культуры в испаноязычной аудитории.

Михеева Н.Ф.
(Россия, Москва)

Билингвальное обучение и обучение иностранным языкам

В создавшихся поликультурных условиях межкультурного взаимодействия на современном этапе все большее распространение получает модель билингвального обучения. Под билингвальным или двуязычным обучением понимается такая организация учебного процесса, когда становится возможным (например, язык турецкого меньшинства в Австрии или немецкий как иностранный в России) использование более чем одного языка как языка преподавания. Вторым языком, таким образом, не только объект изучения, но и одновременно средство общения, язык преподавания. Как таковое понятие "обучение на билингвальной основе" в том или ином типе среднего учебного заведения включает (в соответствии современным подходом):

- обучение предмету и овладение учащимся предметным знанием в определенной области на основе взаимосвязанного использования двух языков (родного и неродного) в качестве средства образовательной деятельности;
- обучение иностранному языку в процессе овладения определенным предметным знанием за счет взаимосвязанного использования двух языков и овладение иностранным языком как средством образовательной деятельности.

Таким образом, язык при таком обучении рассматривается, прежде всего, как инструмент приобщения к миру специальных знаний, и содержание обучения отличается совмещением предметного и языкового компонентов во всех звеньях учебно-воспитательного процесса.

В настоящее время в разных странах накоплен определенный опыт билингвального образования. Это имеет место, как уже говорилось, в регионах с естественной двуязычной средой (Швейцарии, Бельгии, Канаде и т.д.), а также в государствах, где происходит приток иммигрантов, вынужденных вживаться в чужую культуру (в Германии, США). В этих странах функционируют разного рода билингвальные курсы, на которых языки изучаются не столько как средство коммуникации, сколько как способ приобщения к культуре страны изучаемого языка, ознакомления с ее историей, страноведением, наукой, литературой, искусством.

Имеется опыт создания билингвальных школ на основе двуязычного обучения и в ряде городов нашей страны. Например, в Новгороде на базе университета разработан целый образовательный комплекс, в основе которого лежит идея претворения в жизнь концепции непрерывного билингвального обучения - начиная с детского сада и заканчивая высшей школой.

Распространенными контекстами билингвального образования являются также обучение ИЯ на основе определенной предметной области и так называемое погружение (краткосрочное и долгосрочное).

Что касается моделирования учебного процесса при обучении ИЯ на билингвальной основе, то важно отметить, что двуязычные программы обучения И.Я можно сгруппировать на трех различных моделях:

программа обогащения,
программа перехода,
программа сохранения языка.

Программа обогащения (с точки зрения методики наиболее интересующий нас случай) представляет собой произвольный набор предметов и ориентирована на детей, стоящих на социальной лестнице выше других. Второй язык изучается здесь по более интенсивной и эффективной системе. И делается это в атмосфере использования ИЯ как языка преподавания, таким образом, осуществляется погружение в язык при изучении немецкого языка в русских двуязычных школах. При языковом погружении имеет место обучение основам второго языка, т.е. в школьных учебных программах иностранный и родной языки меняются местами. Другую модель представляют собой бикультурные встречные классы, в которых занятия проводятся на двух иностранных языках. Наибольшее распространение в мире получили формы двуязычного обучения детей национальных меньшинств, известные как переходные программы. Обучение с самого начала ведется в определенных рамках, т.е. 50% предметов ведется на основном языке, а остальные - по программе двуязычия с целью последующей полной интеграции детей через какое-то время в одноязычный процесс обучения в условиях многоязычной школы. Целью таких программ является приобщение детей национальных меньшинств к языку преобладающего населения.

К третьему типу учебных программ относятся: так называемые программы сохранения языка. Они ориентированы как на детей доминантных языковых групп, так на детей национальных меньшинств и ставит целью воссоздание первоначальной культуры этнических иммигрантских меньшинств, а также культур,

находящихся под угрозой вымирания. На начальном этапе обучения создаются классы с родным языком, в которых второй язык играет подчиненную роль, чтобы таким образом обеспечить достаточную социализацию находящегося под угрозой языка национальных меньшинств, например, изучение детьми обрусевших армян армянского языка и культуры в школах на территории армянских поселений Ростовской области.

Но, в целом, ценность и весь смысл двуязычных моделей обучения иммигрантов и нацменьшинств (в форме переходных программ и программ сохранения языка) зависят от очень сложных социолингвистических условий, которые, в свою очередь, определяют значимость соответствующего языка в обществе.

Еленевская М.Н.
(Израиль, Хайфа)

Двуязычный юмор мигрантов – мост между культурами

Цель доклада – анализ двуязычного юмора русскоязычных мигрантов. Материалом для исследования послужили русскоязычные ММИ в Германии, Израиле и Швейцарии, Интернет-порталы и блоги, поддерживаемые эмигрантскими сообществами, а также многолетние наблюдения автора, зафиксированные в этнографических дневниках. Любой мигрант сталкивается с проблемой освоения нового языка. Как и другие меньшинства, мигранты часто становятся объектами насмешек из-за слабого владения языком большинства. Чужака сразу узнают по несовершенству языка, поэтому юмористические тексты, построенные на лингвистических ошибках, неременная часть этнического юмора. С трудом формулирующий мысли иммигрант

часто представляется и тугодумом, и бестолковым, поэтому эти тексты входят в разряд этнического юмора, высмеивающего глупость (Дейвис 2005: 73). Лингвистический инструментарий юмористических текстов такого типа – многослоен. Здесь встречаются фонетические ошибки, вызывающие двусмысленность, использование неуподоблений слов иностранного языка, синтаксические конструкции, перенесенные в чужой язык из родного и приводящие к абсурду, а также кальки при переводе фразеологизмов.

Не отрицая значения критического аспекта этнического юмора, укажем на кажущееся противоречие: иммигранты и провоцируют этнический юмор, в основе которого языковые ошибки и лягусы, и одновременно являются его потребителями. В этом проявляются и самоирония, и самоанализ. Ошибки становятся частью смысла, а не бессмыслицы. Активно участвуя в языковой игре, объектом которой являются они сами, мигранты не теряют чувства собственного достоинства, а попеременно играют то роль «своих», то чужаков (Соммер 2004: 14). Когда же двуязычный юмор создается самими мигрантами, это знак того, что группа пытается найти компромисс между этими, на первый взгляд, взаимоисключающими ролями и осмысливает конфликт идентичностей. Помимо этого, иммигрантский двуязычный юмор позволяет увидеть, как распределяются инструментальная и символические функции между родным языком и языком принимающего общества.

В докладе будут рассмотрены такие распространенные для двуязычного юмора явления, как народная этимология и межъязыковые каламбуры. В то время как народная этимология часто является причиной ошибок в речи монолингвов, пытающихся освоить слова заимствования, в юморе мигрантов-билингвов, установление семантических связей между единицами двух языков ведется с целью

создания комического эффекта и свидетельствует об обостренном чувстве языка, анализе и поиске аналогий между родным языком и чужим. При столкновении двух языков каламбурах авторы языковой игры получают удовольствие от «видения» слов нового языка и манипулирования родным. Здесь наблюдаются и расщепление морфем, и актуализация оценочных компонентов, и сопоставление квази-паронимов, и намеренное смешение стилевых регистров.

Двуязычный юмор иммигрантов демонстрирует развивающийся билингвизм. Иноязычные вкрапления в юмористических текстах – своеобразная иллюстрация актуальных тем и тенденций расширения словарного запаса членов мигрантских сообществ. Если во время начального этапа иммигрантской жизни большинство случаев переключения языковых кодов непосредственно связано с бытом и учебой, а также поиском работы, то постепенно наряду с конкретной лексикой появляется абстрактная и оценочная, а в круг актуальных тем включаются политика, религия и культурные традиции принимающего общества.

Как и всякая языковая игра, двуязычный юмор – это лингвистический эксперимент, в котором участвуют не только писатели и языковеды, но и рядовые носители языка, когда они играют с формами речи (Санников 2003: 39-40; Еленевская 2012). О том, что в этот эксперимент включаются рядовые носители языка, говорит обилие двуязычных шуток на иммигрантских Интернет-сайтах и в устной речи. Двуязычный юмор становится одним из приемов познания реалий новой жизни. При этом сопоставляются не только языки, но и социальные и культурные институты страны исхода и принимающего общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дэйвис К. (2005) – Davies, Christie. Searching for Jokes: Language, Translation, and the Cross-Cultural Comparison of Humour. In Toby Garfitt, Edith McDonald, and Jane Taylor (eds.), *The Anatomy of Laughter*. London: Legenda.
2. Еленевская М. (2012) Как быть чужаком: языковое поведение в иноязычной среде сквозь призму народной лингвистики. *StudiaLinguisticaXXI*: 143–152.
3. Санников В. (2003) *Русская языковая шутка. От Пушкина до наших дней*. Москва: Аграф.
4. Sommer Д. (2004) – Sommer, Doris (2004) *Bilingual Aesthetics: A New Sentimental Education*. Durhamand London: Duke University Press.

Ларина Т.В.
(Россия, Москва)

Культурная грамотность как необходимое условие межкультурной коммуникации

Межкультурная коммуникация – это сложный процесс взаимодействия представителей различных культур, которые не только говорят на разных языках, но и думают, и ведут себя по-разному.

Цель межкультурной коммуникации как учебной дисциплины – повысить уровень культурной восприимчивости и толерантности в межкультурном общении и сформировать межкультурную коммуникативную компетенцию, основными компонентами которой являются языковая, коммуникативная и культурная компетенции.

Давно установлено, что одних языковых знаний для эффективной межкультурной коммуникации недостаточно. Кроме языка, необходимо знать культуру его носителей, то есть, помимо языковой грамотности, изучающие иностранный язык должны обладать определенным уровнем культурной грамотности, на основе которой формируется коммуникативная грамотность.

В широком понимании под культурной грамотностью (термин Э.Д. Хирша) понимается владение системой знаний, необходимых

человеку для того, чтобы ориентироваться в современном мире. Она включает базовые, самые необходимые знания обо всех сферах человеческой деятельности. Применительно к межкультурной коммуникации *культурная грамотность* – это владение системой знаний, необходимых человеку для того, чтобы ориентироваться в иноязычной культуре и успешно строить общение с ее представителями.

Язык и культура дают знания, необходимые для коммуникации, которые синтезируются в коммуникативных умениях межкультурного общения. Без знания культуры носителей изучаемого языка общение строится с опорой на собственную культуру, что создает многочисленные проблемы в межкультурной коммуникации.

Поскольку культура – чрезвычайно сложное и многомерное явление и в полном объеме ее усвоить невозможно, необходимо определить *культурный минимум*, который обеспечивал бы культурную грамотность. Если тезис о том, что язык и культура неотделимы и для владения иностранным языком необходимо знание культуры его носителей, уже не требует доказательств, то вопрос о культурном минимуме, который мог бы обеспечить необходимый для общения уровень культурной грамотности, остается открытым и является важной методологической проблемой теории межкультурной коммуникации.

Вопрос отбора культурного минимума касается как содержания знаний об изучаемой культуре, так и их объема, определить который чрезвычайно сложно, поскольку вполне естественно, что, чем больше мы знаем о культуре собеседника, тем лучше мы его понимаем и тем успешнее можем строить свое поведение в межкультурном диалоге. Более того, он будет варьировать и от уровня коммуникативной

компетенции, каждому из которых соответствует свой культурный минимум, необходимый для решения соответствующих задач.

Не менее важным является вопрос о содержательной стороне культурного минимума. Чаще всего в него включают фактические знания – культурные реалии, исторические, географические и культурные факты. Когда речь идет о языке, основное внимание уделяется безэквивалентной лексике, прецедентным текстам – тем единицам языка, которые являются хранителями культурной информации. Однако для того, чтобы успешно вести общение на иностранном языке, адекватно воспринимать действия собеседника и самим вести себя в соответствии с принятыми в данной культуре традициями и стилем коммуникации, подобных знаний недостаточно. Необходимо обладать знаниями, относящимися к глубинному слою культуры, куда входят менталитет народа, ценностная система, предопределяющая его образ жизни и являющаяся регулятором поведения.

При этом важно, чтобы изучение культуры было не фрагментарным, а системным, поскольку только системный взгляд на культуру способен дать цельное представление о менталитете того или иного народа, понять его доминантные, в том числе *коммуникативные ценности*, под которыми понимаются культурные ценности, оказывающие непосредственное влияние на коммуникативное поведение, предопределяющие его правила и нормы и формирующие этнокультурный стиль коммуникации.

Знания, входящие в культурный минимум, позволяют понять логику в поведении представителей иной культуры и помогают осуществлять в ней коммуникативную деятельность. В обобщенном виде эту взаимосвязь можно представить следующим образом:

- тип культуры, к которой принадлежит собеседник →

- характерная для данной культуры социокультурная организация общества →
- культурные ценности (в том числе коммуникативные) →
- понимание вежливости и знание ее стратегий →
- особенности построения дискурса →
- доминантные черты стиля коммуникации.

На примере английской и русской коммуникативных культур в докладе планируется показать, что комплекс этих знаний позволяет понять причину различий в коммуникативном поведении англичан и русских, увидеть, проследить и понять определенную логику в их действиях, сформулировать правила «грамматики поведения», которые помогают адекватно и осознанно действовать в иноязычной культуре.

Оболенская Ю.Л.
(Россия, Москва)

Стилистика испанской речи и особенности иберийской модели речевого поведения

Среди многообразного богатейшего научного наследия Н.М. Фирсовой есть область, в которой оригинальность методики ее исследования, глубина и широта научных интересов, возможно, проявилась наиболее ярко и полно. Эта область – функциональная стилистика испанского языка. Впервые в России она предприняла смелую попытку исследовать грамматическую стилистику не определенного национального варианта испанского языка, а стилистику языка всех национальных вариантов испанского в целом. Этот пионерский подход на двадцать лет опередил стратегию Академий Испанского языка в странах испанской речи и в самой

Испании, стратегии, которая лишь на рубеже XX и XXI веков определила новое направление деятельности академий по созданию унифицированного стандарта языка и описанию и фиксации национальных норм словоупотребления испанского языка в Старом и Новом Свете.

В этом докладе я постараюсь показать национально-культурную специфичность стилистических параметров иберийской нормы испанской речи и того, что еще долго будет выделять испанцев – особенности их речевого поведения. Известный афоризм Ж.Л.Бюффона: «Стиль – это сам человек» вполне может быть трансформирован в следующий: «Стиль – это сама нация», при этом стиль должен оцениваться как реальный феномен культуры, отражающий духовные смыслы национальной культуры и одновременно способ рационально регулируемого структурирования речевой деятельности.

Стиль – это утверждение индивидуальной уникальности, это отказ от стереотипа. Привлекательность истинной индивидуальности и неповторимости каждого национального языка, состоит в том, что она с одной стороны, открывает нам мир новых ценностей, а с другой – то, что она воплощена в устойчивой и ясной структуре.

Э. Сепир заметил, что «есть почти столько же естественных идеалов литературного стиля, сколько есть языков. Большая часть этих идеалов имеется только в потенции, ожидая творческого воздействия художников слова...¹». То, что каждое национальное языковое сознание обладает своим «идеалом красоты художественно-языкового воплощения», по мнению Г.Зейдлера, объясняет стремление французского языка «к ясному, социально удовлетворяющему воплощению, английский – к возможно более

полному достижению определенной цели, немецкий – к самостоятельности отдельных образований».²

Что касается испанской иберийской модели речевого поведения, ее главные черты связаны с языковой функцией воздействия – *действия, рассчитанного на содействие* (активную ответную реакцию) адресата. Речевой акт носит *импрессионистический* и часто *импровизационный* характер, его отличает стремление произвести яркое впечатление и одновременно стремление мгновенно воздействовать на адресата, поразить его по-новому звучащим словом, каламбуром, невиданной метафорой. Экспрессивность превалирует над логикой, выражая свою мысль, автор озабочен не тем, насколько она ясна, но тем, *каким* предстанет он сам в глазах читателя или слушателя. Очень важное наблюдение сделал Карл Фосслер, заметив, что в испанской поэзии, как и в языке в целом, «дистанция и граница между говорением и слушанием, между созданием (речи) и ее восприятием гораздо меньше, чем в языках других народов»³. В Испании превыше всего ценится красивый жест и красноречие, испанцы – истинные наследники античной риторики и творцы барочной чрезмерности.

Х.Ортега и Гассет об эстетических приоритетах испанцев, воплощенных в художественных текстах, отмечает, что испанские сравнения «простодушны и ориентированы на гармонию в ее классическом понимании» потому, что «изначально наша литература (и даже вообще язык) была риторична; то было ораторское искусство»⁴. Не случайно Золотой Век испанской литературы подарил миру столько драматургов, да и прозаические произведения здесь чаще напоминают драматические диалоги или монологи.

Не менее важной чертой испанской речи является стремление передать/отобразить *действие* или его развитие. В старинных

романсеро, коплас, в испанском фольклоре в целом приоритет обычно отдается изображению действий персонажей, а не их переживаний или статичных описаний.⁵ *Acción* всегда превалирует над *estado* в содержании речевого произведения, и это также создает эффект драматургичности поэтических и прозаических произведений. Отмечая эту особенность испанских художественных текстов, Фосслер охарактеризовал как «*acción en prosa*» и «Селестину» Рохаса и такую жанровую разновидность как плутовской роман, получивший в Испании особое распространение.

Действие-движение как условие самоосвобождения от чужого давления – важная черта языкового сознания испанцев. Сравним с русским *ожиданием-самосохранением*, ярко воплощенном в Илье-Муромце, Емеле, Обломове, героях Л.Толстого.

Итак, динамизм и риторика, спонтанность и эмотивность, смешение стилистических регистров и речевых жанров, «высокое» рядом с вульгарным и смешным – сосуществование этих качеств национальном языковом сознании привели к созданию уникальной испанской стилистической парадигмы. Созданию особой модели речевого поведения испанцев в немалой степени способствовало и особенности национального менталитета и того, что называют национальным характером. Яркой чертой испанского национального характера является крайний индивидуализм, граничащий с эгоцентризмом, желание испанцев активного (действенного) самоутверждения в слове или поступке проявляется во всех видах культурной коммуникации. При этом в ситуации речевого общения большую роль играют невербальные средства общения: жесты, мимика, прикосновения.

Если исходить из положения о существовании трех основных функций языка, выделенных В.В.Виноградовым: функции *общения*,

сообщения и воздействия, то с известным допущением следует признать, что в испанском языке превалирует функция *воздействия*; неслучайно автор широко известного «Учебника по грамматике испанского языка» Рафаэль Секо, рассуждая о преимуществах лиц, в полной мере владеющих мощными ресурсами родного языка для того, чтобы яснее и точнее выразить свою мысль, заключает: «Искусство говорить или писать – это искусство убеждать»⁶.

Примечания

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993, С. 200-201.

² Вопросы литературы. 1970, №4, с.23.

³ Vossler Karl. Algunos caracteres de la cultura española. Madrid, 1941, p.57.

⁴ Цит. по: Ортега и Гассет. Этюды об Испании. Киев, 1994. с.264.

⁵ Действие представлено в ситуациях речевого общения очень ярко. Например, в миниконтексте приветствия для эмоциональной оценки состояния: *¿Cómo estás/ vas? – Pues, tirando* (Как дела? – Не очень, так себе, помаленьку). Большую часть междометий также представляют глагольные формы: например. *!Anda!, !Ande/Andalo!* – побуждение к действию, удивление, неожиданность; *!Venga!* – побуждение, упрек; *!Aprieta!* и *!Atiza!* – порицание, осуждение; *!Vaya!* – побуждение к действию или его прекращению, удивление, восхищение.

⁶ «Arte de persuadir» – в оригинале. Цит. по: «Manual de gramática española»

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
2. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
3. Фирсова Н.М. Избранные труды. Актуальные проблемы грамматической стилистики и разговорной речи испанского языка. Том 1. М., 2009.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
5. Seco R. «Manual de gramática española» Madrid, 1979.

М.М. Раевская

Россия, Москва

Лингвистическая идеология как важнейшая составляющая этоса культуры

В последние десятилетия в современном социально-политическом контексте тематика лингвистической идеологии как одной из составляющих национальной идентичности привлекла к себе

пристальное внимание политиков, социологов и лингвистов благодаря широкому спектру своих как закономерных, так и неожиданных проявлений. Продолжающаяся глобализация современного общества затрагивает не только экономическую и политическую жизнь социумов, но, прежде всего, проявляется непосредственно в языковой сфере, которая живо реагирует на данный вызов времени как в повседневной коммуникации, так и в сфере ее регулирования.

Термин «лингвистическая идеология» был предложен в работах по антропологии, прагматике и социолингвистике (J. Blommaert, S. Gal, P.V. Kroskrity, B.B. Scieffelin, K. A. Woolard) в конце XX века. Под лингвистическими идеологиями в целом понимаются непосредственно наблюдаемые в социальной жизни репрезентации (эксплицитные или имплицитные) концептуальных схем отношения говорящих к своему языку. При этом лингвистическая идеология отражает вполне однозначное восприятие языка, зиждущееся на интересе определенной социальной или культурной группы, и определяет тем самым каждодневное лингвистическое поведение (коммуникацию) членов социума, которое в свою очередь имеет непосредственный выход в социальной практике.

С термином «лингвистическая идеология» непосредственным образом связан предложенный в работах Х. Шиффмана (H. Schiffman, 2004) термин «лингвистическая культура», который репрезентует совокупность абстрактных и универсальных представлений о языке, речи, обучении языку и лингвистическом сообществе в целом. Как и лингвистическая идеология, лингвистическая культура является достоянием всего языкового сообщества, но если первая представляет собой в большей степени некий идеологический код, вторая имеет чисто практические цели по обустройству общественной жизни в таких наиважнейших ее сферах

как образовательная, общественно-политическая, культурная, религиозная и т.п.

Именно лингвистическая культура определяет норму лингвистического поведения или лингвистическую практику, и хотя каждая из этих норм ассоциируется с разными культурами, их сосуществование и сложное взаимодействие воспринимаются как присущая конкретному обществу имманентная данность, которая уже самим фактом своего существования конституирует групповую идентичность. При этом не только факт коэзистенции, но и сама возможность комбинированного использования различных норм и таящийся в этом потенциал является источником, порождающим чувство причастности к более сложно организованному языковому сообществу, то есть идентичность, экстраполированную на гетерогенный социум.

Привязка к этосу культуры является ключом к пониманию сущности лингвистической идеологии: когда речь идет о национальной или этнической идентичности, язык является наиболее релевантной ее характеристикой, нежели культурные или исторические символы. Этнос как термин, разработанный еще в 1934 году Рут Бенедикт (R. Benedikt), является «скрытым основанием установок по отношению к самому себе и миру» (Cl. Greetz) и обозначает некую совокупность бессознательного, реализующегося в виде устойчивых, стабильных черт характера или нравственных представлений индивида, вследствие его неизменности. В своей основе этническая культура определяется бессознательным «образом в себе», которому принадлежит главенствующая роль в регуляции социальных отношений, ибо именно он определяет согласованность действий членов этноса.

Как показывают исследования, степень этничности как некоего показателя самоощущения этноса может меняться: «она возрастает или ослабевает в ответ на внешние условия» (P. L.VandenBerghe)). Соответственно может усиливаться или ослабевать необходимость проявления всех составляющих данного самоощущения, в том числе и лингвистической идеологии, что сразу же отражается на лингвистической практике: всплеск регионалистических настроений в Испании после смерти Франко является ответом на те внутрисполитические условия, в которых долгое время существовала страна. С другой стороны, в настоящее время центральная власть в Испании прикладывает огромные усилия к дальнейшему продвижению испанского языка на международной арене, что объясняется чисто экономическими причинами последних лет.

Языковая ситуация в Латинской Америке всегда характеризовалась исключительным мультилингвизмом, имеющим как положительные, так и проблемные стороны, которые по отношению к политическим и образовательным программам стали серьезно рассматриваться лишь в последние два десятилетия. Вместе с тем, в настоящее время латиноамериканские страны (как Испания) все более утверждают в осознанной необходимости продвигать испанский язык как язык единой культуры (*lengua de cultura común*) из чисто политических соображений.

В США организации испаноязычных иммигрантов требуют ввести билингвальное обучение при поддержке правительств латиноамериканских стран и Испании, экономически заинтересованных в продвижении испанского языка на данной территории.

Таким образом, тематика лингвистической идеологии очень актуальна для современного испаноязычного социума как на

Пиренейском полуострове, так и Латинской Америке, так как представляет собой один из регуляторов социальной жизни общества, во многом определяющих стабильность последнего.

Чеснокова О.С.
(Россия, Москва)

Художественный текст как источник познания национального характера: «Араукана» Алонсо де Эрсилья-и-Суньи́га

Художественный текст является неиссякаемым источником познания в гуманитарных науках, в первую очередь, в литературоведении и языкознании. Однако художественный текст, прежде всего текст особой исторической судьбы, может выступать и как диалогически обусловленный творческий способ и источник познания национального характера. По мысли Д.С. Лихачева, «национальный характер – это и особенности исторического пути литературы, особенности её развивающегося взаимоотношения с действительностью, особенности меняющегося положения литературы в обществе» [1:5].

Для познания национального характера чилийцев и испанцев весьма показательным оказывается выдающееся произведение XVI века – поэма «Араукана» испанца Алонсо де Эрсилья-и-Суньи́га (Alonso de Ercilla y Zúñiga; 1533-1594).

По словам видного венесуэльского ученого, политического и государственного деятеля Андреса Бельо, «Чили – единственная страна, чье основание было увековечено эпической поэмой» (Chile es el único de los pueblos modernos cuya fundación ha sido inmortalizada por un poema épico); цит. по: [3: 143].

Автор поэмы *La Araucana* был приближенным Короля Филиппа II. В 1554г. в Испании стало известно о восстании индейцев-арауканов и гибели губернатора Чили. Эрсилья-и-Суньига как военный отправляется в Новый Свет для участия в подавлении восстания индейцев.

Индейцы-арауканы, самоназвание которых *mapuche* «люди земли», – коренное население Чили, ко времени прихода испанцев занимавшее почти всю современную территорию Чили. Индейцы-мапуче оказывали яростное сопротивление испанцам. Симптоматично, что этот факт подчеркивает известный американский романист Дж. Липски, анализируя факторы развития испанского языка Чили (в частности, «арауканскую» фонетику чилийцев), отмечая при этом, что индейцы-мапуче использовали искусные военные тактики, которые они, в том числе, перенимали у самих испанцев [2: 220].

Юный Алонсо де Эрсилья-и-Суньига стал непосредственным участником сражений с индейцами. Полученное им прекрасное для того времени образование, поэтический дар и дар наблюдателя, честь и достоинство испанского аристократа воплотились в поэме *La Araucana*, положившей начало чилийской национальной литературе, а в XIX веке ставшей национальным эпосом Чили.

Первая часть поэмы увидела свет в 1569 году, и была бурно встречена читателями.

Главный поэтический голос поэмы – голос самого Эрсилья-и-Суньига, очевидца событий и поэта. Поэма состоит из трех частей (1569; 1578; 1589) и тридцати семи песен (*cantos*), написанных октавами рифмы *ABABABCC*, и представляет по жанру героическую поэму. В ней нет центрального главного героя, а посвящено

произведение Королю Филиппу II, которого автор просит принять его поэму как подарок:

*Suplícoos, gran Felipe, que mirada
esta labor, de vos sea recibida,
que, de todo favor necesitada,
queda con darse a vos favorecida.
Es relación sin corromper sacada
de la verdad, cortada a su medida;
no despreciéis el don, aunque tan pobre,
para que autoridad mi verso cobre. (Canto I).*

Поэма начинается рассказом о причинах восстания индейцев-арауканов, а заканчивается рассказом о победе испанцев. Наряду с абстрактно-мифологическими образами, в изобилии представленными в тексте, и лирическими отступлениями-рассуждениями, в поэме много достоверных топографических и этнографических подробностей, описывающих Чили. Вот, например, как автор говорит о природных богатствах Чили и гордом нраве арауканов:

*Chile, fértil provincia y señalada
en la región antártica famosa,
de remotas naciones respetada
por fuerte, principal y poderosa;
la gente que produce es tan granada,
tan soberbia, gallarda y belicosa,
que no ha sido por rey jamás regida
ni a extranjero dominio sometida (Canto I).*

В поэме выведено много реальных индейских персонажей, составляющих предмет национальной гордости чилийцев, и по сей день, например, *Кауполикан*, *Лаутаро*, *Оромпельо*, *Гальварино*, мужеством и отвагой которых восхищается автор поэмы.

Примечательно, что имя погибшего в двадцать три года и к тому времени уже четыре года возглавлявшего индейцев-мапуче в борьбе против испанцев *Lautaro* / *Лаутаро* для современных чилийцев имеет такую же героическую символику, как *Cuauhtémoc* / *Куаутемок* (ацтекский герой, стоически принявший смерть на костре) для мексиканцев [4: 69].

Имена арауканских героев запечатлены на современной карте Чили. Например, в административном регионе Араукания в центральной части страны есть коммуны Лаутаро и Гальварино.

ЛИТЕРАТУРА

1. Художественное своеобразие литератур Латинской Америки. М., 1976.
2. Lipski John M. El español de América. Madrid, Ed. Cátedra, 1996. 447 p.
3. Menéndez Pelayo, Marcelino. Chile (Poesía Hispanoamericana) // Historia de la Poesía Hispanoamericana, tomo II, Madrid, 1913, pp. 143-181.
4. Tibón, G. Diccionario etimológico comparado de nombres propios de persona por Gutierre Tibón. – México: Fondo de Cultura Económica, 1986. 252 p.

Чекулай И.В., Прохорова О.Н.
(Россия, Белгород)

Диахронический аспект стилистических транспозиций глагола в английском языке

Несомненно, в стилистике иностранных языков проблемам стилистического функционирования единиц грамматико-морфологического уровня уделялось определённое внимание (например, в [Стилистика 1991]), однако серьёзный системный подход к данной проблеме был осуществлён Н.М.Фирсовой. Как справедливо отмечает Наталья Михайловна, «традиционное представление о незначительности стилистических ресурсов морфологии является следствием недостаточной изученности конкретного материала».

В стилистике английского языка данная проблема приобретает не только сугубо научно-лингвистический, но и методический характер. Студенты очень часто задают преподавателям вопрос, почему глаголы, которые по определению не могут использоваться в форме длительного вида, в конкретных текстах употребляются именно в такой форме, и за отсутствием подобных разработок вопрос часто остаётся без ответа.

На наш взгляд, для выяснения этой и других проблем транспозиции глагольной формы в стилистических и прагматических целях необходимо планомерное изучение не только синхронного состояния данной проблемы, но и изучить случаи подобной транспозиции в работах англоязычных писателей XVIII и XIX веков, т.е. периода, когда диктат грамматической нормы над ситуативным употреблением был безоговорочным. Тем не менее, подобные транспозиции не являются окказиональными, и их можно систематизировать. В частности, морфолого-грамматические трансформации возможны как в авторской, так и в персонажной речи. Несомненно, последние являются более частыми по сравнению с авторскими трансформациями, но всё-таки они встречаются. Очень часто это явление отмечается не в контексте отдельного высказывания, а в контексте СФЕ. Например, в приведенном ниже отрывке автор начинает описание комнаты глаголом в прошедшем времени, а в последующих предложениях переходит к настоящему времени:

On one side *stood* a long, low, shelf-like table covered with cracked glass cases, filled with dusty rarities gathered from this wide world's remotest nooks. Projecting from the further angle of the room *stands* a dark-looking den—the bar—a rude attempt at a right whale's head. Be that

how it may, there *stands* the vast arched bone of the whale's jaw, so wide, a coach might almost drive beneath it... [H.Melville. Moby Dick].

Очень часто транспозиции глагола в персонажной речи сочетаются с транспозициями моделей предложения. Например, в приведенном ниже примере транспозиция придаточного условия в часть сложносочинённого предложения преследует целью усиления эффекта от вежливой угрозы:

'You *show* her any of your impudence again,' resumed Kit, shouldering the bandbox, 'and I tell you what, Mr Quilp, I won't bear with you any more' [Ch.Dickens. The Old Curiosity Shop].

Чаще всего транспозиция глагольной формы в персонажной речи обусловлена её функционированием как дополнительного средства характеристики личности персонажа. Чаще всего подобная транспозиция показывает низкую степень образования или культуры персонажа, в устах которого она звучит, т.е. фактически выполняет ту же функцию, что и графоны. Так, в приведенном ниже примере замена вспомогательного глагола *does* на *do* с последующей отрицательной частицей является типичным употреблением, характерным для английского простонародья:

"Well, sister, it's only two-and-ninepence, and poor Becky will be miserable if she *don't get* one" [W.M.Thackeray. Vanity Fair].

Следует отметить, что часто наличие транспозиций в одних типичных дискурсивных ситуациях и их отсутствие в других в речи одного и того же персонажа может подчёркивать особую ситуативную значимость данного фрагмента произведения. В частности, в «Оливере Твисте» Ч. Диккенса грабитель и убийца Уильям Сайкс в обычных, далёких от кульминативных, эпизодах произведения часто допускает типичные для просторечия транспозиции глагольных форм типа *wot are you stopping outside for, if I was them* и другие, но его речь

звучит нормативно в момент, когда его пытаются предать в руки закона, и он вследствие ошибки попадает в собственную петлю.

Таким образом, заложенные Н.М.Фирсовой принципы изучения стилистико-грамматических явлений нуждаются в дальнейшей системной разработке на материале различных языков, на разных синхронных срезах, в выяснении их динамики в диахронии. Представляется, что их исследование окажется важным не только для лингвостилистики и грамматики, но и для изучения особенностей индивидуального стиля автора, интерпретации художественного текста и других важных разделов лингвистической науки.

ВЕЧЕРНЕЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Моисеенко Л.В.
(Россия, Москва)

Персуазивные стратегии в латиноамериканском рекламном тексте

Рекламный текст традиционно рассматривается как коммуникативная единица, имеющая специфическую конфигурацию и преследующая определенные цели. Коммуникативная интенция рекламного сообщения имеет две цели – повлиять на сознание потребителя и способствовать тому, чтобы потребитель купил продукт. Лингвиста в этом случае интересуют стратегии и средства, работающие на мотивацию потребителя, которые получили название *персуазивного дискурса* [2]. Средства, которые позволяют достичь коммуникативных целей создают эффект неожиданности и направлены на привлечение внимания потребителя – явление, описываемое маркетинговой формулой AIDA: Ideally the message should attract *attention*, hold *interest*, arouse *desire* and elicit *action* [1].

Рекламодатель, пользующийся персуазивными стратегиями, постоянно ищет инновационные подходы. Так, в рекламе новой марки Тойоты бразильское рекламное агентство Dentsu делает упор на установление сентиментальных связей между потребителем и рекламируемым автомобилем.

El recién lanzado Corolla 2015 *llegará al corazón de muchas personas*. La nueva campaña *tiene tono emocional y explora los sentidos de una persona enamorada que ve todo de una mejor forma, ve el mundo de una forma más optimista y poética. "Quienes estuvieron enamorados saben esa sensación de bienestar y euforia que se vive"* (RLS 14.03.14.).

В качестве персуазивных стратегий в латиноамериканском рекламном тексте могут выступать *ценности англоязычного мира и даже английский язык*. Строго ориентированная на потребителя реклама дошкольного учреждения в Доминиканской республике повествует о том, что с первых лет жизни ребенка необходимо его готовить к преодолению препятствий и формированию у него позиции лидера. Здесь имеет место столь частая в рекламе постановка проблемы – un problema hipotético, Problem/Solution/Pattern, для решения которой Kid's n Tas является идеальным учреждением. С точки зрения коммуникативной интенции это – подчеркивание престижности учебного заведения (establecer credenciales). Центр специализируется на обучении английскому языку с 3 лет по американской франшизе TAS, которая разработала методику работы с детьми.

Kid's n Tas, "*The next step to a brighter future*" (el próximo paso para un futuro brillante), es la mejor opción para los pequeños, ya que es un preescolar bilingüe. Kids' n Tas debe su nombre a la franquicia americana TAS, The American System (El Sistema Americano), donde surgen en sus orígenes *los estándares y la metodología de trabajo* que desarrollan con los niños (Hoy 30.12.2012).

В случае если реклама направлена на иностранцев, она может публиковаться и на английском языке, как например, приглашение на морскую прогулку по побережью Атлантического океана. Предлагаемая программа оформлена в форме диалога между продавцом и потенциальным покупателем услуги и включает в себя элементы разговорной модели, маркеры вежливости, что поддерживает открытым канал коммуникации.

The Dominican company invites to sea walks along coast of Atlantic ocean

09:00 – *Everybody on board*. A welcome cocktail is served.

12:00 – *lunch is ready*.

01:15 – 02:45 sailing back to Playa Dorada.

03:30 – *desambarque*. *Thanks...* Hoy 15.03.2013).

Положительный эффект на потребителя должно оказать, по мнению рекламодателя, меню из национальных блюд на испанском языке и карта напитков на английском языке: *picadera de salami, jamón y queso, tacos hechos a base de carne de res y pechugas de pollo, salsa guacamol y mexicana picante, drink: coke, water, fruit punch, beer, rum, rum and more rum ...* Предлагаемые потенциальному потребителю напитки выступают в функции традиционных для рекламы стимулов (*incentivos*).

Английский язык оказывается ключевым стимулом для привлечения внимания иностранных покупателей недвижимости, при оформлении объявления по набору на подготовительные курсы в туристический бизнес и др.: *Tourism sector needs 100,000 skilled workers* (www.dominicaninfogroup.com 07.08.2013).

Латиноамериканская реклама маркирована повышенной эмотивностью. Для привлечения внимания покупателя она использует, помимо традиционных дискурсивных тактик, инновационные подходы со строгой ориентацией на потребителя, среди которых особое место занимают ценности англоязычного мира и английский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Comfort J., Brieger N.* Marketing. – Hertfordshire: Prentice Hall International, 1992. – 190 p.
2. *RocamoraAbellánR.* Cognitive Devices throughout Different Advertising Styles: How Metaphors Sell Holidays //SanzSainz I., FelicesLago A. (eds). *Las Nuevas Tendencias de las Lenguas de Especialidad en un Contexto Internacional y Multicultural*. – Granada: Universidad de Granada, 2004. – P. 839–847.

Малюга Е.Н.
(Россия, Москва)

Лингвокультурная специфика профессионально-деловой коммуникации

Современное состояние науки активизировало развитие лексической системы. Данный этап развития лексической системы характеризуется образованием специальной лексики, которую отличает богатая терминологическая база, наличие профессионального жаргона.

В силу постоянного интереса общества к экономическим вопросам, лексическая система профессионального экономического дискурса постепенно внедряется в речь образованной части населения, взаимодействуя с универсальными пластами речи представителей других специальностей.

Экономический дискурс обеспечивает эффективность профессионального общения в рамках группы специалистов, объединенных одним видом деятельности. Языковые средства, применяемые в конкретной профессиональной сфере, можно представить в виде системы, где все понятия связаны логическими отношениями подчинения и соподчинения.

В этом смысле всесторонний анализ характерных свойств англоязычного экономического дискурса и поиск способов гармонизации профессионально-деловой коммуникации представляется чрезвычайно важной задачей гуманитарных исследований. Большое внимание привлекают способы повышения коммуникативной эффективности экономического дискурса, в частности, путем пополнения словарного состава терминологией и профессиональным жаргоном.

Лексические и фразеологические англоязычные заимствования – один из основных путей пополнения профессионального словарного состава.

Отечественные и зарубежные лингвисты отмечают ведущую роль социальных факторов в процессе развития языка.

Расширение экономических и политических связей является одной из причин интеграции социумов. Между тем в большинстве случаев, когда профессиональный язык попадает в поле зрения лингвистов, традиционно исследуется нормативная или кодифицированная часть (термины), а изучение особенностей некодифицированных единиц профессионального языка (профессиональный жаргон и его компоненты, специальный сленг и т.д.) находится в отечественной лингвистике на начальной стадии изучения. Представление о профессиональном языке будет неполным, если исследовать только его кодифицированный вариант, поскольку в профессиональном языке существуют специальные лексико-фразеологические пласты некодифицированной лексики.

Англоязычная профессиональная лингвокультура, как правило, не выделяется в самостоятельный тип. Профессиональные лингвокультуры рассматриваются учеными как отрасли культуры, либо как субкультуры.

Профессиональная лингвокультура включает в себя такие компоненты как речевой этикет, традиции, обычаи и т.д. Перечисленные компоненты являются совокупностью социальных норм поведения.

В профессиональном самосознании происходит понимание общности интересов, формируются процессы социального слияния группы и поддержания ее стабильности. Профессиональное самосознание связано с профессиональным мировоззрением как

своеобразный индикатор общего мировоззрения и компонент профессиональной лингвокультуры.

Совокупность языковой и социальной картины мира отражает профессиональное мировоззрение, которое формирует у профессионального сообщества специфическое самосознание и профессиональную языковую картину мира. Следовательно, в качестве основы становления профессиональной культуры выступает взаимодействие профессии и профессиональной лингвокультуры.

Полякова А.А.
(Россия, Сочи)

**К проблеме коммуникативной
«сложности языка»**

В последнее время в ряде социолингвистических исследований отмечается обращение к проблематике доструктуралистской лингвистики. Особое место уделяется проблеме «сложности языка». Таким образом, ставится под сомнение принцип языкового униформизма. В разные годы отдельным аспектам данной проблемы были посвящены работы А. Бердичевского, Э. Даля, В.А. Успенского, Н.К. Верещагина, Ф.Карлсона, В. Визанга, Дж. Мак-Уортера, П. Традгила, Р.Шостеда, Э. Рэй и др. Как показывает анализ, исследователи по-разному подходят к рассмотрению феномена сложности языка. Объединяющими признаками здесь становятся: 1) рассмотрение сложности как отдельного параметра, где изучается сложность языка как системы, диалекта, конкретного языкового знака и т.д.; 2) количественное измерение сложности как отдельного параметра, или его субъективная оценка; 3) суммирование результатов исследования феномена «сложности языка», оформление

так называемой «объяснительной теории» функционирования данного феномена.

По мнению ряда учёных (А. Бердичевский, В. Кюстерс, Р. Дейл, М. Миестамо, Д. Сэмпсон), сложность языка зависит от ряда социальных факторов: многочисленности состава общества, интенсивности в нём связей между индивидами, интенсивности контактов с другими языками и т.п. Типологически сложность языка бывает относительной и абсолютной. Для определения абсолютной (объективной) сложности в науке опираются на понятие из теории информации, где отправной точкой становится идея «колмогоровской сложности» (В.А. Успенский). Однако лингвистами для определения абсолютной сложности используется так называемая «эффективная сложность». Термин введен М. Гелл-Манном. Относительная (субъективная) сложность, по М. Миестамо, зависит от человека, для которого оцениваются трудность (насколько трудной или легкой для него является задача) и стоимость (что конкретному человеку необходимо совершить для достижения определенной цели). В лингвистике в большинстве работ по языковой сложности исследуются особенности освоения взрослыми неродного языка (А. Бердичевский).

Суммируя различные подходы к дефиниции термина «сложность языка» приводим следующее толкование данного термина: сложность языка – это процесс и результат освоения языка как системы, либо отдельных компонентов этой системы, зависящих от целого ряда факторов, как объективных, так и субъективных, заданных определёнными параметрами. Результаты исследования сложности языка релевантны для разных областей лингвистики.

Багана Ж.

(Россия, Белгород)

Соматизмы с лексемой «голова» в составе фразеологических африканизмов

Данная лексема является еще одним широко распространенным соматизмом, который встречается во фразеологии французского языка в Африке. Хотя широта образности слова *tête* во французской фразеологии Африки несколько сужается по сравнению с общепольской фразеологией. Под влиянием местных представлений о той роли, которую в психо-фразеологической деятельности человека призвана играть голова, эта часть тела ассоциируется в основном с местом нахождения мысли и разума. На сегодняшний день в Африке голова, в первую очередь, ассоциируется с таким понятием как *intelligence* – «ум». В частности, отметим следующие ФЕ со словом *tête*:

penser dans sa tête (Бенин, Того) – (букв. думать в голове) – «глубоко задумываться». *L'Araignée pense dans sa tête comment elle va tromper l'éléphant* – «Паук обдумывает, как ему обмануть слона»;

mettre la tête dans qch (Камерун) – (букв. класть голову во что-либо) – «стараться». *Il faut mettre la tête dans les études* – «Нужно стараться когда учишься».

Сказав неосторожное слово, можно многое испортить как в своей личной жизни, так и в жизни другого человека. Поэтому значение *prudence* – «осторожность» имеет место во ФА, включающих лексему *tête*. Данный факт объясняется достаточно просто: прежде чем говорить, необходимо обдумать каждое слово, а процесс обдумывания происходит непосредственно в голове. *Si un caillou tombe d'en haut, que chacun se protège la tête* (пер.) – (букв. если

камень падает с высоты, необходимо, чтобы каждый берег голову) – «береженого бог бережет».

Однако в противовес «осторожности» можно обнаружить ее значение и с отрицательной коннотацией – *imprudence* – «неблагоразумие». *Le jour où le lièvre est content, sa tête entre dans la gibecière* (моси / Буркина-Фасо) – (букв. в день, когда заяц доволен, его голова попадает в сумку) – «Из-за необдуманности люди находят собственное несчастье».

К сожалению, жизнь любого человека не проходит без каких-либо проблем, которые заставляют его страдать. В этом отношении в лексеме *tête* появляется значение *malheur* – «несчастье». Тема несчастья в Африке обнаруживается не только для одного человека, а для всех, потому что африканец не может быть одинок в своей беде, к нему на помощь придут не только его родственники, но и совершенно посторонние люди. В Европе несчастье разобщает людей, хотя существует общефранцузский фразеологизм *on reconnaît l'ami dans le malheur* – «друг познается в беде». Проявление отношения африканцев к теме несчастья наиболее ярко представлено в языке пель (Камерун): *Si on rase ton camarade, mouille-toi la tête et attends* – (букв. если бреют твоего товарища, намочи голову и жди) – «Если ты видишь, что друга постигло несчастье, скажи себе, что оно может постигнуть и тебя»; *Le mal que sème un grand personnage pousse sur la tête de son enfant* (рег.) – (букв.: ло, которое посеял взрослый человек, вырастает на голове его ребенка) – «что посеешь, то и пожнешь».

В продолжение жизненной темы необходимо отметить, что жизнь на земле невозможна без мирного существования. И несмотря на то, что африканцы достаточно эмоциональный народ, мир для них очень важен. Эмоциональное состояние африканцев рассматривается как соответствующая реакция на определенное положение вещей,

включая выполнение определенного речевого акта. Эмоциональность является наиболее конкретной и наиболее субъективной частью содержательной структуры наименования, в связи с чем собственно эмоциональные компоненты значения реализуются только в самих актах коммуникации. На фоне эмоциональности и мирного сосуществования возникает значение *paix* – «мир» во фразеологическом африканизме с лексемой *tête*. *Celui qui a quelqu'un pour lui soutenir la tête relâche le cou* (барун / Камерун) – (букв. тот, у кого есть кому поддержать голову, расслабляет шею) – «у кого есть опора в жизни, может не беспокоиться». Ввиду своей эмоциональности африканские народы придают важное значение слову. Данное значение также обнаруживается в лексеме *tête*. *A vendre la tête, c'est la langue* (тукулер / Сенегал) – (букв. для того, чтобы продать голову существует язык) – «язык – орган ошибок, лжи».

Карповская Н.В.

(Россия, Ростов-на-Дону)

К вопросу о словарных соответствиях и текстовых эквивалентах компонентов лингвопрагматических категорий

В процессе коммуникации наряду с универсальными категориальными смыслами, обозначающими типовую семантическую структуру, языковые единицы могут актуализировать различные импликатуры, реализуя текстовые смыслы, определяемые речевой ситуацией и коммуникативной задачей автора высказывания. Системно-языковое значение единицы, как правило, оказывает минимальное влияние на импликативные смыслы – важен ее прагматический потенциал, который тесно связан с *коннотативной составляющей* ее семантической структуры.

Многими авторами признается тот факт, что с одной стороны, коннотативное значение языковой единицы и ее прагматический потенциал определяют границу возможной интерпретации знака, а с другой – они же лежат в основе любой метафоризации, опирающейся на способность человека к символизации. Таким образом, коннотативный компонент объединяет в себе две функции языка – экспрессивную и метаязыковую, что представляется немаловажным при исследовании проблемы соотношения словарных соответствий и текстовых эквивалентов средств выражения лингвопрагматических категорий. При переводе компонентов данных категорий на другой язык появляется не только опасность столкновения с «чужим», но и, принимая во внимание их градуируемость, возникает вероятность изменения степени проявленности признака/качества/экспрессивности высказывания, что, в свою очередь, может повлечь за собой несоответствие прагматических потенциалов исходного и переводного текстов (ИТ и ПТ). Одной из главных причин указанной проблемы, по нашему мнению, является *двойной коэффициент тройной субъективности*.

Первый коэффициент тройной субъективности характерен для любого вида переводческой деятельности, т.к. реализуются прагматические отношения между *тремя* участниками двуязычной коммуникации: *отправитель – переводчик, переводчик – получатель, отправитель – получатель*. При этом в современной лингвистике признается тот факт, что менталитет разных народов влияет на то, как люди разных национальностей воспринимают одни и те же ситуации, категории и даже конститuentы одной и той же ЛСГ.

Второй коэффициент тройной субъективности заявляет о себе в тот момент, когда в процессе перевода свой прагматический потенциал реализуют *средства выражения лингвопрагматических*

категорий, а на первый план выступают отношения между знаком и его интерпретатором. В этом случае переводчику гораздо сложнее опосредовать координацию прагматик других участников коммуникации, т.к. в сознании каждого из них существует своя собственная шкала проявленности качества/признака/оценки/модальности и т.п. Примечательно, что, занимаясь изучением переводческой деятельности сквозь призму метакультуры и межкультурной коммуникации, некоторые авторы не оставляют в стороне проблемы монокультурной интеракции и межличностной коммуникации, считая, что перевод необходимо рассматривать одновременно и как межкультурную, и как монокультурную коммуникацию. Свою позицию исследователи объясняют, во-первых, вариативностью и варьированием, существующими в рамках одного и того же языка, а во-вторых, тем, что каждый человек, будучи единственным в своем роде, выступает в качестве представителя собственно «своей» культуры. Итак, к прагматическим отношениям, детерминирующим выбор средств выражения лингвопрагматических категорий при переводе, кроме отношений между участниками двуязычной коммуникации добавляются еще три: *отправитель – языковые прагмемы ИТ, переводчик – языковые прагмемы ИТ и ПТ, получатель – языковые прагмемы ПТ*. Сравним:

*... no son tonterías, ya ves tú, que, te pones a ver, y el noviazgo es **el paso más importante** en la vida de un hombre y de una mujer ... (Delibes)*
– ... *вовсе это не чепуха, если над этим задуматься, и помолвка – **очень серьезный шаг** в жизни мужчины и женщины ...*

Очевидно, что кванторное слово «очень» в сочетании с положительной степенью интенсификата «серьезный» ослабляет ту степень экспрессивности, которой обладает относительная превосходная степень прилагательного в ИТ. Для героини романа М.

Делибеса «Cinco horas con Mario» помолвка, которая влечет за собой замужество, это не просто *очень серьезный шаг в жизни*, это *самый важный шаг в жизни*, это ее жизненное кредо. Без установки на этот факт нельзя правильно оценить многие слова и поступки жены Марио. Изменение степени проявленности признака в ПТ довольно часто приводит к нарушению прагматической установки автора. Кроме того, по мере превращения *языковых* прагмем в *речевые*, что нередко происходит в процессе коммуникации, трудности достижения прагматической эквивалентности, только возрастают. Так, в связи с частотностью увеличительного суффикса *-azo*, для перевода испанских слов с этим суффиксом, нередко используются дополнительные прилагательные–интенсификаты и другие средства категории интенсивности, ср.: *¡qué bodaza!* (Delibes) – ... *свадьба у них была шикарная ...*; *¡Qué pelmazo!* (Galdós) – *Ах, какой увалень!*

Результаты проведенного исследования доказывают, что при переводе средств выражения лингвопрагматических категорий значительно возрастает роль субъективного фактора, т.к. за каждой из этих единиц стоит обусловленное национальным сознанием и своим личным опытом представление о мире, реализуются те или иные коллективно-субъективные коннотации, ср.: *Los bultos, con los ojos ya más sosegados, iban marchando pero aun quedaban algunos aferrados al ataúd como las moscas al papel matamoscas.* (Delibes) – *Призраки с уже спокойными глазами все уходили, но некоторые так и приклеились к гробу, точно мухи липучие.*

При совпадении отдельных компонентов в ПТ использован фразеологизм, имеющий совершенно другой смысл, что привело к искажению прагматической установки автора: люди оставались притянутыми к гробу, как мухи к липкой бумаге, не в силах оторваться, а русская ФЕ *мухи липучие* имеет прямо противоположное

значение и соответствует таким испанским ФЕ, как *como las moscas en verano, como moscas a la miel* и т.п. Вскрывая суть различий между словарными соответствиями исходного языка и языка перевода, т.е. выявляя то главное, что стоит между национально-культурными представлениями о тех или иных предметах/явлениях и самими предметами/явлениями, переводчик постоянно оказывается в процессе межкультурной коммуникации. В распоряжении реципиента есть только своя культура, на которую он может опираться для понимания другой культурной и цивилизационной парадигмы, и свой язык, который служит средством для материализации его ощущений и представлений об иной культуре. В связи с чем, перевод должен не только передавать содержание оригинала и интенции автора, но и принимать во внимание интенции и ожидания новых адресатов другой метакультуры.

Сапрыкина О.А.
(Россия, Москва)

«Завещание» Афонсу II: к 800-летию первого документа на португальском языке

"Завещание" Афонсу II Testamento de Afonso II (1214) – первый документ на португальском языке, который был написан в Коимбре 27 июня 1214 года. Составив завещание на родном языке, Афонсу II положил начало восьмисотлетнему пути развития португальской – письменной культуры.

Завещание не раз уже становилось предметом внимания лингвистов: выявлялись палеографические хронологические и локальные особенности рукописей документа, устанавливались орфографические принципы, принятые в манускриптах, с их

помощью раскрывались фонетические особенности языка, исследовалась графика текста. Многие работы были посвящены изучению словаря *Завещания*, парадигматическим связям в лексико-семантических группах слов, особенностям синтаксиса. Проблема стиля документа как образца официально-деловой письменной речи и определение его жанрово-стилистической специфики еще не становилась предметом филологического анализа.

Афонсу II (1185-1223) написал завещание в начале четвертого года правления, отдавая распоряжения относительно порядка наследования принадлежащего ему имущества и процедуры передачи власти. Известный хронист XV века Руйде Пина посвятил Афонсо II большую хронику *Chronica domuito alto emuito es clarecido principe D. Afonso II, terceiro rey de Portugal*. В хронике сказано о достоинствах просвещенного монарха, его деяниях, а также о сложных семейных обстоятельствах и тяжелой болезни.

Из тринадцати рукописей *Завещания* Афонсо сохранились только две. Один манускрипт хранится в Португалии – в Лиссабоне, другой – в Испании в Толедо. До сих пор неясно, было ли *Завещание* 1214 года составлено на латинском языке, а потом с латинского оригинала переведено на португальский. Документ, который теперь известен как *Завещание*, был изготовлен в 13 экземплярах и разослан в разные города на Пиренейском полуострове.

Составленный документ сам Афонсо (грамота написана от его имени) называет **carta**. Содержание документа король определяет как **māda** – распоряжение, предписание, духовная грамота. В современном португальском языке эти значения слова не сохранились. Морфологически **māda** (отглагольное существительное от глагола *mādar* «велеть», «распоряжаться») соотносится с **mandamento** «заповедь». Морфонологическая структура слова и его

словообразовательные связи позволяют предположить, что Афонсо рассматривал документ как особую *духовную грамоту*, как распоряжение «по душе».

Кроме определения наследников, *Завещание* Афонсо содержит еще распоряжение относительно вкладов в монастыри и церкви, распоряжения «по душе», распоряжения относительно уплаты долгов, назначения опекунов и душеприказчиков, завещание о погребении и поминании.

В словаре *Завещания* выделяется несколько лексико-семантических групп. В них объединяются имена родства, названия церковных институций и служителей культа, числительные и названия единиц измерения, антропонимы, топонимы и обозначения пространства с помощью нарицательных имен, наименования имущества, а также обозначения календарных событий.

Употребление времен и наклонений в тексте "Завещания" подтверждают тезис о том, что в составе старопортугальской глагольной системы возникают глагольные формы, близкие к современному.

Стилеобразующими элементами в "Завещании" оказываются стереотипные формулы выражения, типичные для актового канцелярского языка.

Таким образом, в тексте "Завещания Афонсу II" обнаруживается относительный орфографический стандарт (в каждом из вариантов), немалая грамматическая нормированность, достаточная определенность в употреблении терминов, в том числе для обозначения обобщающих понятий, и стилистическая обработка. К сожалению, *Завещание* – единственный документ деловой письменности, имеющий столь высокую степень литературной обработки. Этот образец институционального дискурса почти не

поддержан традицией канцелярского языка на народной основе, которая установится только во второй половине XIII века.

Завещание Афонсу II является особой формой письменной культуры высшего сословия.

Ретинская Т.И.
(Россия, Орёл)

О понятии «французское общее аргю»

Термин «общее аргю» (*argot commun*), предложенный в 1968 году основателем Центра арготологии при Сорбонне (Париж-V) профессором Денизой Франсуа-Жежер, используется для обозначения комплекса арготических единиц, известных всем носителям национального языка.

Результаты анализа новейших лексикографических изданий, в которых зафиксированы неконвенциональные лексемы, подтверждают вывод Э.М. Береговской о том, что «аргю укоренилось в лингвистическом сознании французов, перестало быть “чужим”; оно воспринимается как естественный, законный элемент живой, неофициальной французской речи»¹. Прочитируем словарную работу Жоржа Планелля, в которой описаны самые употребительные устойчивые выражения². Прежде чем издать этот лексикографический труд, автор основал в 2005 году интернет-сайт *Expressio* (<http://www.expressio.fr>), посвященный сбору частотных идиоматических словосочетаний французского языка. Небезынтересно заметить, что обозначенный интернет-ресурс представляет исчерпывающую этимологическую характеристику

¹ Береговская Э.М. Изменение статуса аргю в лингвистическом сознании французов // Французская арготология в России. Смоленск: СмолГУ, 2011. С. 334.

² Georges Planelles. Les 1001 expressions préférées des Français. P. : Les Éditions de l'Opportun, 2011.

самых популярных выражений. Созданный сайт ежедневно посещает более 15 000 франкофонов, высказывая свои наблюдения о статусе лексемы и свое отношение к условиям ее употребления в речи.

Следует подчеркнуть, что собранный и зарегистрированный Ж. Планеллем языковой материал может быть использован исследователем элементов лексического континуума, в рамках которого зарождаются и сосуществуют нестандартные формы языка. Анализ корпуса языковых фактов, зафиксированных в упомянутом лексикографическом труде, показывает, что более 30% лексических единиц являются общими арготизмами. Среди блоков словарных статей особенно стоит выделить блок комментариев. В качестве иллюстративного материала лексикограф использовал примеры, взятые из художественной литературы и периодических изданий.

В подавляющем большинстве случаев процитированные общие арготизмы введены прямым методом, без применения дополнительных способов семантизации. Контекстуальный способ инкорпорации ненормативной единицы служит одним из доказательств ее принадлежности к категории «общее аргю».

В ходе систематизации общих арготизмов, вошедших в корпус словаря Ж. Планелля, установлено наличие значительного количества лексем, восходящих к лексическим единицам старого, или традиционного, аргю. Приведем несколько примеров исконных арготических элементов, которые получили статус общеарготических единиц: *manger (bouffer) comme un chancre* ‘много есть’, ‘трескать’ (перифраза впервые зарегистрирована в 1665г.), *s'en battre l'œil* ‘быть безразличным’ (1666г.), *faire une conduite de Grenoble* ‘плохо обойтись с кем-либо’ (1778 г.), *avoir des couilles* ‘быть мужественным’ (1790г.), *être à la côte* ‘быть в затруднительном материальном положении’ (1836г.). В ряде словарных статей автор приводит несколько цитат из

текстов, опубликованных в разные эпохи включая начало XXI века. Так, материал, иллюстрирующий арготизм *une chiffé molle* ‘бесхарактерный человек’, датируется в первом случае 1798 годом, а во втором – 2004 годом. Стоит отметить, что общие арготизмы мы сопоставляли с корпусом ненормативных лексических единиц, инвентаризированных в «Словаре арго» Жан-Поля Колена, Жан-Пьера Мевеля и Кристиана Леклера. Для французских и зарубежных арготологов «Словарь арго», впервые опубликованный в 1990 году, – самое авторитетное лексикографическое издание, своего рода эталон, по которому определяют принадлежность лексемы к специфическому вокабуляру.

Модель семантической дифференциации субстандартных единиц, предложенная Н.М. Фирсовой¹, дает возможность выделить такие компоненты лексико-семантической системы общего арго, как семантические макро- и микрополя, понятийные классы, подклассы и группы. Как и в социальных и профессиональных арго, в общем арго доминирует семантическое макрополе «Человек», что подтверждает тезис об антропоцентричности как ключевой особенности арготического словотворчества и арготической картины мира. Данные анализируемого словаря показывают, что в обозначенной семантической доминанте превалируют следующие семантические поля: «драка – ссора», «смерть», «любовь – секс», «пьянство», «болезнь – физический недостаток», «еда», «обман – мошенничество», «гнев – раздражение», «глупость – безумие», «противоправные действия», «скука», «неудача», «усталость», «говорение». Языковой материал, отраженный в лексикографическом

¹ Н.М. Фирсова. Современный молодежный сленг испанцев. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 15-24.

труде Ж. Планелля, может служить основой для описания синонимии как лексико-семантической категории общего аргю.

Дальнейшее изучение общеарготических перифраз, отобранных из современных художественных и публицистических текстов, позволит выявить частотность и концентрацию арготических единиц и сопоставить данные разных синхронических срезов.

Гавриленко Н.Н.
(Россия, Москва)

Институциональная обусловленность французского специального дискурса

Любое высказывание создается в определенной социальной среде. Практически любая совместная деятельность является институционально обусловленной: наука, религия, школа, семья и т.п. Данные образования рассматриваются исследователями как соответствующие социальные институты.

Процесс институционализации науки и техники включает современную систему знаний, возникновение учреждений, организаций, сообществ, систему социальных отношений и связанных с ними норм деятельности, а также профессионализацию данной деятельности.

Проведенный анализ специального дискурса показал, что организационные структуры института науки и техники в России и Франции существенно различаются. Во Франции традиционно стараются не разрывать получение и распространение нового знания, поэтому французские университеты часто выполняют две функции – научную и педагогическую. Профессор французского университета

является одновременно исследователем-ученым и педагогом-практиком.

Первый государственный комитет по научным исследованиям был создан во Франции Леоном Блюмом в 1936г. В 1939г. создан крупнейший Государственный центр научных исследований (*C.N.R.S. – Centre national de la recherche scientifique*), который имеет два направления деятельности: оказывать поддержку университетам в области научных исследований (основная часть его бюджета направлена на оплату исследовательской деятельности) и направлять деятельность своих научных лабораторий. Последние 20 лет Государственный центр научных исследований отвечает за развитие теоретической науки и за ее постепенное сближение с миром производства. Он ведет активную политику в области обмена и партнерства между учеными государственного и частного секторов, в области сотрудничества между научными лабораториями и предприятиями. С этой же целью созданы Агентство по инновациям (*ANVAR*) и Французский научный центр инноваций и передачи знания (*FIRST*) – организации, в задачи которых входит превратить результаты научных исследований в промышленную продукцию и новые виды услуг.

В России сложилась другая традиция. Большой наукой занимается Академия наук, в состав которой входят более 300 научно-исследовательских институтов. В 1991г. на базе Академии наук СССР учреждена Российская академия наук (РАН) (эта Академия ведет свою историю от Петербургской Академии Наук, созданной в 1724г.). РАН имеет 18 отделений по различным отраслям и направлениям наук, региональные отделения (Сибирское, Уральское, Дальневосточное) и научные центры.

Наряду с Академией наук в нашей стране существовали и отчасти существуют сегодня сотни отраслевых НИИ, научно-исследовательских институтов, которые подчинены и финансируются различными министерствами и ведомствами. Если академические институты призваны развивать фундаментальную науку, то отраслевые НИИ занимаются прикладной наукой, приспособляя полученные фундаментальные знания к конкретным техническим задачам. Следует отметить, что на современном этапе в России происходят изменения в организационной структуре науки и техники. Примерами происходящих преобразований могут служить российское министерство, объединившее науку и образование, система образования Физико-технического университета, развитие связей между Российской академией наук и Московским государственным университетом, а также непосредственные контакты между коммерческими предприятиями и вузами.

Наука и техника как социальный институт имеет механизмы внешнего контроля за поведением и действиями ученых и специалистов. Это обширный набор позитивных и негативных санкций, используемых в отношении того или иного ученого или исследовательского коллектива. Главной позитивной санкцией служит признание коллег: от цитирования до престижной научной премии, увековечения в названии закона или теории и т.п.

Социальный институт науки и техники через соответствующие организации накладывает ограничения на специальный дискурс. Существующие организации определяют как используемую терминологию, так и содержание терминов. Следует отметить большую работу, которая проводится во Франции, Бельгии, Канаде и Швейцарии в области нормализации и унификации научной и технической терминологии во французском языке. В специальном

дискурсе этих франкоговорящих стран почти нет различий в терминологическом словаре, которые, например, существуют в специальном дискурсе в области химии в США и Канаде.

Координирующим органом в области нормализации и унификации терминологии во Франции является Высший комитет французского языка (*Haut Comité de la langue française – HCLF*). Терминологической деятельностью занимаются Международный совет французского языка (*Conseil international de la langue française – CILF*), Французская терминологическая ассоциация (*Association française de terminologie – AFTERM*) и Французская ассоциация по вопросам нормализации (*Association française de normalisation – AFNOR*). Аналогичные организации существуют и в других странах: в Бельгии это Исследовательский центр в области терминологии при Высшей школе устных и письменных переводчиков (*Centre de recherche en terminologie de l'Institut supérieur de traducteurs et interprètes – TERMISTI*) и Брюссельский центр по вопросам терминологии (*Centre de terminologie de Bruxelles*); в Швейцарии – Служба по вопросам терминологии при федеральной Канцелярии (*Service de terminologie de la Chancellerie fédérale*); в Канаде – Канадская ассоциация по вопросам нормализации (*Association canadienne de normalisation – ACNOR*) и Центр французского языка (*Office de la langue française*), который следит за пополнением Банка терминологии в Квебеке (*Banque de terminologie du Québec – B.T.Q.*). Банк терминологии в Квебеке был создан в 1970-е гг. и в настоящее время является базовым информационным и документальным источником для франкоговорящих стран. Разработанная им «терминологическая карта» используется как основа при составлении терминологических баз данных во многих странах.

Проведенное исследование подтверждает социальную обусловленность специального дискурса. Однако во французском и русском специальном дискурсе влияние различных законов, правил, норм, условностей, созданных в рамках института науки и техники, оказывается очень сильным, но проявляется по-разному. Эти знания необходимы переводчику, они обязательно должны входить в содержание обучения переводу профессионально ориентированных текстов по специальности, как «часть социального опыта, передача которого необходима для достижения запланированного результата» (Миньяр-Белоручев Р.К.).

Цыбова И.А.
(Россия, Москва)

О вариантности и синонимии в словообразовании

Вариатность – неотъемлемое свойство функционирования системы языка. Вариантность можно рассматривать в следующих аспектах: **I. Вариантность межъязыковая.** Изучаются территориальные варианты испанского языка [Степанов 1979, Фирсова 2000], варианты английского языка, имеются варианты французского языка Канады, Бельгии, Швейцарии. **II. Вариантность внутриязыковая.** Она отражает асимметрию двусторонней языковой единицы. Варианты проявляются на фонологическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях системы языка. Действуя в динамической синхронии, варианты подготавливают изменения в системе языка, что является областью диахронии. Варианты языковой единицы характеризуются тем, что у них совпадает план содержания, а также имеется фонетическое сходство [Цыбова 1983: 242].

1) Вариант/ инвариант. В философском понимании вариант и инвариант соотносятся между собой как явление и сущность. Это понятия разного плана [Солнцев 1977: 215]. «Отношения вариантности могут связывать между собой только однородные элементы» [Арутюнова 1969: 38]. При варьировании плана выражения инвариантным (неизменяемым) является план содержания. Что касается соотношения «вариант/ инвариант», наблюдаемого в фонологии [Трубецкой], то в применении к двусторонним единицам языка это вызывает сомнения [Головина 1983: 58]. При семантическом варьировании выделяются два типа варьирования лексического значения (ЛЗ) слова: 1) лексико-семантическое варьирование; 2) контекстуальное (семантическое) варьирование [Беляевская 1987: 64]. Идеи В.В. Виноградова о многозначности слова развивались А.И. Смирницким, предложившим термин «лексико-семантический вариант» (ЛСВ) слова [Смирницкий 1956: 42], а также в работах А.А. Уфимцевой, Е.Г. Беляевской и др. Проблема состояла в поисках общего значения полисемичного слова [Курилович 1953: 46] или, что оказалось более перспективным, его семантического центра – константной части значения [Беляевская 1987: 87-88].

2) Вариантность и норма. В языках с нефиксированным ударением (например, в русском) могут существовать два варианта произношения, что невозможно в языках с фиксированным ударением (французский, польский, чешский). При появлении в картине мира нового денотата, а в ментальном языке – нового концепта возможно наличие в вербальном языке двух или нескольких форм неологизма вариантов слова. Так, в 1955 г. встречаем два варианта слова: *ozoneur* и *ozonateur* [Galliot 1955: 305], а в словаре Larousse 2005 остаётся лишь один – *ozoneur*.

3) Варианты и синонимы. Лексические варианты и синонимы можно рассматривать во времени [Уфимцева 1974: 69] (архаизмы – слова современного языка – неологизмы) и в пространстве [Dubois 1994: 503] (общелитературные слова – диалектизмы – социально обусловленные варианты слов). Ниже речь пойдёт о вариантах слов современного общелитературного языка.

4) Вариантность в словообразовании наблюдается на *морфемном* и *лексическом* уровнях. Так, В.В. Виноградов находил в русском языке *варианты суффиксов* внутри словообразовательного типа [Виноградов 1975: 163]. Во французском языке имеются комбинаторные варианты словообразовательных аффиксов *-ier/ -tier* (*boutiquier/ bijoutier*), *-erie/ -terie* (*lingerie/ bijouterie*), *in-/ im-/ il-/ ir-* (*insensible/ immobile/ illégal/ irrégulier*). Наличие свободных вариантов аффиксов вызывает сомнения, поскольку отсутствуют противопоставления [Катагощина 1978: 156]. Формальные варианты сохраняются в системе языка лишь при условии их функционального различия [Kuryłowicz 1960: 169]. **Вариантные аффиксы** следует отличать от **синонимичных аффиксов**, ср.: *-ier/ -tier* и *-age, -ement*. На *лексическом* уровне вариантность проявляется в наличии вариантов производных слов. Что касается соотношения между **словообразовательными вариантами** и **синонимами**, то имеются следующие точки зрения: 1) словообразовательные варианты и синонимы не различаются при рассмотрении синонимии [Арутюнова 2007: 47] или же при рассмотрении вариантности [Головина 1983: 61]; 2) существование словообразовательных вариантов отрицается [Филин 1982: 317; Горбачевич 1978: 18]; 3) словообразовательные варианты и синонимы различаются [Ахманова 1957: 230-232; Лопатин 1972: 81-82]. Эта последняя точка зрения является наиболее конструктивной. Пределом варьирования является синонимия:

имеется различие хотя бы в одной корневой морфеме [Ахманова 1957: 230-232].

Под словообразовательным варьированием понимается также «варьирование словообразовательной структуры слова \diamond – совокупность всех шагов деривации, необходимых для порождения данного производного». Учитывается также варьирование словообразовательной формы производного слова и его морфемного состава [Соболева, Бобровская 1986: 68-70].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. О минимальной единице грамматической системы// Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие, М. 1969.
2. Арутюнова Н.Д. Проблемы морфологии и словообразования: На материале испанского языка. – М.: Языки славянских культур, 2007.
3. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии, М. 1957.
4. Беляевская Е.Г. Семантика слова М.: Высшая школа, 1987.
5. Виноградов В.В. Избранные труды, М.: Наука, 1975.
6. Головина Э.Д. К типологии языковой вариантности, ВЯ, 1983, № 2
7. Горбачевич К.С. Вариативность слова и языковая норма, Л.: Наука, 1978.
8. Катагощина Н.А. К вопросу о вариативности аффиксальных морфем (на материале французского языка)// Учёные записки МГПИИЯ, вып. 125, 1978, с. 153-157.
9. Курилович Е. Заметки о значении слова, ВЯ, 1955, № 3.
10. Лопатин В.В. Лексическая вариативность и словообразовательная синонимия // Учёные записки Пермского университета, № 243, Пермь, 1972.

Романов Ю.В.
(Россия, Москва)

«Сказка о золотом петушке» и испанская тема в творчестве А.С. Пушкина

«Сказка о золотом петушке» в окончательном варианте была написана в Болдине в сентябре 1834 года и увидела свет в начале 1835 года, став, таким образом, «последней» сказкой А.С. Пушкина. Ее особое место в ряду поздних произведений поэта определяется целым

рядом причин, и в первую очередь, необычностью самого сюжета, во многом загадочного, почти мистического. Необычны и некоторые персонажи сказки – звездочёт, шамаханская царица, которые воскрешают в памяти героев «Сказок тысячи и одной ночи» и придают произведению А.С. Пушкина особый восточный колорит. Есть в этой сказке и ещё один образ, который никак не вписывается в традиционно русскую символику – образ флюгера. Все эти детали, естественно, не могли ускользнуть от внимания современников А.С. Пушкина. Однако, судя по всему, никто из них не занялся поисками литературного первоисточника этого произведения. И лишь спустя почти сто лет, а именно, в начале 1933 года А.А. Ахматова, видимо, поражённая и заинтригованная необычностью этого произведения опубликовала в журнале «Звезда» оригинальное исследование под названием «Последняя сказка Пушкина». По мнению академика М.П. Алексеева, А.А. Ахматова убедительно доказала связь пушкинского золотого петушка с его литературным источником – «Легендой об арабском звездочёте» Вашингтона Ирвинга.

Знаменитый американский писатель-романтик Вашингтон Ирвинг (1783-1859), с детства влюблённый в Испанию, провёл в этой стране три года – с 1826 по 1829. Весной 1829 года он приезжает в Гранаду и целых три месяца живёт в бывшем дворце эмиров Альгамбре, где собирает старинные легенды и предания. Итогом пребывания В. Ирвинга в Гранаде стала его всемирно известная книга «Сказки Альгамбры», впервые опубликованная в 1832 году сразу же после возвращения писателя в Америку. В том же году в Париже выходит французский перевод книги В. Ирвинга, хорошо знакомый и русскому читателю того времени. Американский писатель к этому моменту был чрезвычайно популярен в России, и, как пишет А.А.

Ахматова, в библиотеке А.С. Пушкина среди семи книг В. Ирвинга находится и двухтомное парижское издание «Сказок Альгамбры».

Другим подтверждением популярности книги В.Ирвинга в России являются свидетельства В.П.Боткина. В своих «Письмах об Испании» (седьмое письмо, Гранада, 1845 год) он неоднократно упоминает это произведение и конкретно ссылается на «Легенду об арабском звездочёте».

Ещё один любопытный факт, который не мог не заинтересовать А.А.Ахматову, это знакомство А.С.Пушкина с князем Д. И. Долгоруковым (1797-1867). Знакомство это было достаточно давним, о чём свидетельствует одно из писем А.С. Пушкина к С.И. Тургеневу от 21 августа 1821 года. В 1829 году князь Д.И. Долгоруков служит в качестве атташе русского посольства в Мадриде, где близко сходитя с В. Ирвингом. Русский дипломат сопровождает американского писателя в его поездке в Гранаду, о чём сам В.Ирвинг пишет с большой теплотой.

Все эти факты лишь косвенным образом могли указывать на связь пушкинской сказки с «Легендой об арабском звездочёте» В.Ирвинга. Заслуга же Анны Ахматовой заключается, прежде всего, в том, что она впервые провела тщательный сравнительный анализ двух текстов – текста пушкинской сказки и французского перевода легенды о звездочёте. И, конечно, такой анализ вряд ли оставляет сомнения в правильности выводов А.А. Ахматовой, и вслед за академиком М.П. Алексеевым можно считать доказанной прямую связь сюжета «Сказки о золотом петушке» с «Легендой об арабском звездочёте» В.Ирвинга. Вместе с тем следует рассматривать эту сказку не только в общем контексте позднего творчества поэта, но также и в контексте всей «испанской темы», которая занимает особое место в пушкинской поэзии. В более ранней лирике А.С.Пушкина

Испания предстаёт как романтическая, красивая страна, в которой витает дух чести и свободы. Такое представление об Испании, разделяемое тогда многими представителями молодого поколения дворян, сложилось в основном благодаря событиям Первой испанской антинаполеоновской революции (1808-1812), благодаря принятой в 1812 году знаменитой Кадисской Конституции, а также благодаря событиям Второй революции 1820 года, одним из лидеров которой был Рафаэль Риго, ставший для А.С.Пушкина и многих его современников олицетворением либерализма. Романтический образ Испании сохраняется в пушкинской лирике вплоть до 1830 года.

Но уже осенью 1830 года в Болдине А.С. Пушкин создаёт «Каменного гостя» с его мотивом неотвратимости возмездия за грех. Однако в стихотворении об Инезилье, которое можно считать наброском к «Каменному гостю», ещё можно уловить романтические нотки.

«Сказка о золотом петушке» уже значительно отличается по настроению и смыслу. Пушкинский звездочёт, в отличие от ирвинговского, скопец, не способный любить. Тема измены и неминуемой расплаты становится доминирующей. И, наконец, уже в 1835 году Испания вновь возникает в творчестве поэта, но уже в один из самых трагических моментов своей истории: в поэме «На Испанию родную...» и стихотворении «Родриг» тема гибели последнего вестготского короля звучит уже как размышление над бренностью земной жизни и неотвратимостью собственной гибели.

Доклады по секциям

Абкадырова И.Р.

(Россия, Ростов-на-Дону)

О роли слов-реалий в отражении гетеростереотипов в художественном дискурсе (на материале произведений А.-П. Реверте “La Reina del Sur”, Д. Уинслоу “The power of the dog”)

Более полувека назад среди мексиканских писателей стали появляться представители так называемой *нарколитературы*. К этому направлению относят произведения, повествующие о жизни наркоторговцев или представителей правоохранительных органов, борющихся с наркоторговлей. К числу писателей этого жанра относятся Элмера Мендосу, Хуана Пабло Вильялобоса, Юрия Эрреру и др. Возникновение большого количества текстов о наркоторговле свидетельствует о значимости данного социального феномена.

Данный феномен стал считаться неотъемлемым атрибутом образа Мексики не только в восприятии самих жителей этой страны, но и иностранцев. Авто- и гетеростереотипы этноса значительно отличаются друг от друга. Следует отметить, что и гетеростереотипы, распространенные среди представителей разных национальностей, относительно того или иного этноса также не совпадают. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть стереотипичный образ мексиканского коммуникативного поведения в романах о наркоторговле, которые были написаны носителями других лингвокультур.

Одними из самых известных произведений данной категории являются романы А. Переса-Реверте «La reina del sur» и Д. Уинслоу «The Power of the Dog». В ходе анализа внимание привлекает отбор писателями слов-реалий. В частности, наблюдается использование

одинакового набора мексиканских слов-реалий для создания национального колорита, историко-культурного фона и узнаваемости. В обоих романах действие частично разворачивается в мексиканском штате Синалоа (Мексика). Данный штат известен во всем мире вследствие того, что в нём расположен один из самых больших наркокартелей, о чем регулярно упоминается в СМИ.

Авторы актуализируют одни и те же слова-реалии при описании представителей *местного населения и их быта*. Как А. Перес-Реверте так и Д. Уислоу наделяют одного из героев романа прозвищем *güero*. Данная лексическая единица является мексиканизмом и обозначает белокурого светлого человека. Известно несколько мексиканских наркоторговцев с прозвищем, в состав которого входит лексема “*güero*”, например: *El Güero Jaibo* – член наркокартеля Тихуаны Juan Francisco Murillo Díaz; *El Güero Palma* – глава наркокартеля Синалоа Héctor Luis Palma Salazar. За счет использования данного слова-реалии авторы актуализируют устойчивые ассоциации читателей (*güero* – наркоторговец).

Идентичность в отборе слов-реалий наблюдается и при описании внешности преступников: в произведениях они носят традиционное сомбреро и обувь с заостренными носками (*pointed-toe boots* – *ботинки с заостренными носками*, *cowboy hat* – *ковбойская шляпа*, *botas de serpiente o avestruz* – *ботинки из змеи или страуса*).

Как испанский, так и колумбийский писатель для обозначения *автомата*, обычно используемого наркоторговцами (АК-47), использует слово-реалию *cuerno de chivo* (рог козла). Данное прозвище винтовке дали мексиканские ранчеро из-за формы её карабина.

Широкое распространение получило убеждение, что мексиканцы очень религиозные люди, причем наличие в местном

варианте католицизма «наркосвятого» (*Santo Malverde – Святой Мальверде*), покровителя наркоторговцев и курьеров, всегда удивляет иностранцев.

Отдельного внимания заслуживают слова-реалии из поля «мексиканский фольклор», например: *corrido* (песня-баллада), *narcocorrido* (баллада о наркоторговцах и курьерах) и *mariachi* (жанр народной музыки), которые также присутствуют в обоих романах. Совпадение слов-реалий объясняется наличием универсальных гетеростереотипов о Мексике, которые получили распространение вследствие процесса глобализации. Однако присутствие типичных слов-реалий в художественных произведениях, в свою очередь, способствует сохранению стереотипичных представлений о мексиканской культуре.

Как отмечает Орландо Ортис, к сожалению, подобные слова-реалии часто используются только для создания национального колорита или даже подаются как самое главное в мире наркоторговли. Вероятно, подобное ощущение создается и у самих авторов, поскольку они буквально озвучивают его посредством своих героев:

To Nora he is almost a caricature: an AK slung over his shoulder, a double loop of bandoliers over his shoulders like an old-time bandito, a pistol holstered at each hip, a huge knife tucked into his belt.

Норе он кажется почти карикатурой: «АК» у него висит на плече, две ленты патронов через плечи, на каждом бедре по пистолету, точно у бандита старых времен, за ремень заткнут огромный нож.

По аналогии с понятием лакунарной напряженности можно выделить термин *напряженность слов-реалий*, когда мы говорим о их концентрации (плотности) в тексте. Чрезмерно высокий уровень данного показателя приводит к восприятию текста как китча.

Подводя итог, отметим, испанский и колумбийский писатели актуализируют в своих романах те средства создания мексиканского колорита, которые для их родных лингвокультур являются наиболее очевидными маркерами национального коммуникативного стиля.

Ахмедова Ф.А.
(Россия, Москва)

Значение стереотипных особенностей в свете русской, английской и таджикской лингвокультур

Следует отметить, что при том, что сопоставляемые нами культуры и языки довольно далеки географически и, как результат, не схожи ни по фонетическому, ни по грамматическому и лексическому факторам, проведенные кросскультурные наблюдения русской, английской и таджикской культуры обозначения чувств выявили общие характеристики, во главе которых стоит социальный фактор – поведение в обществе: в одних культурах это имеет более важное значение, в других – менее.

При изучении вопроса о национально-культурном своеобразии в проявлении чувств нельзя не отметить роли и важности стереотипов. Стереотип используется при характеристике представителей различных социальных групп, прежде всего – национальных и этнических.

Говоря о стереотипах, связанных с проявлением чувств, надо сказать, что неожиданным открытием явилось обнаружение множества сходных черт, к примеру, при проявлении чувства радости во всех трех культурах (*делиться счастьем – share in the happiness – хабари хуш бурдан*), чувства горя (*тонить горе в вине – drown one's sorrows – гам хурдан*).

Однако в ряде случаев у представителей русской, английской и таджикской культур наблюдаются существенные различия при проявлении чувств. Например, во время похорон (чувство скорби) таджикские женщины рвут на себе волосы, одевают темные одежды на долгое время, причитают при каждом визите многочисленных гостей, при этом, используя такие ФЕ, как *чигарамро гум кардам* (потеряла свою печень), *нури диламро гум кардам* (потеряла свой свет души) одновременно с общепринятым ФЕ, используемым в таком случае и в русском языке: *на кого ты меня покинул – маро парофта равти*. В то же время в английской культуре не принято причитать на похоронах, чувство скорби соотносится со сдержанностью, хотя и в английском языке существует такое выражение, как *leave somebody*. Таким образом, чувство скорби является одинаково общим отрицательным чувством для носителей языков, изучаемых нами; оно одинаково тяжело переносится чувствующими его людьми разных культур и этнических групп. Наиболее «ярко» в языковом смысле оно обозначено в таджикском языке, в русском – «средне-умеренно», в английском – «тускло».

Культура человечества, представляя собой совокупность этнических культур, многообразна, потому что действия разных народов, направленные на удовлетворение одних и тех же потребностей, различны. Этническое своеобразие проявляется во всем: в том, как люди работают, отдыхают, едят, как говорят и т.д.

Существует мнение, что англичане – снобы, гордые и склонные критиковать уклад других стран. Однако из чувства вежливости никто из них этого «никогда бы не произнес вслух». Считается, что жители «туманного Альбиона» немного более гибкие, чем немцы, однако более строгие, чем итальянцы. В какой-то степени это связано с «островным менталитетом». Неожиданным открытием является то,

что у британцев много общего с японцами, не беря во внимание географическое расстояние между странами. По натуре своей британцы склонны к авантюризму и риску.

В Таджикистане хлопанье по коленям обеими ладонями означает досаду, разочарование, печаль. Однако чувство горя, являясь наиболее сильным в этой синонимической цепочке чувств, имеет 2 вида проявления. Один связан с социальным фактором – общественным мнением, мнением сообщества, в котором живет субъект; другой – с действительным состоянием человека.

Говоря о стереотипах, связанных с проявлением чувств, надо сказать, что неожиданным открытием является обнаружение множества сходных черт, к примеру, проявление чувства радости во всех трех культурах (смеяться от радости, плакать от радости, прыгать от радости, хлопать в ладоши, поделиться радостью и т.д.), проявление чувства любви или симпатии (терять голову, сходить с ума, светиться от любви, страдать от любви и др.).

Для русской деловой культуры употребление жесткой модальности характерно гораздо больше, чем это принято за рубежом. Поэтому могут возникать проблемы при переводе и понимании даже такой простой фразы, как: «Приходите к 5 часам», где англичанин бы сказал мягко: “You are supposed/expected/recommended to come at 5”, а таджик постарается эту же фразу сопроводить улыбкой, пожатием руки и объяснением, почему именно в 5 часов необходимо придти, в вежливой форме: «Ман бисёр хуш мешудам агар шумо ба соати 5 оид».

Вся система речевого этикета обусловлена социальными и национальными особенностями. Уход из гостей без прощания оценивается в русском обществе как невежливое поведение; англичане же относятся к этому иначе, и в русском языке даже

существует оборот «уйти по-английски» – незаметно и потому не прощаясь. Любопытно отметить, что в английском языке то же действие обозначается словосочетанием *to take French leave* (уйти по-французски). В таджикской традиции уйти без прощания означает прослыть среди присутствующих человеком с оскорбительными и невежливыми манерами. Прощаясь, таджики имеют обычай приглашать повторить визит, не закрывают двери сразу же за гостем.

При изучении лексических, грамматических, фонетических особенностей языка человек начинает смотреть на мир глазами людей этой культуры, что не может не сказаться на его менталитете и социокультурных ценностях. В родном языке человек начинает использовать более широкую палитру средств выражения модальности, стремится избегать категоричности в оценках и суждениях. Таким образом, изучение языков и межкультурной коммуникации вносит важный вклад в постижение менталитета и культуры других народов.

Baghdasarián H.G.
(Armenia, Ereván)

**Sobre algunos problemas de la traducción
como acto de comunicación intercultural**

A pesar del avance notable de la traductología en los últimos años, sigue siendo una tarea pendiente abordar el análisis, la clasificación y los procedimientos de traducción del componente cultural-nacional en el aspecto traductológico. Este sigue siendo un foco de controversia y planteando grandes retos tanto a los traductores como a los investigadores.

Las primeras reflexiones traductológicas se centraban más en la búsqueda de correspondencias lingüísticas entre diferentes lenguas que en

la comunicación a través de barreras culturales. En los últimos años en los enfoques pragmático-textuales de la traducción cobran especial relevancia los problemas de la comunicación intercultural, incluso se llega a considerar la cultura como unidad de traducción (M.C.A. Vidal Claramonte, O. Carbonell i Cortés). Muchos traductólogos ponen de manifiesto la necesidad del estudio del “contexto de cultura”.

Los representantes de la llamada Escuela Polisistémica o de la Escuela de la Manipulación hacen hincapié en las circunstancias culturales y sociales en las que se efectúa la traducción y en la recepción de la misma. Según G. Toury, el traductor opera principalmente en interés de la cultura de destino y no en interés de la cultura de la lengua origen. Actualmente uno de los modelos socioculturales más conocidos es el “enfoque integrado” de M. Snell-Hornby. El enfoque intercultural es adoptado también por los representantes de la escuela funcionalista alemana del “skopos” (H. Vermeer, K. Reiss), quienes en sus modelos parten de la función del texto traducido en la cultura de llegada.

Algunos representantes de la Skoposteoría (p. ej., J. Holz- Mántari) son muy radicales en sus planteamientos. Considerando la traducción como una comunicación intercultural cuyo resultado final es determinado por criterios de recepción, ellos rechazan el concepto de texto. Frente a los modelos de la transferencia puramente cultural, el lingüista británico P. Newmark propone la teoría de los universales y califica la traducción como una exposición de profundas subestructuras lingüísticas y morales más que culturales. En algunos modelos socioculturales de la traducción es evidente “un abandono progresivo de los enfoques lingüísticos a favor de los transculturales. ...incluso se considera que la traducción es una subespecie de la cultura” (C. Buesa Gómez).

Tanto los factores lingüísticos como los extralingüísticos que forman parte del proceso traductor están condicionados primordialmente por el

texto que siempre tiene una expresión idiomática. Los factores mencionados no pueden existir sin texto, el cual constituye el objeto de estudio de la traductología. En la base del contexto tanto lingüístico como extralingüístico subyace el texto: la diferencia consiste en que el contexto lingüístico tiene una expresión explícita, mientras que el contexto extralingüístico la tiene implícita, aunque siempre se deduce del texto y adquiere significado a través de él.

La cultura y la lengua están intrínsecamente ligadas. Estos conceptos han sido objeto de debate desde distintos enfoques, pero en el aspecto traductológico hasta hoy día el componente cultural-nacional sigue siendo un problema no abordado de manera específica. ¿Cómo se puede identificarlo en el texto? ¿Cuáles son sus manifestaciones concretas en el texto? Existe también una confusión terminológica en este campo de investigación. En relación con este problema encontramos diferentes términos: realia, colorido nacional, palabras sin equivalentes, léxico exótico, exotismo, localismo, palabra connotativa, palabra cultural, contexto de cultura, áreas de inequivalencia interlingüística, etc.

Algunos traductólogos (I. Levi, S. Florin, S. Vlajov) han examinado detalladamente los procedimientos de traducción de realias nacionales e históricos. Se debe señalar también que las posibilidades de vencer “la barrera cultural” son limitadas y no es posible siempre excluir los casos de la “influencia de otra cultura”.

Considerando la traductología como una ciencia interdisciplinar y situándose en el terreno de tales asignaturas como la pragmática, la psicolingüística, la etnolingüística, la sociolingüística, la estilística, etc., hoy en día, se nota la necesidad urgente de un análisis exhaustivo que nos permita descubrir la naturaleza del componente cultural-nacional y los procedimientos de su traducción.

Бекеева А.Р.
(Россия, Москва)

**Эволюция научных представлений о новозеландском
национальном варианте английского языка**

В языковых единицах запечатлен потенциал общественно-исторического опыта, отражающий национально-культурное своеобразие истории, культуры, психологического склада народа. Выдвижение проблем взаимосвязи языка и культуры определяет актуальность осмысления национального миропонимания. В этой связи особое значение приобретает рассмотрение национально-культурной специфики вербального и невербального коммуникативного поведения представителей разных народов. По справедливому замечанию отечественного ученого Н.Ф. Михеевой, развитие межкультурной компетенции становится возможным только при условии сформированности коммуникативной компетенции, которая охватывает языковые и речевые способности личности [Михеева 2007, 45].

Английский язык является государственным языком Великобритании, Соединенных Штатов Америки, Австралии, Новой Зеландии и Канады, одним из официальных и рабочих языков ООН, ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ. Таким образом, в условиях полинациональных форм существования английский язык обслуживает несколько языковых коллективов.

В современной зарубежной и отечественной лингвистике вопросы национально-культурного своеобразия употребления языковых единиц в новозеландском национальном варианте английского языка находятся практически на начальной стадии описания.

Социолингвистический статус английского языка в Новой Зеландии мы определяем как новозеландский национальный вариант английского языка, так как он является государственным языком страны; на нем говорит абсолютное число жителей государства; он обладает национальной литературной нормой; выполняет полный объем общественных функций; обладает национально-культурной спецификой.

В XIX – XX веках научные публикации об английском языке в Новой Зеландии отличались прескриптивным характером, например, целью работ А. Уолла, С. Бейкера, Дж. Беннета, А. Акера являлось дать рекомендации практического характера, научить новозеландцев правильным способам произношения слов.

Интересной особенностью зарубежных научно-исследовательских работ об английском языке в Новой Зеландии является отсутствие однозначной системы научных определений и устоявшейся терминологии происхождения и развития новозеландского национального варианта английского языка.

На протяжении многих лет диалект кокни (Cockney dialect) считался основой становления английского языка в Новой Зеландии. А. Уолл является основоположником концепции происхождения новозеландского национального варианта от лондонского диалекта. Его идеи поддерживались и развивались последователями в течение многих лет.

Британский ученый П. Траджилл и новозеландские лингвисты Л. Бауэр и Э. Гордон обращаются к рассмотрению происхождения новозеландского национального варианта английского языка от юго-восточных диалектов Англии (South-East English dialect). Наличие черт в английском языке Новой Зеландии, присущих юго-восточным диалектам Англии, они объясняют несколькими причинами: прямой

трансплантацией юго-восточных диалектов посредством интенсивной иммиграции ранних поселенцев.

В начале 80^х гг. XX века новозеландские лингвисты Л. Бауэр, Э. Гордон и Т. Деверсон и историки К. Синклеър, Р. Арнольд, Г. Кармайкл, Дж. Белич не исключали гипотезы о том, что австралийский национальный вариант лег в основу формирования новозеландского национального варианта английского языка. Длительные социально-экономические контакты с Австралией нашли отражение в национально маркированной лексике новозеландского национального варианта английского языка, в первую очередь, в появлении ряда «австрализмов»: *tall poppy* – ‘успешный человек’; *potmie* – иммигрант из Великобритании; *drongo* – простак; *old chum* – иммигрант из Великобритании, мастер своего дела; *scrub* – участок местности, покрытый кустарником.

Определенный интерес представляют слова и выражения из общего разряда сленга как новозеландского, так и австралийского национальных вариантов английского языка, например: *go butcher's hook* ‘рассердиться’, *at the rate of knots* ‘очень быстро’, *to have the wood on* ‘иметь преимущество’, *booze artist* ‘заядлый алкоголик’, *one out of the box* ‘отличный’, *put the nips in* ‘сделать запрос’, *put the acid one* ‘убеждать’.

Боброва С.Е.
(Россия, Москва)

**Некоторые вопросы методики преподавания перевода:
коммуникативное приравнивание речевых единиц в
содержательном и структурном планах**

Одним из постулатов переводоведения является понимание перевода как речи особого рода в виде естественного процесса

соотнесенного функционирования двух языков, исходного и переводящего, и, сквозь их призму, в рамках внеязыковой ситуации общения, соотнесенного функционирования двух национальных культур. Каковы же рамки соотнесения двух речевых произведений, позволяющие называть его переводом, а не свободной интерпретацией темы, заявленной автором оригинала? Лингвистическая теория перевода рассматривает данный вопрос в терминах эквивалентности перевода, емкого многоуровневого понятия, позволяющего анализировать как языковые, так и речевые элементы текста. В целом, современная наука позволяет более точно определить понятие переводимости, или переводческой эквивалентности, основываясь на отказе от поисков тождественного в исходном и переводном произведениях. Смысловое приравнение двух речевых единиц не означает их тождества, что, в свою очередь, не означает их принципиальной непереводимости. Наоборот, приравнение строится на принципе частичной общности, или подобии, лексико-семантических, синтаксических и стилистических элементов двух языковых систем. Проявляясь в речевых смыслах, с которыми имеет дело переводчик, именно эти подобные, а не тождественные, элементы двух языковых систем позволяют переводчику творчески подобрать коммуникативно равноценные для данного произведения средства переводящего языка, учитывая возможности последнего.

Современные функционально-коммуникативные и прагматические направления в языкознании предоставляют нам очень важные инструменты для сопоставительного анализа формы и содержания текстов на ИЯ и ПЯ и, соответственно, для выявления оснований для приравнения двух речевых произведений. В частности, теория речевых актов, несмотря на ограниченность

предмета исследований перформативными высказываниями, предоставила необходимый инструментарий для анализа компонентов речевой ситуации. Например, введены понятия коммуникативной интенции автора оригинала, временного и пространственного параметров речевой ситуации, возможного эффекта воздействия на рецептор текста и некоторые другие ключевые понятия, соотнесенные с конкретными языковыми единицами. Лингвистическая прагматика показывает, как осуществляется не совсем ясное с точки зрения терминологии «присвоение» языка говорящими, являющееся постулатом прагматики как раздела семиотики. Особый «взгляд» говорящего на выражаемое в языке событие, структура смыслового поля речевых единиц в соответствии с когнитивными и коммуникативными целями участников речевого общения должны быть выделены в исходном тексте и переданы средствами ПЯ.

Уясняя сущность коммуникативного приравнивания двух речевых единиц в процессе перевода, на занятиях по теории и практике перевода необходимо заниматься рассмотрением конкретных примеров. Итак, в первую очередь уясняем, что в действительности существуют несколько текстов: текст автора оригинала и текст рецептора, которые «по умолчанию» приравниваются обеими сторонами общения, объединяясь в акте общения в единое целое. В отличие от ситуации монолингвального общения, рецептор-переводчик воспринимает информацию с целью перенесения ее в ситуацию общения в другом лингвокультурном сообществе. Максимальная коммуникативная «замена» оригинального текста проявляется в функциональном, содержательном и структурном приравнивании текстов на ИЯ и ПЯ. Это значит, что в условиях вторичной коммуникативной ситуации переводной текст

воспринимается рецептором как полноценный представитель иноязычного текста-оригинала.

Одним из планов коммуникативного приравнивания является структурный план. Он выражается в том, что переводной текст максимально придерживается структуры и порядка следования частей содержания оригинала. Структурное уподобление композиции текстов на ИЯ и ПЯ не вызывает затруднений. Однако на уровне более мелких речевых единиц грамматические различия между языками приводят к межъязыковым синтаксическим трансформациям. В связи с этим на практических занятиях анализируется как структура всего оригинала, так и его компонентов. Анализ компонентов начинается с ключевой информативной единицы - высказывания, в основе которого лежат структурные схемы предложений. В семантико-синтаксическом устройстве высказывания одновременно отражается когнитивное содержание и коммуникативные интенции говорящего. Переводческие приемы по передаче семантико-синтаксического устройства высказывания, в том числе приводящие к изменению синтаксических структур, отрабатываются в процессе выполнения заданий следующего типа. Например:

Прочитайте предложение. Выпишите: (1) члены предложения, объединенные предикативной связью; (2) члены предложения, объединенные полупредикативной связью.

Questions concerning the relationship between educational inequalities and the sexes were often overlooked.

(1)

(2)

Восстановите редуцированную субъектно-предикатную группу. Под символом S (Subject) напишите конкретное подлежащее, под символом P (Predicate) – конкретное сказуемое в полной форме.

S

P

Переведите предложение на русский язык, не изменяя синтаксическую структуру оригинала.

Переведите предложение на русский язык с изменением синтаксической структуры оригинала на основе приема объединения/членения высказывания.

На подобных примерах отрабатывается умение переводчика восстановить предметную ситуацию, структурированную в оригинале в соответствии с видением события автором. В оригинальном высказывании очерчены границы исходного смысла, выделены его фокус и периферия. В частности, в приведенном выше высказывании событие выражается как сложное, поскольку в нем выделяются две субъектно-предикатные группы различного ранга. Фокус внимания обращен на полную субъектно-предикатную группу *Questions were overlooked*. Подчиненное положение занимает полупредикативная группа *Questions concerning*, относящаяся к тому же субъекту, в которой содержится Participle 1 от глагола *to concern* – «касаться, иметь отношение». Таким образом, выделяем группу с полупредикативной связью (субъект – полупредикат), выражающую свернутую предикацию как знак более периферийного положения группы в смысловом поле. После уяснения смысловой структуры исходного высказывания переходим к ее передаче средствами ПЯ. Первое задание тренирует прием синтаксического уподобления с сохранением иерархии предикативных групп оригинала, второе – умение внести допустимые синтаксические изменения при переводе на основе приемов свертки/развертки предикатов оригинала.

Также можно предложить следующие задания на освоение синтаксических приемов перевода:

1. Дополните следующее утверждение по теории перевода.
Членение высказываний – это переводческий прием, заключающийся в следующем: ...
Примените данный прием при переводе следующего предложения.
Это еще одна из причин медленного продвижения экономической реформы.
2. Примените прием развертки предиката при переводе следующего предложения.
Народы обеих стран осознали необходимость перемен.

Изучение смысловых отношений между исходным и переводным текстами, способов их передачи в переводе занимает

центральное место в методике преподавания перевода. Необходимы современные сборники упражнений, методические пособия по развитию навыков и умений перевода. В частности, автором выпущено учебно-методическое пособие, в котором представлены материалы для занятий по теоретическим дисциплинам «Общая теория перевода», «Частная теория перевода», «Теория и практика перевода», «Основы теории перевода», «Основы профессионального перевода» применительно к английскому и русскому языку.

Материалы подготовлены на основе теоретических концепций отечественных и зарубежных специалистов в области теории и практики перевода, а также курса лекций, прочитанных автором в период с 1999 года по 2007 год на факультете гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. В дальнейшем материалы были дополнены и конкретизированы в рамках курса лекций по предмету «Общая теория перевода» для магистров 1 года обучения направления «Филология» на филологическом факультете РУДН.

Первоначально материалы предназначались для рубежных тестов, двух в течение учебного семестра, по материалам курса лекций и семинарских занятий в соответствии с учебными планами. В дальнейшем они стали использоваться также для аудиторной работы на семинарах и в качестве домашних заданий. В заданиях проверяются знания конкретных теоретических тем, а также умения и навыки применения этих знаний для решения практических задач по переводу.¹

¹ Боброва С.Е. Английский язык – Русский язык. Основы теории перевода. Общая теория перевода. Частная теория перевода. Ч.1: Тесты. Материалы для семинарских занятий. Материалы для домашних заданий: учебно-методическое пособие. – М. : РУДН, 2013. – 42 с.

Борисова А.А.
(Россия, Москва)

Языковая ситуация в Нигерии

Языковая ситуация в крупнейшей по численности населения стране Западной Африки – Нигерии – отличается большой сложностью. Официальным языком по Конституции Нигерии является английский язык.

Этнический состав населения страны чрезвычайно сложен: в Нигерии проживают более 250 этнических групп, представители которых говорят на более, чем 520 языках. Исторический путь развития некоторых народов Нигерии исчисляется тысячелетиями. Страна богата не только природными ресурсами, но и древними культурными традициями ее народов. 70% населения Нигерии приходится на три народа: хауса – 29%, йоруба – 21%, игбо – 18%, иджо – 10% , канури – 4%, тив – 3, 5 %, эфик – 2% . Таким образом, на 9 народов Нигерии приходится 90 % всего населения. Следует отметить, что 36 нигерийских штатов неоднородны по своему этническому составу: многие штаты полиэтничны, некоторые штаты населены представителями одной этнической общности (моноэтничны).

Нигерийские языки очень неоднородно используются их носителями: есть языки, на которых говорит всего несколько тысяч человек, но существуют языки, на которых говорят несколько миллионов. Ведущее место занимают три крупнейших языка не только в Нигерии, но и во всей Западной Африке: хауса – 20 % населения страны, йоруба – 25%, игбо – 20%,. Эти языки являются ведущими в трех регионах страны – Северном, Западном и Восточном.

Следует отметить, что, если штаты в Нигерии были образованы с учетом традиционно сложившихся историко-культурных и этнолингвистических общностей, этнолингвистическая карта страны гораздо сложнее, чем политико-административная.

Этноязыковая ситуация в Нигерии отличается разнообразием и гетерогенностью. Языки Нигерии входят в три из четырех крупных семей, на которые делятся языки континента: афразийскую, нигеро-кордофанскую и нилосахарскую. В Нигерии отсутствует койсанская семья языков. Таким образом, из 4-х языковых семей, представленных в Африке, три присутствуют в Нигерии.

В значительной степени на языковую ситуацию в Нигерии повлияла урбанизация. Она характерна для городов современного европейского типа, появившихся главным образом, на побережье Африки. Особенностью этих городов является пестрота этнического состава, изменчивое разноязычие и, как следствие, распространение в качестве городских койне пиджинов или европейских языков. Такими же современными урбанистическими центрами предстают крупные плантации, куда съезжаются большие контингенты сезонных рабочих различной этноязыковой принадлежности. Именно эти области становятся родиной нигерийского пиджина, откуда он вместе с сезонными мигрантами проникает вглубь страны.

Внешняя миграция также оказала влияние на языковую ситуацию. После отмены рабства произошла реиммиграция бывших рабов из Нового Света, и, как следствие, в стране появились значительные группы населения, использовавшего в качестве основного средства общения пиджин-инглиш и тем самым способствовавшего его распространению в Африке в качестве средства межэтнического общения. В местах большого скопления

этих детрибализованных групп начинается процесс креолизации пиджина.

Внутренняя миграция также способствует размыванию этноязыковых границ и распространению различных средств межэтнического общения.

На уровне семейно-бытового общения создается основа для распространения вторичных средств коммуникации (таких, как английский язык или пиджин). В патриархальной семье сохраняются сложившиеся в коммуникативной среде этноязыковые традиции; однако в семье нуклеарного типа с современным укладом жизни создается основа для распространения пиджинов и европейских языков. Эти процессы характерны в случае смешанных браков и проживания таких семей в этнически чуждом и разнородном окружении, что наблюдается в основном в городах.

Необходимо отметить влияние религиозного фактора на состояние социолингвистической ситуации в стране: это – распространение христианства, которое способствовало расширению функций европейских языков в Африке и повышению их престижа, особенно среди обращенного в христианство местного населения.

Проблема языка вызывает в Нигерии огромные дискуссии. Выдвигалась идея о необходимости сохранить английский язык в качестве государственного, представители другой точки зрения выступают за развитие местных языков и замены языка бывшей метрополии одним или несколькими из них.

Национальные языки используются в школе, в СМИ, однако обучению на этих языках препятствует типичное для крупных городов многоязычие. Так, учитель может не знать ни одного из языков своих учеников в классе, которые представляют разные этнические группы. Английский язык, являясь официальным языком, доминирует

практически во всех сферах: органах исполнительной и законодательной власти, образовании, в судебной системе, в СМИ. Такая политика «языковой гегемонии» вызывает большое недовольство в стране.

Английский язык является языком общения 20-30 % элиты страны. Как правило, в семьях, в которых родители получили университетское образование, разговаривают на английском языке.

После достижения независимости все настойчивее звучат призывы сохранения и изучения нигерийских языков, а также развития разнообразия языков. С целью изучения местных языков предлагается укрепить статус Национального института нигерийских языков, образовать Центры по изучению местных языков в штатах. В последние два десятилетия в ситуации языкового многообразия отмечается возрастание роли нигерийского пиджина (на котором говорит более 2/3 населения страны), являющегося самой распространенной формой английского языка и выполняющего устойчивую функцию нейтрального средства межэтнического общения. Несмотря на то, что ученые-лингвисты неоднократно обращались к правительствам Нигерии с просьбой признать пиджин официальным языком, эти пожелания не были услышаны.

В соответствии с политикой в области образования обучение в начальной школе ведется на родном языке, в средней школе – на английском. Основным языком в университетах Нигерии – английский.

Борисова А.С.
(Россия, Москва)

**Процесс феминизации профессиональных наименований в
квебекском национальном варианте французского языка:
социолингвистический аспект**

В последней четверти XX века андроцентричный характер крупнейших мировых языков стал рассматриваться как серьезное препятствие для обеспечения равенства между мужчинами и женщинами. В этой связи, языковая политика многих государств предполагает проведение реформ, способствующих адекватному отражению женской профессиональной деятельности в языке. Специфика процесса феминизации в различных странах определяется влиянием как экстралингвистических, так и языковых факторов.

Средства гендерной экспликации, официально принятые в провинции Квебек, часто не совпадают с другими франкоязычными странами (Францией, Бельгией, Швейцарией). Этот факт можно объяснить, тем, что процесс феминизации профессиональных наименований носит, прежде всего, не языковой, а социально-культурный характер. Кроме того, необходимо принимать во внимание, что потребность общества в формах женского рода для обозначения профессиональной деятельности напрямую зависит от степени положения женщины в обществе, её востребованности на рынке труда. Показательно, что начало процесса официальной феминизации наименований лиц по профессии, должности, званию, титулу во французском языке было положено именно в Квебеке. Катализатором данного явления послужили общественно-политические события и умонастроения жителей провинции. В 70-е гг. XX века в Квебеке активная борьба феминисток за равноправие

привела к определенным изменениям во взглядах на роль и место женщины в обществе.

В 1976 году члены Национальной Ассамблеи обращаются в «Службу французского языка провинции Квебек» (*Office Québécois de la langue française* – далее **OQLF**) с вопросом о необходимости приступить к феминизации профессиональных наименований или способствовать использованию существительных общего рода. OQFL приступила к детальному рассмотрению этого вопроса, путем длительных переговоров с представителями Министерства иностранных дел Франции, администрацией Елисейского дворца, Французской академией (*l'Académie française*), известными лингвистами и пр. Известно, что во Франции крайне негативно отнеслись к подобной идее. По мнению членов *L'Académie française* создание и использование новых форм образования женского рода имен существительных противоречит грамматическим правилам французского языка, нарушает его синтаксическую структуру и ставит под удар языковое единство. Однако провинция Квебек, которая всегда славилась стремлением к независимости и национальной самоидентификации, оспорила мнение «всесильной академии»: «Сегодня достаточно большое количество женщин занимает руководящие должности, поэтому языковое отражение данного социального явления представляется нам логичным, естественным и необходимым» – заявила депутат «Партии Квебека» (*Parti Québécois*), Лиз Пайэт. В 1977 году Лиз Пайэт стала первой женщиной-политиком, к которой обращались — *Madame la ministre*. В 1986 года OQFL опубликовала официальный документ «*Titres et fonctions au féminin: essai de l'orientation de l'usage*», в котором были зафиксированы и рекомендованы к употреблению формы женского рода для обозначения названий различных профессий, должностей и

званий. В 1992 году была принята и опубликована обновленная «Декларация ценностей провинции Квебек» (*La Déclaration des valeurs québécoises*), которая официально провозгласила равенство мужчин и женщин, родившихся или проживающих на территории провинции».

Рассмотрим основные правила образования женского рода, предложенных **OQLF**, и их реализацию на материале известных квебекских периодических изданий.

1) Слова, оканчивающиеся на – *e* немое, не имеют особой формы женского рода. Женский род маркируется служебными словами: *S'il reste encore du temps à la première ministre pour infirmer l'hypothèse du «syndrome du numéro deux»*(*L'Actualité*); Однако некоторые слова, оканчивающиеся на –*e* приобретают окончание – *esse*: *Les villes et les municipalités, de quelque taille qu'elles soient, se sont dotées de nouveaux maires, **maïresses** et membres des conseils municipaux* (*Le Devoir*);

2) Существительные, оканчивающиеся на согласную, образуют женский род путём прибавления – *e* к основе мужского рода, что ведёт к фонетическим изменениям слова: *L'écrivaine américaine Lydia Davis, réputée pour ses nouvelles atypiques, a remporté mercredi le prestigieux Prix international Man Booker* (*Le Quotidien*);

3) Слова, оканчивающиеся на суффиксы –*er* и –*ier*, образуют женский род по модели слов *bergère* и *ouvrière*: *Les quatre surveillants pris en otage, ainsi que la **brigadière-chef** qui avait été menacée, vont se constituer partie civile* (*L'Actualité*);

4) Существительные, оканчивающиеся на –*eur*, –*teur*, в женском роде оканчиваются на –*euse*–*trice*: *Deux terribles collisions survenues sur l'A63 et l'A7 ont coûté la vie à **une camionneuse**; La **réalisatrice** Chloé Robichaud se confie sur son expérience à Cannes* (*Le Journal de Montréal*);

Другой важной составляющей языковой политики в Квебеке является практика антисексистской редакции печатных документов (*la rédaction épiscène*), которая способствует равноценной репрезентации мужчин и женщин. Активно используются: одновременное употребление существительных в женском и мужском роде, безличных слов и нейтральных конструкций. Например: *Cette rencontre s'adresse à tous les directeurs et à toutes les directrices du ministère (Le Journal de Québec); Quel est le visage de l'électorat québécois? (Le Devoir);*

Процесс феминизации профессиональных наименований в квебекском национальном варианте французского языка многообразен и по проблематике, и по реализуемым подходам. В настоящее время он находится в наиболее активной фазе своего развития. Сегодня новые формы слов проходят испытания на прочность, а также проверяется способность носителей языка к взаимной толерантности в решении этой актуальной языковой проблемы.

Бородин М.А.
(Россия, Москва)

Медицинский контекст в английских пословицах и поговорках

Иностранный язык в современной действительности является неотъемлемой частью мировоззрения человека, более того, можно говорить о двуязычии современного менталитета, когда образованный специалист владеет не только своим родным (русским) языком, но и иностранным (английским). Рассмотрение медицинского контекста в английских пословицах и поговорках актуально по нескольким причинам, во-первых, посредством их обучающийся знакомится с иноязычным представлением о том или ином медицинском понятии,

во-вторых, изучает самый медицинский контекст, в-третьих, имеет возможность соотнести английские пословицы с подобными латинскими афоризмами. Все это обогащает духовно студента, развивает его компаративные способности, заинтересовывает начинающего специалиста в изучении медицинской терминологии как на иностранном языке, так и на древнем языке.

Изучение медицинского контекста в английских пословицах и поговорках необходимо для выявления специальной терминологии (лексем), используемой в англоязычной литературе, а также сравнения со сходными латинскими афоризмами и выражениями.

Материалом изучения данной темы послужил словарь английских пословиц и поговорок, словарь крылатых латинских выражений. Методами исследования были выбраны научный теоретический и сравнительный.

В ходе поисковой работы со словарями было выбрано около 100 английских пословиц и поговорок, в которых использовалась так или иначе медицинская терминология. Для большинства из них были подобраны аналоги на латинском языке.

Более того, можно говорить о полисемии английских слов, используемых в крылатых фразах, тогда когда в современном разговорном языке они употребляются или подразумеваются не в конкретном «медицинском» значении. В первую очередь, встречаются медицинские термины, обозначающие части тела и органы человека, такие как back (dorsum, инспина), heart (cor, cordisn), ear (auris, isf), foot (pes, pedism), head (caput, itisn), body (corpus, orisn), belly (venter, ntrism), leg (pedunculus, im), tongue (lingua, aef), bone (os, ossisn), skull (cranium, in), tooth (dens, dentism). Далее можно выделить жидкости человеческого тела: water (aqua, aef вода) и blood (sanguis, inism кровь). В третьих, это слова, обозначающие боль и страдания

человека: ill (беда), pain (боль), agues (болезни), headache (головная боль), wound (рана), grief (горе), bitterness (горечь), desperatediseases (тяжелые болезни), madness (безумие), cough (кашель), hurt (боль, чувствовать боль), cut (ранить), sickness (болезнь), achingtooth (больной зуб), sore (рана). Далее встречаются непосредственно термины смерть (death) и жизнь (life), а также понятия излечения и заботы: gain (достижение), prevention (предупреждение), cure (забота, лечить), soundmind (здоровый ум), soundbody (здоровое тело), medicine (лекарство), healer (целитель), tame (смягчать), desperateremedy (сильное лекарство), healthy (здоровый), patience (терпение), plaster (пластырь). Таким образом, исходя из английских пословиц, можно выделить следующие тематические группы, связанные с медицинским контекстом: жизнь и смерть, боль и страдание, части тела и органы человек, названия болезней, средства для лечения, здоровое тело и его поддержание.

В тоже время важно подчеркнуть, что многие английские слова, используемые в пословицах, а также в подобном аналоге на латинском языке, употребляются совсем в другом значении, отличном от основного или косвенно к нему относящегося. В частности, следующая пословица «Agues come on horse back but go away on foot» и ее вариант на латинском языке «Venit morbus eques, suevit abire pedes» известны как «Болезни приходят верхом, а уходят пешком». Однако если в латинском варианте слово «morbus, im»обозначает непосредственно болезнь, недуг в первом значении, то слово «ague»обозначает малярию и лихорадочный озноб, следовательно, значение болезни ему добавлено в соответствии с тем, что «малярия» в медицинской терминологии является патологическим состоянием, в результате чего происходит добавление значения у английского слова,

поскольку в данном выражении речь идет о болезни вообще, а не о какой-то конкретной.

Также можно встретить такие пословицы, в которых не употребляется непосредственно слово «болезнь», а речь идет именно о ней. Например, «Of one ill come many» и ее латинский аналог «Nulla calamitas sola» переводятся в словарях как «Беда не приходит одна». Латинское слово «Calamitas, atis f» обозначает «бедствие, несчастье; поражение», английское слово «ill» – это зло, вред, несчастья. С точки зрения медицинской терминологии, болезнь – это бедствие или вред человеческого тела, другими словами, в данных выражениях понятие болезни рассматривается более масштабно, не только как патология человеческого тела, но и души.

Кроме этого, можно назвать выражения, в которых понятие «боли» имеет положительный контекст: «No pains, no gains». Данная пословица, согласно словарю, переводится как «нет усердия – нет достижения». Если ее рассматривать с точки зрения медицинской терминологии, получается, что боль – это двоякое понятие, имеющее как отрицательные (их больше) характеристики, так и положительные, так как именно через боль, познав боль, человек и его тело могут стать сильнее и выносливее.

Таким образом, особенность изучения медицинского контекста в английских пословицах и поговорках и их аналогах на латинском языке заключается в том, что через латинско-английское слово рождается новое понимание медицинского термина, в результате чего, можно говорить о введении понятия «англomедицинский термин» с его коннотациями и полисемией.

Быкова И.А.
(Россия, Москва)

Опосредованный дискурс сквозь призму национально-культурной специфики взаимодействующих языков

Межкультурная коммуникация представляется как «общение носителей разных культур (и обычно разных языков), а в конечном итоге – носителей разных национальных сознаний. При этом в условиях межъязыкового межкультурного посредничества или перевода речь идет о необходимости адекватно передать в другом языке и культуре своеобразие социально-коммуникативного опыта соответствующей языковой общности. Исследование поведения слова в дискурсивной деятельности, в его реальном употреблении, требует глубокого изучения репрезентации знаний в человеческом сознании, опосредованном языком и связывающем знания о мире со знанием языка.

В условиях межкультурной двуязычной коммуникации представляется актуальным такой аспект дискурса, как его связь с национальной ментальностью с точки зрения интерпретации номинаций, в основе которых лежат явления национальной культуры. «Национальное своеобразие вербальной коммуникации, – указывает академик Н.М. Фирсова в сборнике трудов, посвященном современному испанскому языку в Испании и странах Латинской Америки, – в испанском языке находит выражение в наличии специфических признаков, которые могут отражать как *лингвистические* (в первую очередь лексико-семантические), так и *экстралингвистические* (социальные, культурно-исторические, психологические, этнические и др.) факты. В ряде случаев языковые единицы могут быть одновременно маркированы лингвистической и экстралингвистической национально-культурной спецификой».

В силу того, что отправные точки теории перевода связаны с речевой деятельностью человека, т.е. коммуникативным уровнем, который предполагает выявление общих закономерностей взаимодействия лингвистических и экстралингвистических формантов смысла, как в процессе порождения, так и восприятия текста в исходном языке (ИЯ) и языке перевода (ПЯ), обращение к структурам знания и конвенциональным способам их объективации, иными словами, лексической объективации определенным знаком в конкретной коммуникативной ситуации представляет значительный интерес с точки зрения переводоведения. Перед переводчиком встает задача установить корреляцию между разными ментальными мирами, в результате чего иноязычный адресат получает возможность изменять или выстраивать в своем сознании новое ментальное пространство в соответствии с имеющимися у адресанта представлениям об описываемом фрагменте картины мира (*“paladares” (Cub.)*, *“economía golfa” (Esp.)*).

Ментальные пространства принято рассматривать как способ организации вербальной и невербальной информации при передаче семантической информации в виде обозначения какого-либо отрезка действительности, при этом речь идет не столько о фиксации конкретных структур знания или некой порождающей их среды, а в большей степени о легкости воспроизведения в высказывании (сообщении) и такой же легкости в понимании сказанного. Так, при переходе с одного языка на другой взаимосвязь языковых значений и речевого смысла может проявляться в том, что передача одного и того же смысла будет обусловлена конкретными способами предпочтительного описания референтной ситуации в ПЯ: *«дедовщина» (Рус.) - “novatadas militares” (Esp.) - “malos tratos” (Chil) - “hazing” (Am)*.

Своеобразие семантических структур конкретного языка объясняется тем, что его формирование происходит в процессе познавательной деятельности, связанной с различными географическими, историческими, производственными и другими факторами, которые характеризуют исторические, культурные, этнические, социальные и иные особенности этого народа (ср.: *“tertulias de la generación del 98”*, *“contertuliano”* (Esp.), *“apostoles de la Revolución”* (Cub.), *“pololear”* (Chil.) и т.д. Вместе с тем релевантным для репрезентации информации является определенность языкового оформления, достаточная для восприятия ее как формы конкретного языка, несущей конкретное содержание. Например, лексические единицы (ЛЕ), образованные от имен собственных, названий партий (*“el etarra”*, *la cúpula de HB*, *“el comando batasunero”*, *“KAS (Koordinadora Abertzale Sozialista)”*, *“el felipismo”*, *“Las Filesas del PP”*, *“ministra pepera”*, *“El DDT del gobierno pepero (Dirección, Discreción y Trastazo)”* *“los siete magníficos (ex ministros y políticos del franquismo)”*, производных от *“ETA”*, *“HB”*, *“Partido Popular”*, etc. (Esp.), *“los zapatistas”* (Mex), несут как нормативно-этическую, так и эмоциональную оценку, т.е. оценку, определяемую по шкале социальных ценностей и по шкале эмоций. В них находят отражение мнение, опыт и знание конкретного человека, связанные с теми представлениями, которые существуют в обществе на определенном историческом этапе его развития (политические взгляды, ситуация, локализованная во времени и в пространстве). При воссоздании на языке перевода образа ЛЕ ИЯ, имплицитность единиц ИЯ и ПЯ не должна различаться по характеру ассоциаций и прагматическому эффекту в целом, на основе которых и возникает дополнительный смысл, выраженный с той или иной степенью эксплицитности в тесте на ПЯ и способствующий адекватному

отображению внеязыковой ситуации средствами другого языка. В конечном счете, гносеологическое предназначение перевода определяется стремлением найти универсальное единство языков и культур. Это положение отражает сущность процесса перевода и представляет собой одну из важнейших аксиом переводоведения.

Следует констатировать, т.о., что в переводе результат когнитивной деятельности, получающий языковое воплощение, базируется на разнообразных знаниях и представляет собой системно-содержательную языковую интерпретацию действительности, создание особого информационно-языкового видения мира, которые при сопоставлении эксплицируют деятельность человека (переводчика в нашем случае), обладающего свободой выбора средств познания и интерпретации реальности.

Васильева И.И.
(Россия, Москва)

К вопросу об адекватности перевода названий должностей и подразделений иностранных компаний

В переводе деловых текстов весьма актуальной является проблема адекватного или эквивалентного перевода англо-американских бизнес-терминов. В частности, номинаций должностей и структурных подразделений в западных многонациональных корпорациях и крупных российских компаниях.

Зачастую переводчику, не имеющему опыта работы в бизнес – организациях или практики перевода бизнес-текстов, не хватает фоновых знаний в области структуры, содержания и организации бизнеса.

В настоящее время в России, особенно в Москве, действует большое количество западных многонациональных корпораций (MNC-МНК), где первым рабочим внутрифирменным языком выступает английский. Среди них – Procter & Gamble (FMCG), Microsoft (IT), A Bristol Mayers Squibb (Pharma/Med), Metro Cash&Carry (Chain Retailer), PriceWaterhouseCoopers (Audit/Finance) и многие др.

Англо-американская отраслевая и корпоративная бизнес-терминология широко используется и в виде заимствований, и в переводе, но, в отличие от русского бизнес-языка, имеет четкий и определенный смысл. Это отражено в массе появившихся в России англо-английских общих и отраслевых словарей, учебников делового английского издательств Longman, MacMillan, Oxford, Cambridge и пр.

Современный русскоязычный бизнес-лексикон, активно развивающийся в последние 20 лет, неоднозначен, противоречив, далеко не устоялся и нуждается в научном изучении и точном лексикографическом описании. Проблема в том, что широко используемые переводчиками современные двуязычные словари, например, Multilex, Lingvo, а также переводческие интернет – ресурсы типа Multitran, не отражают, по нашему мнению, в полной мере точности и разнообразия современной англоязычной отраслевой и корпоративной бизнес-терминологии. В первую очередь, это касается номинаций должностей в компаниях.

В частности, большие сложности возникают при переводе должностей и аббревиатур CEO (Chief Executive Officer), MD (Managing Director), GM (General Manager): генеральный директор, исполнительный директор, управляющий и др. Часто искажается смысл в переводе собирательных бизнес – терминов, таких как Executive, Officer, Manager, Director, а также, например, многозначных

бизнес – терминов типа Promotion. Искажаются и смешиваются в переводе смысловые эквиваленты понятий маркетинг, реклама, PR. Отсутствуют точные словарные эквиваленты в переводе, например, на английский язык названий подразделений российских компаний (в т.ч., банков): группа, управление, подразделение, отдел; названия должностей: управляющий банком, директор подразделения, старший аналитик-консультант по финансовым вопросам и т.д. Может ли это соотноситься, и если да, то как, с имеющимися английскими номинациями структурных подразделений западных компаний, например, Group, Division, Department, Unit, Team?

Например, **СЕО (Chief Executive Officer)** имеет следующие общие и бизнес словарные эквиваленты:

Мультитран (www.multitran.ru) – президент, председатель правления, генеральный директор, директор предприятия, управляющий делами, директор-распорядитель, главный управляющий, главный исполнительный директор и пр.

Нужно знать, что в западном бизнесе должность СЕО существует только в очень крупных компаниях, чаще всего международных (например, MNC), имеющих большое количество подразделений, сотрудников и филиалов, четкую организационную, территориальную иерархию. Это – в основном, корпорации – открытые акционерные общества (Сорп./ОАО), акции которых торгуются на ведущих мировых фондовых биржах. СЕО возглавляет Совет Директоров такой корпорации (Board of Directors) и отвечает за всю производственно – торговую, финансовую и др. деятельность компании на всех территориях, несет ответственность и отчитывается перед акционерами компании, поставщиками, клиентами, обществом.

Кроме того, основная сфера деятельности такой компании, имеющей должность СЕО – производство и торговля, банки и

финансы. В области профессионального консалтинга (финансового аудита, юридического и пр.) преобладает иная форма собственности и управления компании: это – партнерства (Partnerships), поэтому, например, функциям CEO там соответствует MP – Managing Partner – Управляющий партнер!

В крупных корпорациях есть также должность Президента (President), отдельно от CEO! – который входит в Совет директоров, но не руководит деятельностью компании. Иногда обе должности замещает один человек. В более мелких компаниях (средний частный бизнес), не являющихся открытыми акционерными, а скорее LLC (LTD) или ЗАО, должности CEO просто нет! Там можно встретить главу фирмы в должности, например, MD (Managing Director).

Поэтому, учитывая все вышесказанное, единственным правильным, по нашему мнению, смысловым эквивалентом (и инвариантом) в письменном переводе должности CEO в международных промышленно – торговых корпорациях будет ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР или в банковской корпорации – ГЕНЕРАЛЬНЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ. Данная русская номинация аналогична английской по функциям и содержанию должности, по форме собственности компании и по отрасли бизнеса. Найденный эквивалент можно использовать на визитках, и в ходе деловых переговоров никому не нужно будет пространно разъяснять, что имеется в виду под данной должностью. В последнее время в устном употреблении появилось заимствование СИ-И-О, что, на наш взгляд, мало подходит для письменной речи.

Ведехина В.В., Завадская О.А.
(Россия, Москва)

**Некоторые вопросы организации дистантного обучения
с использованием мультимедийных технологий**

На современном этапе развития системы образования весьма перспективным является интерактивное взаимодействие с учащимся посредством интернет-технологий, среди которых блоги, чаты, форумы, он-лайн конференции, компьютерные обучающие системы в обычном и мультимедийном вариантах; аудио и видео учебно-информационные материалы; лабораторные дистанционные практикумы; базы данных и электронные библиотеки с удаленным доступом, сетевые учебно-методические пособия, wiki-ресурсы и программы дистантного обучения РВworks, Coursera и Moodle.

Одной из целей данного выступления является рассмотрение разновидности веб-конференций (вебинаров). С помощью этих онлайн мероприятий лекции и презентации проводятся в режиме реального времени через Интернет; любое количество заинтересованных в этих мероприятиях могут участвовать в вебинарах: связь с преподавателем осуществляется через веб-приложение на компьютере.

Студенты-лингвисты филологического факультета РУДН принимали активное участие в вебинарах Macmillan: «Современные технологии в обучении английскому языку: как работать с интерактивными приложениями на уроке», «Developing essential skills for academic success», «Современные технологии в обучении английскому языку: учебное методическое интернет-пространство учителя». <http://www.macmillan.ru/events/detail>.

Особый интерес у них вызвал вебинар «Academic Vocabulary», посвященный проблеме научного словарного запаса

преимущественно у студентов. В данном вебинаре выражено процентное соотношение различных групп слов, различающихся как по происхождению (например, латинские заимствования), так и по тематическому составу. Это помогло студентам, принимавшим участие в вебинаре, научиться более внимательно подходить к выбору слов, так как некоторые из них либо редко используются, либо слишком часто. Об этом свидетельствует нижеприведенный скриншот вебинара.

Louis Rogers: Academic Vocabulary

Learner English Vs. native speaker academic English

- 50% of AKL underused
 - Basis, extent, assume, appropriate
- 21.4% overused
 - Aim, fact, main, also, often
- Amplify high frequency and diminish low ones
 - idea/problem Vs. hypothesis/conversely
- Many high frequency words under used
 - Argument, significant, particularly
 - Between, in, by of = avoidance of noun modification

(Paquot, 2010)

34:17 / 1:00:13

http://www.macmillan.ru/events/detail.php?ID=36399&sphrase_id=21582

Рост лекций и количества слушателей, принимающих участие в дистантном образовании, вызывает схожая с вебинарами такая мультимедийная технология как видеоконференция, во время которой всё можно демонстрировать в режиме реального времени; по ходу демонстрации лектору приходится использовать и переключать различные вспомогательные средства: камеру для документов, сканнер, компьютер с презентацией в PowerPoint, проектор слайдов.

Особый интерес представляют образовательные платформы PBworks, Coursera и Moodle, предлагающие как платные, так и бесплатные он-лайн курсы. Студенты чаще пользуются бесплатной платформой Coursera, предоставляющей наряду с другими курсами возможность, например, пройти дистанционный курс «Shaping the Way We Teach English, 1: The Landscape of English Language Teaching» в Орегонском университете в США. На этом веб-сайте можно найти учебный план курса, ресурсы и элементы курса, описание формата курса, видео-материалы, глоссарий, вопросы для контроля, рекомендо-ванную литературу. Сайт особенно ценен для будущих преподавателей английского языка.

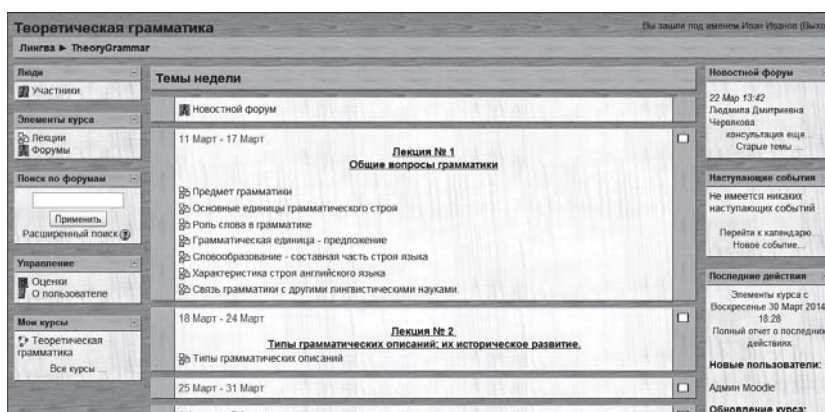
<https://www.coursera.org/course/shaping1landscape>

The screenshot shows the Coursera course page for "Shaping the Way We Teach English, 1: The Landscape of English Language Teaching". The page features the Coursera logo and navigation links at the top. The main content area includes the course title, a video player with a play button, and a description of the course. The description states that the course is aimed at English as a Foreign Language (EFL) teachers and is the first of two teacher training courses based on internationally-recognized materials and approaches. It is sponsored by the U.S. Department of State and the University of Oregon. The page also includes a "Сессии" (Sessions) section with a dropdown menu showing "апр 7-го 2014" and a "Присоединиться бесплатно" (Join for free) button. A "Краткий обзор курса" (Course overview) section lists the course duration as 5 weeks, 4-6 hours of work per week, and includes English subtitles. The instructor is identified as Deborah Healey from the University of Oregon.

В докладе затронуты вопросы использования модульной объектно-ориентированной динамической среды (Moodle), интегрирующей систему контроля SCORM (Sharable Content Object Reference Model) – модель передачи объектов общего содержания.

<http://distant.philevenling.ru/login/signup.php>.

Программа содержит такие *ресурсы курса* как текстовую страницу, веб-страницу, ссылку на файл или веб-страницу, ссылку на каталог, пояснение. Организация обратной связи происходит за счет *элементов курса*, таких как глоссарий, задания в различной форме, рабочая тетрадь, форум, чат, анкета, опрос, тест, лекция.

Лекция в данной программе – интерактивное изложение учебного материала. Тема разбивается на маленькие блоки и предлагается студенту в пошаговом режиме. В конце каждого блока – вопрос (множественного выбора, требующий ответ верно-неверно, короткий ответ, эссе, ответ на соответствие, текстовый ответ, в виде файла, в виде нескольких файлов, ответ вне сайта), правильный ответ на который автоматически открывает следующую страницу. Данная программа даёт возможность изложить материал под постоянным контролем усвоения.

Moodle – это очень интересно, полезно и увлекательно!

Габидова М.А.
(Россия, Москва)

Языковая ситуация в Люксембурге

Среди современных европейских государств Великое Герцогство Люксембург представляет собой уникальный случай языковой ситуации, когда на единой территории страны в рамках немногочисленного коллектива (531 441 чел., 2012г.) используются одновременно три языка – люксембургский (летцебургский), французский и немецкий. Такое языковое переплетение характеризуется достаточно сложным процессом развития государства Люксембург, историей и развитием его народа.

Родным языком населения страны является люксембургский язык, представляющий по своему историческому происхождению диалект мозельской группы, которая охватывает, кроме Люксембурга, районы долины р. Мозель, западной части плато Вестервальд, северо-западной части Саарской области (Германия), а также северной части Лотарингии (Франция).

Согласно распоряжению Министерства народного просвещения Люксембурга от 5.06.1946 г., известному под названием «О люксембургской орфографии» люксембургский язык должен рассматриваться в качестве литературного и государственного языка страны, наравне с французским и немецким языками. Однако новая орфография ставила своей целью не столько унификацию и нормирование будущего письменного языка, сколько задачу выработки системы графических знаков для различных локальных реализаций единых фонем. В рамках реформы 1948г., рекомендовавшей законодательные решения в отношении всех трех языков страны, были высказаны положения, позволявшие в

последующие годы люксембургскому языку укрепиться в сфере как официальной, так и религиозной. Правда, как отмечают ученые, попытки преобразования люксембургского языка в литературный временем полностью угасали. Новый импульс был дан благодаря тому, что было допущено его использование при изучении текстов по богослужению, т.е. в качестве языка литургии. Таким образом, в целом с послевоенного времени наметилась тенденция использования люксембургского не только как языка повседневного общения, где он был и остается вне конкуренции, но и как средства коммуникации, обладающего характеристиками письменного языка. Люксембургский язык используется в речах, приветствиях, выступлениях в палате депутатов в парламенте, в муниципальных советах, в радиопередачах, на сцене, в проповедях, где он конкурирует с французским и немецким языками, в то время как в письменных текстах он почти не используется. Известным исключением из такого правила являются объявления и сообщения о различных народных праздничных мероприятиях, встречах, выставках и ярмарках, составленные на люксембургском языке и публикуемые в корпусе немецкоязычных газет.

Говоря об опыте в направлении развития письменной формы люксембургского языка, приходится заключить, что эти попытки не привели к созданию собственного письменного кода, как это бывает характерно для национальных литературных языков. В сущности, и в функциональном отношении люксембургский является не только национальным средством повседневного общения, но и участвует в реализации функциональных задач, возложенных на оба - французский и немецкий - официальных языка страны. Достигнутый здесь уровень выглядит сегодня как предельный, и нет указаний на то, что происходит накопление импульсов для новых перспектив. Имея

ввиду такой уровень диалекта в его продвижении к литературному языку, при котором к моменту оценки он не обладает полноценно функциями и статусом, а также всеми категориальными признаками литературного языка, Х. Клосс импрессионистически назвал такое образование «полуязыком», что, конечно, нельзя рассматривать терминологической интерпретацией феномена.

Весьма примечательным является распределение всех языков страны, включая люксембургский, при обучении в школе. В самом начале обучения преподавание ведется на родном (люксембургском) языке. Однако в первом классе преподавание перестраивается с родного языка на немецкий. Со второго полугодия второго класса вводится изучение в качестве учебной дисциплины французского языка, а весь цикл учебных предметов преподается на немецком языке. Такая практика характерна для всего периода обучения учащихся в так называемой элементарной обязательной школе. В средней школе (лицеях и гимназиях) французский становится единственным языком преподавания. Тем не менее, французским языком владеют хуже, чем немецким, что отчасти объясняется тем, что по своей структуре он находится дальше от люксембургского, чем немецкий, и считается трудным, тогда как немецкий, будучи «фоновым языком», представляет качественно иную степень сложности для овладения. Как показывают официальные данные, менее 10% окончивших среднюю школу и получивших диплом бакалавра, одинаково хорошо владеют немецким и французским языками, а более 90% выпускников знают лучше немецкий. Многоязычие Люксембурга, таким образом, не свидетельствует о факте многоязычия каждого отдельного его жителя, поскольку, как уже отмечалось выше, лишь узкая группа лиц, по их собственным

оценкам, одинаково хорошо владеет французским и немецким языками.

Гишкаева Л.Н.
(Россия, Москва)

Социально-культурная роль неологизмов в современном испанском языке

В настоящее время, в век научно-технического прогресса, интенсивной общественно-политической жизни, полной событиями международного значения, непрерывно идёт процесс лексического обогащения языка.

Изменения и процессы, происходящие в общественной жизни, находят непосредственное отражение в языках всех стран мира, и испанский язык, естественно, не является исключением в этом отношении. Слова исчезают, выходят из употребления, другие, наоборот, появляются, начинают активно использоваться носителями языка. Язык пополняется за счёт неологизмов – слов и словосочетаний, созданных для обозначения новых явлений действительности, новых предметов или понятий.

В эмоционально-экспрессивной речи испанцев зарождается наибольшее количество неологизмов. Для того, чтобы обнаружить новые неологизмы, которыми всё чаще и чаще «пестрит» испанская речь, мы обратились к главному словарю испанского языка – *El Diccionario de la Real Academia Española de la Lengua* (DRAE) – Словарю Испанской Королевской Академии языка, который постоянно пополняется новыми единицами испанской лексики. В качестве примеров приведём некоторые лексемы: *rojillo* – человек, политические взгляды которого ближе к взглядам левых, чем правых;

cultureta – человек, который пытается казаться интеллектуалом, *antiespañol, antiespañolista* – противник всего, что связано с Испанией, испанским языком и культурой; *muslamen* – бёдра (чаще всего женские); *e-book* – электронное устройство для чтения книг (англицизм), *anticelulíticos* – антицеллюлитный; *antiestrés* – антистресс; *art decó* – арт декó; *homóforo* – гомофоб (человек, проявляющий негативную реакцию на проявление гомосексуальности); *festivalero* – фестивальный (человек, участвующий в каком-нибудь фестивале); песня или фильм, сделанные специально, чтобы понравиться большому количеству людей; *ambientalista* – борец за охрану окружающей среды; *desfasado* (para no quedarse desfasado) – «отсталый»; *curalotodo* – средство от всех заболеваний (букв.: «лечит всё»); *meloncete* – вялый молодой человек; *abducir* – вызвать очень сильные эмоции (от чего-либо, созданного руками человека); *chiste verde* – шутка с эротическим подтекстом.

Испанская разговорная речь часто пополняется неологизмами за счёт СМИ: телевидения, радио, прессы. Интересно то, что среди неологизмов на сегодняшний день мы можем встретить большое количество англицизмов. В большей степени они встречаются на страницах глянцевого издания, основная цель которых – пропагандировать новшества в различных сферах жизни: в красоте, моде, спорте, культуре и т.д. Ярким примером такого неологизма может служить слово “glamour/glamur” (несмотря на рекомендации различных словарей писать его соответственно правилам испанской фонетики, т.е. через *u*, более распространено английское написание – *ou*).

В качестве иллюстрации приведём пример из современного испанского журнала *Telva*: “*El fotógrafo retrata a una Kate que expresa*

toda su belleza de la manera más glamurosa y más sexy, bajo la intensidad de la luz de las tierras ibicencas y con un coche antiguo". Данное заимствование уже адаптировалось в испанском языке. Оно занесено лексикографами во все испанские словари, в которых также можно видеть образованное от него прилагательное "glamouroso/glamuroso". Очень часто в современной испанской разговорной речи мы можем встретить следующее восклицание:

"¡Eh! ¡Que chica! ¡Que glamurosa es!".

Безусловно, экстралингвистические факторы неразрывно связаны с особенностями в манерах испанцев вести коммуникацию, в языковой культуре и в самом языке. Все экстралингвистические черты, указывающие на эмоциональность испанцев, безусловно, находят своё отражение в лексике испанского языка и оказывают на неё огромное влияние, тем самым она приобретает новые коннотативные оттенки.

Головчинер М.Д.
(Россия, Москва)

Эвфемия как речевая стратегия

Понятие *эвфемизм* появилось еще в античной философии. Демокрит, считал, что слово *эвфемия* обозначает душевное спокойствие, жизнерадостность, истинное блаженство.

В юриспруденции термин *эвфимия* в Византии обозначал выдвигаемую народом официальную вежливую просьбу к правителям как альтернативу грубым действиям, что выражало его право принимать участие в политической жизни государства законным образом.

В этимологическом словаре Дугласа Харпера, насчитывающем 30.000 слов, включая слэнговые, появление термина *эвфемизм* датируется 1650 годом. Его происхождение восходит к древнегреческому языку от лексем: εὖ - «good» (хорошо, благо) + φημί «speaking» (говорю). А, например, во французском словаре *Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales* указано, что во французском языке история термина «эвфемизм» восходит к 1730 году. Слово происходит от греческого εὐφρημισμός - «благоречие», которое в средневековой латыни превратилось «euphemismos».

Рассмотрим определения термина *эвфемизм* в более современных словарях. *Webster's Revised Unabridged Dictionary*, словарь Ноаха Вебстера в издании 1913-го года эвфемизм определяет так: «*a figure in which a hurt or indelicate word or expression is softened; a way of describing an offensive thing by an inoffensive expression; a mild name for something disagreeable*». Отметим, что здесь эвфемизм рассматривается как троп, а соответственно, речь идет об эвфемии на лексическом уровне.

Теперь обратимся к Британской Энциклопедии (*Encyclopædia Britannica*) – наиболее полной и универсальной английской энциклопедии, начавшей свою историю в 1768 году. В издании 1911 года дано такое определение: «*a figure of speech in which an unpleasant or coarse phrase is replaced by a softer or less offensive expression*». В этом же определении эвфемизм представлен как фигура речи, а значит, он напрямую соотносится с речью.

В энциклопедии французского языка *Encyclopédie Larousse* дано следующее определение *эвфемизма*: «*une figure de style – proche de l'atténuation – qui consiste, pour respecter des convenances ou des tabous, à substituer à un mot un terme (ou une périphrase) de sens apparemment*

opposé». В данной формулировке наше понятие рассматривается и как стилистическая фигура, и как троп, соответственно оно имеет место и на уровне речи, и на уровне лексики.

Еще одно определение находим в словаре французского лексикографа Эмиля Литрэ под названием *Dictionnaire de la langue française (Littré)*: «*Figure de rhétorique qui consiste dans l'adoucissement d'un mot dur*». Мы видим, что в данном определении эвфемизм также рассмотрен в качестве тропа, то есть он напрямую связан с лексикой.

Таким образом, становится очевидным, что уже в начале XX века не существовало единого мнения относительно того, как следует рассматривать явление эвфемии: на уровне языка или на уровне речи.

Рассмотрим, как термин *эвфемизм* определяется отечественными учеными. Б.А. Ларин считает, что «по семантической структуре эвфемизмы — одна из разновидностей тропа, т. е. метафоры, метонимии, синекдохи и т. д.» По его мнению, цель эвфемизмов — затемнение, прикрытие неприглядных явлений жизни или нескромных мыслей, намерений, а не образное представление действительности.

А в словаре С. П. Белокуровой дано следующее определение: «Эвфемизм — вид тропа, частный случай перифраза: слово или выражение, заменяющее собой (и таким образом смягчающее) резкое, грубое или интимное высказывание».

Арапова Н.С. предлагает такую дефиницию: эвфемизм — это «эмоционально нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимичных слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными».

По мнению Л.П. Крысина, эвфемизм — это «способ непрямого, перифрастического и при этом смягчающего обозначения предмета, свойства или действия...».

Сопоставляя различные мнения об эвфемизмах, можно сделать следующие выводы. Исходя из определений, данных в английских, французских словарях и сформулированных отечественными учеными, эвфемизм может быть рассмотрен на уровне слова, выражения или высказывания. Это представляется логичным, поскольку реализация ситуативной уместности речи может зависеть не только от номинативных единиц, но также от тех тем, которые будут затронуты в сообщении, а также от различных способов их реализации в речи. Поэтому представляется целесообразным отличать лексическую эвфемиию от речевой. Под лексической будем понимать языковое явление, которое включает в себя замену некоторых слов и выражений, способных вызвать ощущение коммуникативного дискомфорта у адресата. А под речевой эвфемией – такое же явление, но заменяющее уже целиком высказывание.

Стоит отметить, что функции эвфемизмов на лексическом уровне более разработаны, по сравнению с функциями на уровне высказывания. Можно предположить, что функции лексической и речевой эвфемии будут отличаться. Первая будет выполнять смягчающую функцию, обеспечивая на лексическом уровне наиболее адекватный существующей коммуникативной ситуации способ презентации той или иной информации. В то время как речевая эвфемия будет реализовывать одновременно смягчающую и маскирующую функцию. Это значит, что все возможные негативные коннотации, способные доставить адресату чувство коммуникативного дискомфорта, заменяются нейтральными на уровне высказывания.

Эти две основные функции дают нам возможность предположить, что речевая эвфемия представляет собой речевую стратегию, которую можно назвать стратегией эвфемизации. По

определению О.С. Иссерс «речевая стратегия» - это комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели. У речевой стратегии, как и у любой другой, есть свои цели. «По своей сути речевые стратегии связаны с типичными мотивами человеческого поведения: уберечься от плохого, сохранить хорошее, добиться лучшего...». Также Иссерс утверждает, что конечной целью любой речевой стратегии является коррекция модели мира адресата. Эти слова очень точно описывают всю суть процесса эвфемизации. Коммуниканты стремятся предложить свои собственные интерпретации событий для того, чтобы реализовать свои прагматические цели. Таким образом, можно дать следующее определение стратегии эвфемизации: комплекс различных способов перифрастического обозначения, целью которых является достижение коммуникативной цели, избегая критики по отношению к участникам заданной коммуникативной ситуации.

Горностаева А.А.
(Россия, Москва)

**Роль иронии в политическом дискурсе
(на материале английского и русского языков)**

Работа посвящена анализу использования иронии в английском и русском политическом дискурсе и эффективности употребления иронических высказываний политиками для воздействия на аудиторию.

Говоря об иронии в различных типах дискурсов, в частности, политическом, мы исходим из предпосылки, что ироничность является особенностью коммуникативного стиля англичан, что объясняется частотностью употребления иронии и разнообразием ее

функций. Для английской лингвокультуры применение иронических, самоиронических, саркастических высказываний актуально и естественно. Напротив, ситуации, когда ирония находится под запретом, делают англичан беспомощными и уязвимыми.

Что касается русской коммуникативной культуры, то, по нашим наблюдениям, здесь ирония употребляется значительно реже, чем в английском дискурсе, и ее использование обусловлено характером и темой общения. Тем не менее, русский политический дискурс, так же как и английский, часто содержит значительное количество иронических и юмористических высказываний.

По мнению исследователей, ирония и юмор выполняют как минимум две основные социальные функции: как средство борьбы и сопротивления излишнему контролю; как способ контроля над членами группы для поддержания групповой солидарности [Кондратьев, Ильин 2007]. Особое внимание иронии и юмору уделяется в современных теориях лидерства. Так, например, авторы концепции эмоционального интеллекта [Mayer, Salovey] убеждены, что умелое использование юмора всегда отличает эффективного лидера. Данное утверждение базируется на результатах целого ряда прикладных исследований.

Эффективные лидеры свободно используют юмор; они не боятся пускать его в ход даже в напряженной ситуации и подавать людям позитивный сигнал, который меняет эмоциональный тон взаимодействия. В целом адекватное чувство юмора лидера является не просто одним из факторов, повышающих эффективность его взаимодействия с группой, но необходимым условием, без которого полноценная коллективная деятельность и достижение действительно значимых результатов попросту невозможны.

Ирония в политическом дискурсе может выполнять различные функции: нападение, насмешку, защиту, провокацию и т.д. Так, ирония Маргарет Тэтчер на церемонии открытия ей памятника 21 февраля 2007 г. – “I might have preferred iron but bronze will do. It won't rust. And this time, I hope, the head will stay on” («Я бы предпочла железный, но и бронзовый сойдет. Он не поржавеет. И на этот раз, надеюсь, голова не полетит») – содержит намек на ее прозвище “iron lady”, с одной стороны, и выполняет защитную функцию, с другой, позволяя скрыть смущение и сохранить лицо.

Еще один пример использования иронии российским президентом В.В. Путиным на пресс-конференции в 2013 году: «Музам служит, а с головой не дружит» (о поэте, принимавшем участие в столкновениях с полицией). Данное высказывание имеет вид стихотворного каламбура и имплицитно выражает резкую критику.

Иронические высказывания, собранные на материале английского и русского политического дискурса, выполняют разнообразные функции и разнообразят речь говорящего, помогая удерживать внимание аудитории.

Гусева Ю.П.
(Россия, Москва)

Фонетическая адаптация заимствований в индонезийском языке

На протяжении всей своей истории Индонезия контактировала со многими культурами: индусы, мусульмане, голландцы, англичане, испанцы и португальцы; и каждая нация оставляла свой след, в том числе и в индонезийском языке. Основой трансформации слов при

фонетической адаптации послужили звуковые пары, где выбор падал на более легкое и удобное для индонезийцев произношение.

После провозглашения независимости перед Комиссией по индонезийскому языку (Komite Bahasa Indonesia) встала задача формирования национального языка. Из-за продолжительного влияния других стран и языков в индонезийский язык было внедрено множество заимствований, со временем ассимилировавших.

Например, такое заимствование, как арабский губно-зубной фрикативный [f]. До принятия Комиссией по индонезийскому языку в фонетическую систему стандартного индонезийского языка, этот звук, присутствующий только в иностранных словах, произносился, в основном, как губно-губной взрывной [p]. Например: fikir - pikir; faedah – paedah; false - palsu.

Однако, если в некоторых словах установилось [p], то в других словах ныне более приемлем [f], например, faedah и paedah: в словаре указаны оба варианта, но со ссылкой соответственно на первый вариант в статье второго.

Появление нового звука позволило индонезийскому языку перенимать произношение у голландских и английских заимствований. Например: faculty - fakultas; negative - negate; professor - profesor.

Однако тенденция поддержания фонетической системы как можно более неизменной превалирует: ěadat – adapt; ěumum – umum; raĳyat – rakyat.

В индонезийском языке существует такое правило, что в конечном слоге не может быть закрытого [e] или редуцированного звука. Поэтому адаптации подверглись слова, заимствованные не только из иностранных языков, но и из родных языков (например,

яванский или сунданский). Например, адаптация яванских заимствований: catet – catat; malem – malam; seger – segar.

Следовательно, таким же процессам подверглись и английские и голландские заимствования:

Голландский/ Английский	Индонезийский ранее	Современный Индонезийский
akte, act appel, apple cilinder, cylinder elite methode, method rationalisme, rationalism	akta apal silindar elita metoda rasionalisma	akte apel silinder elite metode rasionalisme

Если обобщить, то при адаптации заимствований в индонезийском языке происходят следующие процессы:

Арабский	Индонезийский	пример
f	p / f	fikir - pikir faedah - faedah
q	k	qursi - kursi qitab – kitab

Голландский/ Английский	Индонезийский	пример
kw, q	kw	quality - kualitas
c	k, s	communis - komunis
z	s	analyze - analisa
ph	f	photo - foto nephi - nefi

В индонезийском языке нет строгих правил адаптации заимствований. Однако для обнаружения иностранных слов следует обращать внимание на пары звуков. Обычно в заимствованиях используются ближайšie к оригинальному произношению звуки, характерные и удобные в произношении для индонезийцев.

Дагбаева О.И., Нелюбова Н.Ю.
(Россия, Москва)

Языковые особенности франкофонных канадских блогов в сопоставлении с арабскими

Новый виток эволюции Интернета ознаменован появлением социальных сетей и блогов, которые обладают своими языковыми особенностями. Во франкоязычном узусе накопилось множество примеров новых явлений на разных уровнях языка: фонетическом, грамматическом и, прежде всего, лексическом. Для блогов характерно использование различных стилистических фигур.

Блоги представляют собой вид асинхронного полилога, когда автор печатает в сети свои заметки и ждет отклика от читателей. Следовательно, блог состоит из двух частей: монолога автора и постоянно пополняемых комментариев. Блоги в основном представлены в виде письменного текста, а текст, как известно, является основным орудием коммуникации, а также «...именно текст наиболее четко передает национальную ментальность, мировидение, картину мира, национальный характер носителей той или иной культуры, каждой лингвистической общности» (Н.М. Фирсова).

По нашим наблюдениям, национально-культурная принадлежность автора также играет важную роль в блоге. Если рассматривать франкофонное интернет-сообщество, то можно условно определить основные группы пользователей: представители метрополии и европейских стран, Канады и Северной Африки.

Для населения Канады и стран Магриба французский язык является вторым официальным языком. В результате, с одной

стороны, обособленного развития и, с другой стороны, соприкосновения с языками, распространенными на этой территории, можно наблюдать отклонения от нормы метрополии и употребление так называемых арабизмов и канадизмов, изучение которых представляет интерес для контактной лингвистики и вариантологии.

В указанном случае носители языка практикуют билингвизм и даже многоязычие для обеспечения участия во всех сторонах жизни нации при сохранении своей этнокультурной идентичности. Если говорить о взаимном воздействии языков, то оно «требует наличия людей, которые хотя бы в незначительной степени были двуязычными» (Щерба Л.В.). В блогах рядом можно увидеть заметки на разных языках: в канадской блогосфере – на английском и французском, в арабской блогосфере – на арабском, французском и английском.

В блогах находят отражение местные реалии и принадлежность пользователей к разным религиям. У представителей арабской культуры количество блогов, посвященных социальным проблемам и политике, заметно выше, чем в канадских блогах, где преобладают такие темы как литература, кино, музыка, мода и красота.

На выбор лексических средств и использование стилистических фигур, помимо национальной принадлежности, влияет образ автора, его речевая культура и его коммуникативные цели.

Для блогов характерно смешение функциональных стилей, но все же доминирует разговорный стиль, обычно преобладающий в устной речи, так как пользователи пишут так, как думают и говорят. В текстах блогов встречается множество просторечных слов и разговорных элементов, служащих для усиления экспрессивности высказывания и подчеркивающих неофициальный характер коммуникации:

Pourquoi j'aime la St-Valentin!

Oui, c'est la fête kitsch et commerciale à son apogée, mais maudit que j'aime la St-Valentin! Et mille fois plus depuis que j'ai des enfants! En plein hiver, voilà l'occasion rêvée pour ajouter du pep, de la joie et de la couleur à cet hiver blanc et froid! Dès le 1er février, on décore la maison! (канадский блог lynestemarie.com)

Большое количество восклицательных знаков свидетельствуют также об эмоциональности оценки события, что особенно заметно в комментариях к статьям авторов, для которых характерна непринужденность общения:

Madeleine Raboin – février 6th, 2014

Mille merci Lyne !!!!! tu es une inspiration pour moi tu sais !Positive,de bons conseils ,et surtout une personne franche et intègre.On ne peux pas faire autrement qu'être de bonne humeur avec toi !!!!!!! Super contente de pouvoir te suivre !!!!!!! (канадский блог lynestemarie.com)

Также в исследуемых текстах можно выявить отсутствие знаков препинания, грамматические ошибки(on ne reux pas) и использование различных стилистических фигур, помогающих усилить экспрессивность, привлечь внимание, например, эпитеты, метафоры и другие тропы:

Sommes-sous en état de guerre?

Le gourou fossoyeur!

Enfin nous sommes en plein dans la gueule du loup. La politique des frères musulmans a pris pied en Tunisie et s'y incruste encore par tous ses tentacules vénéreux ! Un seul homme en est la cause : Ghanouchi !

Ils n'ont qu'une seule idée en tête, instaurer une « omma » à la place de tous les Etats islamiques du monde, une charriaa d'un 6e califat comme le répète Jébali par exemple!

Quatre anecdotes sordides et tenaces sur ces pyromanes qui continuent à attiser le feu au nom de l'islam! (арабский блог rachedelgreco.blogspot.com)

В начале примера употреблен риторический вопрос, что также является особенностью блогов, как обращение к массовой аудитории и для развития собственных идей.

В дискуссиях часто употребляются междометия и звукоподражания, с помощью которых также добиваются сходства с устной речью:

- **Bof.** *Je maintiens que le ratio grands réels/navets de la filmo de Marion est franchement impressionnant..*

-**Euh?** *Je ne me souviens pas avoir jamais mentionné cette histoire...*

-**Aie,** *navré de te décevoir mais Holy Motors est dans mon *autre* top...*(пользователь Le pédé, арабский блог cestlagene.com)

Авторы блогов употребляют идиомы и афоризмы, в том числе латинские (которые встречаются чаще в канадских блогах), для придания значимости своим высказываниям:

D'ailleurs vous voyez que le blog est un peu en friche ces temps-ci!

Carpe diem, tempus fugit *est si clair dans mon esprit que j'essaie de vivre chaque instant avec calme et conscience* (канадский блог mybeauty.over-blog.com).

Франкофонные блоги имеют общие черты: преобладание разговорного стиля либо смешение стилей, грамматические и синтаксические ошибки, стремление выразить свою мысль ярко, метко и кратко, экспрессивность и эмоциональность текстов, использование стилистических фигур, непринужденность и живость диалога. Различия в основном связаны с внеязыковыми факторами: в Канаде политическая ситуация находится в стабильном состоянии и

уровень жизни высок, в то время как в арабском регионе нарастает напряженность.

Таким образом, актуальные вопросы влияют на выбор тематики и языковых средств. Также следует отметить влияние английского, арабского и других местных языков на французский язык. Менталитет, культурное своеобразие, социальная позиция также играют важное значение. Таким образом, по ряду признаков в тексте можно определить национальную принадлежность автора.

Денисова А.П.
(Россия, Москва)

**Палитра переносных значений слова *СЕРДЦЕ* / *CORAZÓN*
в современном русском языке в сопоставлении с испанским**

Слово *сердце* по количеству переносных значений и возникших на его основе фразеологизмов заметно опережает другие соматизмы как в русском, так и в испанском языке. Чтобы убедиться в этом, даже не требуется статистического анализа: достаточно полистать толковые и фразеологические словари. «Просто удивительно, почему эта мышца размером с кулачок стала выразителем стольких чувств», – задаётся вопросом известный кардиолог Р. Суперко и продолжает: «Этот насос у нас в груди и в самом деле является источником жизни, его значение нашло отражение в поэзии, песнях, метафорах» (Суперко, 226).

Опираясь на данные, полученные в ходе анализа современного русского и испанского лингвистического материала, попытаемся выявить сходства и различия в палитре переносных значений соматизма *сердце* / *corazón* в вышеуказанных языках.

Прежде всего отметим, что сердце – важнейший орган человека и высших животных, расположенный примерно посередине грудной клетки, т.е. сердце занимает центральное место в организме. Отсюда – метафорическое использование данного соматизма в значении *центр*:

Сердце нашей Родины – Москва;

Madrid, corazón de España, late con pulsos de fiebre (R.Alberti).

В обоих языках весьма частотны выражения *в сердце города, в самом сердце неокрепшей российской экономики (Ю.Поляков); en el corazón de la jungla, en el abigarrado corazón del bullicio (A.Grandes).*

В испанском языке средний палец (*dedo medio*), занимающий центральное положение на кисти руки, именуется также *dedo corazón*: *Noté un fuerte dolor en el dedo corazón, como si me lo hubiera roto (E.Lindo).*

Этот же семантический перенос мотивирует значение русского технического термина *сердечник* (внутренняя часть различных машин, аппаратов, приборов): *кабельный сердечник, сердечник пули.*

В обоих языках соматизм *сердце* используется в результате метонимического переноса – синекдохи – в значении *человек*: *Это «Дом-2» – проект, где одинокие сердца ищут и находят друг друга (Анонс телепрограммы); <...> Necesitaba desahogar su pena junto a un corazón comprensivo (L.M. Linares).*

Однако подавляющее большинство метафорических употреблений слова *сердце / corazón* базируется на том, что исключительно этому органу языковое сознание приписывает способность испытывать эмоции: радость, волнение, страх, гнев, жалость, сострадание и самое главное – любовь. Как отмечает философ К.Эстес Пинкола, «именно сердце позволяет нам любить, как любит дитя: всецело, безудержно, без всякого налёта цинизма, уничижения или самозащиты» (Эстес, 160). Сердце традиционно

рассматривается как средоточие души – источника человеческих эмоций. Если наши действия эмоционально окрашены, то мы говорим *сердечно* поздравляю; *от всего сердца* дарю; *gracias por todo, de corazón*; *deseo de todo corazón que sigan existiendo esos bichos de enigmática sonrisa* (delfines – А.Д.) (A.Pérez-Reverte). Когда человек действует без эмоций, носители русского языка употребляют наречный оборот *без души*, а испаноговорящие не видят в его действиях сердца: <...> *hablaba rápido y sin corazón como si transmitiera un recado* (M.Vargas Llosa). Русские заверяют в искренности своих слов, *положа руку на сердце*, точно так же, как испанцы – *con la mano en el corazón*. О бесхитростном, открытом человеке мы говорим *у него душа нараспашку*, а испанцы считают, что он держит сердце на ладони: *tiene el corazón en la mano*.

В языковом сознании русских и испаноговорящих людей сердцу приписывается способность:

– издавать звуки (*сердце бьётся, колотится, грохочет, стучит, плачет, поёт, смеётся*; *el corazón late, bombea, grita, gime, llora*);

– совершать движения, в том числе перемещаться внутри организма (*сердце ныряет, замирает, спотыкается, барахтается, ёкает, выпрыгивает из груди, танцует, уходит в пятки, подступает к горлу*; *el corazón se abre, se parte, se encoge, tiembla, se desboca*);

– испытывать эмоции и обладать интеллектуальными качествами (*сердце радуется*; «*Заботится сердце, сердце волнуется*» (из песни на стихи В.Харитоновой); «*Глупое сердце, не бейся!*» (С.Есенин); *corazón sabio, “Corazón embustero”* (песня группы La Grande de Madrid);

– предвидеть, предугадывать будущее (*сердце - вещун; сердцем чуют*; *tener una corazonada, ver con el corazón*);

– выступать в роли предмета, который можно отдать, украсть, завоевать, покорить, разбить, сломать, растоптать (*разбить,*

завоевать, покорить сердце; robar, hurtar, lastimar, destrozar, pisotear, envenenar, conquistar, remendar el corazón).

ЛИТЕРАТУРА

1. Суперко Р. Как предотвратить инфаркт / Роберт Суперко: пер. с англ.
2. Н.Г.Балиной. – М.: РИПОЛ классик, 2006.
3. Эстес Пинкола К. Бегущая с волками. – М.: Изд-во ООО София, 2007.

Дьяконова Е.А.
(Россия, Москва)

Авторская методика обучения коммуникации на английском языке “COSHCO” (Core-shell Concept)

Авторская методика “COSHCO” представляет собой образно-логическую систему подачи фонетического и лексико-грамматического материала. Использование сквозного образа «ядро и оболочка» обеспечивает цельность и логичность предлагаемой системы. Отбор материала осуществляется с учетом его ценности с точки зрения вступления и поддержания устной коммуникации на английском языке. Целевая аудитория – люди старше 14 лет.

Основные особенности предлагаемой методики заключаются в следующем:

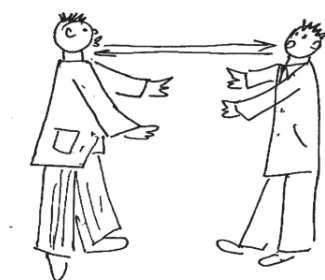
1. Описательный (неподражательный) способ постановки фонетики, который осуществляется в несколько этапов с помощью выполнения ряда упражнений. Главная цель в процессе постановки фонетики – не постановка каждого звука в отдельности, а в приобретение базовой «английской осанки» языка, и сознательном различении «русской» и «английской» осанок языка. «Базовой осанкой» языка мы называем положение языка в ротовой полости при произнесении звуков [l,t,n,d] (для английского языка) и [л,т,н,д] (для русского языка), что с точки

зрения предлагаемого сквозного образа является «ядром». «Оболочкой» выступает артикуляция (работа губ).

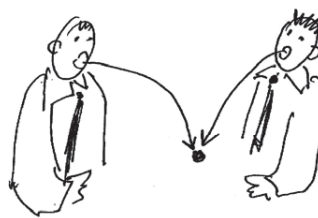
Работа с интонированием осуществляется не подражательным, а смысловым способом в несколько этапов. Цель – умение формировать правильное направление речевого потока (см. *рис.1*) и передача смысла высказывания интонационными средствами.

Правильность потока речи обеспечивает нахождение говорящего в «английской осанке» языка. Передача смысла осуществляется умением вычленять и интонационно выделять смысловые «ядра» высказывания, которые принято называть опорными словами.

Рис.1

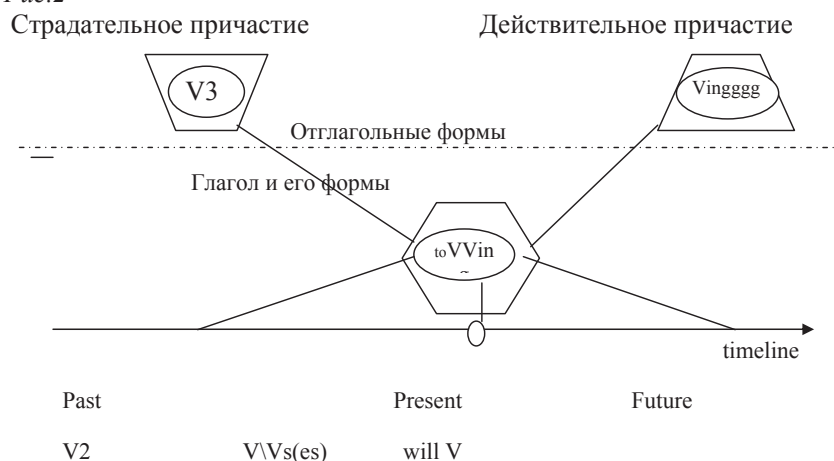
Направление русского речевого потока

Направление английского речевого потока

2. Работа с лексикой происходит на структурном уровне, а не на уровне лексического значения слова. Таким образом, формируется понимание системы частей речи и их способа функционирования в английском языке. Благодаря этому осуществляется логическая связь между лексикой и грамматикой. Рассмотрим это на примере глагола (см. *рис.2*).

Рис.2

3. Работа с грамматикой также осуществляется с использованием образа «ядра и оболочки». В «ядре» находится смысл высказывания. «Оболочкой» является та лексико-грамматическая форма, с помощью которой этот смысл передается.

На приведенных выше примерах мы показали, как работает авторская методика “COSHCO” на уровне преподавания фонетики, лексики и грамматики. Эффективность этой методики доказана опытным путем и подтверждена многочисленными положительными отзывами тех, кто заговорил, благодаря ей, на английском языке.

Жиганова А.В.

(Россия, Нижний Новгород)

Переключение кода в аспекте диахронии

Работа посвящена сравнительному анализу переключения кода в немецкоязычном рекламном дискурсе в диахронической перспективе. Выявлено, что современной рекламе происходит усиление роли переключения кода как средства трансляции символических ценностей.

Переключение языкового кода, представляющее собой переход с одного языка на другой в пределах одного высказывания, является неотъемлемой составляющей современных дискурсивных практик. Особенное распространение в условиях глобализации приобретает включение английских фрагментов в иноязычные рекламные обращения, в частности, переключение на английский язык широко представлено в немецком рекламном дискурсе. Однако, как показывает анализ фактического материала, примеры переключения кода также присутствуют в рекламных сообщениях, относящихся к более раннему периоду. Сравнение использования переключения кода в наши дни и в начале второй половины XX века позволит углубить представление о специфике рассматриваемого лингвистического феномена в условиях современной социолингвистической ситуации.

В немецкоязычных рекламных сообщениях, содержащих переключение кода, наблюдается преобладание английских включенных фрагментов над включениями из других европейских языков. Данная особенность соотносится с социально-экономическим и культурным контекстом второй половины XX и начала XXI веков. Экономическое сотрудничество Западной Германии с Великобританией, Францией и США во времена существования Берлинской стены способствовало распространению рекламы продукции этих стран. В настоящее время в контексте глобализационных трансформаций английский язык становится языком международного взаимодействия и активно проникает в современные коммуникативные практики во всем мире.

Ряд случаев употребления кодовых переключений является общим для рекламного дискурса в рассматриваемые периоды времени. Переключение кода маркирует название товара, компании, имплицитно указывая на страну-импортера продукции: *Safeway*

Supermarkt: Gute Kost für wenig Geld!!! (Bild 1965) / Axe setzt mit dem Peace Bodyspray und Duschgel auf eine charismatisch-maskuline Note für Männer. (Alverde Dezember 2013)

Кроме того, включение иноязычного фрагмента служит своего рода обозначением характеристик рекламируемого объекта, сферы товаров и услуг, к которым относится данная фирма: *HO Sanitas: Alles für Ihre Gesundheit. (Freiheit 1961) / Careers Changing the Face of Consulting. Haben wir Ihr Interesse geweckt? Weitere Informationen zu unseren Stellenangeboten finden Sie auf unserer Karrierewebsite. (Unicum № 03/2013)*

Переключение кода широко применяется в рекламном дискурсе как ценный ресурс для создания стилистических средств, например, комбинация разноязычных элементов образует игру слов: *Das deutsche Wirtschaftsmagazin. Mit Capital zu Kapital! (FAZ April 1970) / Shopvember. Direkt zum Angebot. (Unicum 11/2013).*

Однако с течением времени сфера функционального применения переключения кода расширилась. Во многом этот прием служит для передачи символических ценностей, выражаемых гостевым языком. Если раньше английские включения позволяли описать колорит и стиль рекламируемого объекта и отражали его отнесенность к англо-американской культуре, то теперь английский язык задействован в рекламе немецкой продукции: *Western Saloon: Der elegante night club im Western Stil. (Bild 1969) / Living: Premium Taschenfederkern-Luxus-Matratze. Living: Made in Germany. (Karstadt №5/2013)*

На современном этапе английский язык позволяет обратиться к интернациональной аудитории и представляет компанию как ориентированную на международный рынок.

Итак, в условиях глобализации наблюдается расширение тематической отнесенности фрагментов, содержащих англоязычные

включения, а также увеличение случаев употребления переключения кода в символических целях.

Zhuravleva E.V.
(Rusia, Moscú)

El juego de palabras en los textos literarios

Ultimamente las obras literarias de todo el mundo se caracterizan por la presencia del concepto del juego y el efecto lúdico cuasado por los más diversos recursos lingüísticos junto con la intertextualidad y la incorporación de lo poético en el texto mismo. En la actual sociedad de la información la lengua parece un organismo que vive su propia vida, depende de muchos factores y evoluciona permanentemente, su dinámica se nutre de la experiencia de los hablantes y de las condiciones y particularidades del contexto intelectual e ideológico, donde el concepto de la comicidad se convierte en un tipo de juego intelectual. Este fenómeno es propio tanto para la literatura de evasión como para la literatura del mensaje.

Para atraer la atención del lector los autores utilizan numerosos procedimientos y mecanismos de diferente tipo; como por ejemplo: la inversión, interferencia o trasposición, según la teoría bergsoniana de la risa. Estos mecanismos de inversión e interferencia, no son más que juegos de ingenio que conducen a múltiples variantes de juegos de palabras. Los procedimientos estilísticos llamados “juegos de palabras” poseen mucho valor expresivo. Antes que nada se usan para crear el efecto cómico. Los podemos dividir en juegos de plano fónico que se basan en primer lugar en la combinación especial de sonidos; los el plano gráfico que sólo se perciben visualmente; los del plano semántico donde se juega con diferentes significados de la palabra y los del plano sintáctico. Resumiendo

se puede decir, que el efecto humorístico en el juego de palabras se logra mediante claves léxicas complementarias como: la polisemia, la homonimia, la paronomasia, selección léxica por términos de un mismo campo o esfera semántica y la comicidad se intensifica mediante los siguientes recursos: amplificación, paralelismo sintáctico, antítesis, encadenamiento de metáforas. De tal manera en este choque o superposición de dos juicios contradictorios, en ese tránsito del falso o posible sentido al verdadero o literal, nace la distracción que ofrece el equívoco y una de las consecuencias de lo cómico. La presencia de ciertas palabras que juegan a la ambigüedad entre el doble sentido de la significación objetiva y la metafórica siempre ha sido una generosa fuente de la técnica del humor.

Veamos un ejemplo, donde observamos dos fenómenos retóricos que forman el juego de palabras – la diáfora y la dilogía, que poseen gran valor expresivo y se basan en el uso de palabras homónimas o de vocablos que pueden entenderse en varios sentidos.

*La carrera de Crisanto Maravillas (si puede este término pedestremente atlético calificar un quehacer signado ¿por el soplo de Dios?) fue meteórica. A los pocos meses, sus canciones eran conocidas en Lima y en unos años estaban en la memoria y corazón del Peru. No había cumplido los veinte cuando abeles y caines reconocían que era el compositor mas querido del país. Sus vales alegraban las fiestas de los ricos, se bailaban en los agapes de la clase media y eran el manjar de los pobres. Los conjuntos de la capital rivalizaban interpretando su música y no había hombre o mujer que al iniciarse en la difícil profesión del canto no eligiera **las maravillas de Maravillas** para su repertorio.(M.V.Llosa “La tía Julia y el escribidor”)*

En relación con la lingüística y en especial en relación con los medios expresivos del idioma se puede decir que la comicidad se basa en la

yuxtaposición o contraste conceptual. Si trasladamos esta oposición al nivel léxico-semántico y lo expresamos por nociones estilísticas tendremos el contraste entre la denotación y la connotación, entre dos denotaciones o entre dos connotaciones. La técnica del chiste aprovecha la palabra tomando en consideración su carácter polisémico, sus numerosas acepciones contextuales, sus posibilidades de homofonía que dan lugar al desplazamiento, simbolización, figuración y contrasentidos, lo que da lugar a la creación de todo tipo de juegos de palabras, a veces marcados por ironía o sarcasmo, lo que nos hace reír y forma efecto cómico a nivel del texto.

Закоян Л.М.
(Армения, Ереван)

Инаугурационный дискурс президентов США

Инаугурационный дискурс – компонент ораторского искусства, главной целью которого является убеждение и манипуляция общественным сознанием. Инаугурация (от лат. *inauguro* ‘посвящать’ > англ. *inauguration*) – это торжественная церемония вступления нового президента страны в должность. Инаугурация президента и вице-президента США по традиции проводится публично перед Капитолием в Вашингтоне. В соответствии с 1-й главой 2-ой статьи Конституции США новоизбранный президент приносит присягу и дает следующее торжественное обещание: *“I ... do solemnly swear that I will faithfully execute the office of President of the United States, and will to the best of my ability, preserve, protect, and defend the Constitution of the United States.”* Когда первый президент США Джордж Вашингтон вступил в должность президента, после принесения предусмотренного Конституцией текста присяги Вашингтон положил руку на Библию и сказал: *“So help me God”* – «Да

поможет мне Бог». С тех пор это стало традицией, и почти все президенты клялись на Библии и заканчивали клятву обращением к Богу, хотя Конституцией США это не требуется: “Your dreams, your hopes, your goals are going to be the dreams, the hopes, and the goals of this administration, so help me God.” – R. Reagan’s 1st Inaugural Address, January 20, 1981. Стоит отметить, что речи для своих инаугураций американские президенты редко готовили сами, кроме Линкольна и Рузвельта. Речь Линкольна отличалась великолепным стилем: “In your hands, my dissatisfied fellow-countrymen, and not in mine, is the momentous issue of civil war. We are not enemies, but friends. We must not be enemies.” Рузвельт положил начало традиции внесения шутки в торжественную речь: “There is no good reason why we should fear the future, but there is every reason why we should face it seriously...” – Th. Roosevelt’s Second Inaugural Address, March 4, 1905.

Среди обязательных устойчивых компонентов композиционного строения инаугурационной речи американских президентов выделяются: клятва президента (“*I do solemnly swear...*”); обращение к адресату сообщения (“*SENATOR Hatfield, Mr. Chief Justice, Mr. President, Vice President Bush, Vice President Mondale, Speaker O’Neill, and my fellow citizens...*” – R. Reagan”); положительный отзыв деятельности бывшего президента страны (“*FOR myself and for our Nation, I want to thank my predecessor for all he has done to heal our land*” – J. E. Carter); признательность сторонникам, отдавшим голос за избранного президента (“*There are no words adequate to express my thanks for the great honor that you have bestowed on me*” – R. Reagan); обращение к сторонникам других кандидатов (“*And to them I say, thank you for watching democracy’s big day.*” – G. Bush); установление цели развития страны (“*Such is the avowed purpose of a Government to fight its battles against his native country*” – J. Madison); описание

принципов внутренней и внешней политики страны (*"It will be our aim to pursue a firm and dignified foreign policy."* – J. Madison); твердость в реализации поставленных задач (*"We are firmly convinced, and we act on that Conviction"* – Th. Jefferson); обещание с достоинством исполнять обязанности (*"If we would promise we must put ourselves in a position to perform our promise."* – W. H. Taft); обращение к Богу (*"I ask the prayers of the nation to Almighty God in behalf of this consummation."* – U. Grant); убеждение в гигантском предназначении США (*"It secures to the United States a territory important in itself, and whose importance is much increased by its bearing on many of the highest interests of the Union."* – J. Monroe); кульминационное оптимистическое завершение речи (*"And may that Infinite Power which rules the destinies of the universe lead our councils to what is best, and give them a favorable issue for your peace and prosperity."* – Th. Jefferson). Ключевым моментом в инаугурационном дискурсе является напоминание о том, что значит быть гражданином своей страны: *"America today is a proud, free nation, decent and civil, a place we cannot help but love."* – G. Bush's Inaugural Address, January 20, 1989. Хотя инаугурационная речь является одним из главных идеологических средств политической коммуникации, тем не менее, личностное начало президента чувствуется довольно сильно: *"I would rejoice to acclaim the era of the Golden Rule and crown it with the autocracy of service."* – W. G. Harding's Inaugural Address, March 4, 1921. Как правило, в инаугурационной речи президенты также отмечают значение национального единства (*"We face the arduous days that lie before us in the warm courage of the national unity..."* – F. Roosevelt); исторического прошлого (*"The approbation implied by your suffrage is a great consolation to me for the past..."* – Th. Jefferson); важность

происходящего момента и новизну нынешних обстоятельств (*"This is the majesty and the meaning of this moment."* – L. Johnson).

В своей речи президент призывает публику к национальной гордости, патриотизму, высоким моральным чувствам с помощью взаимосвязанных концептов, укоренившихся в национальном сознании американцев. Анализ текстов инаугурационных выступлений американских президентов показывает, что самыми свойственными американскому обществу являются следующие концепты, которые отражают исторические аспекты США и социокультурные особенности американского общества: *America* 'Америка', *Americans* 'Американцы', *challenge* 'вызов', *Constitution* 'Конституция', *country* 'страна', *democracy* 'демократия', *duty* 'обязанность', *economy* 'экономика', *equality* 'равенство', *faith* 'вера', *freedom* 'свобода', *future* 'будущее', *God* 'Бог', *government* 'правительство', *greatness* 'величие', *independence* 'независимость', *leadership* 'лидерство', *liberty* 'свобода', *nation* 'нация', *patriotism* 'патриотизм', *peace* 'мир', *responsibility* 'ответственность', *rights* 'права', *success* 'успех', *unity* 'единство', *we* 'мы'. Политики чаще всего обращаются к данным концептам в целях создания образа президента как символа единства народа и власти. Стоит отметить, что концепт *we* 'мы' является самым распространенным концептом и часто выражается посредством следующих слов-компонентов: *us* 'нас': *"Guided by the ancient vision of a promised land, let us set our sights upon a land of new promise."* – W. J. Clinton; *our nation* 'наша нация': *"The influence and high purposes of our Nation are respected among the peoples of the world."* – H. Hoover; *our country* 'наша страна': *"No suspicion or fear can be rightly directed toward our country"* – H. Hoover; *our America* 'наша Америка': *"But the journey of our America must go on."* – W. J. Clinton. Данные примеры показывают, что

концепт *we* 'мы' символизирует единство президента и американской нации. Данное явление ярко отражается в частотности употребления концепта *we* 'мы' и слов компонентов.

Таким образом, анализ социокультурных особенностей инаугурационного дискурса позволяет сделать вывод, что инаугурационный дискурс является совокупностью взаимосвязанных концептов, отражающих идеологические установки и политические принципы новоизбранного президента.

Зверева Е.В.
(Россия, Москва)

Влияние информационных технологий на эволюцию форм вежливости в испанском языке (на примере комплиментов)

Информационные технологии и связанная с ними лексика всё шире внедряются в нашу жизнь. Не обошли они вниманием и такую коммуникативную ситуацию речевого этикета как комплимент-пиропо. В последнее время появился целый пласт комплиментов, широко использующих узкую компьютерную терминологию.

«Компьютерные» комплименты нередко нуждаются в расшифровке для человека, незнакомого с этой областью знаний. В них используются преимущественно английские термины, такие как kernel (сообщение о критической ошибке, без которой операционная система не может продолжать работать), linux (операционная система), socket, firefox, CPU, html, RAM, Pendrive, overclocking, CSS, IRQ, MACOSC, RSS, MSX, SWAP, W3C, caché, gif и т.д. Используются и испанские неологизмы от английских терминов – *lincador* от *link* (устройство, связывающее модули и процессы) От глагола *render* (техника создания картинки или видео) появился глагол

renderizar с аналогичным значением. Используются и компьютерные команды такие, например, как enter и Alt-F4.

Одной из факультативных черт пиропо является иносказательность, поэтому в них автор концентрирует внимание не на самом объекте похвалы, а на: 1) явлениях и предметах, имеющих отношение к адресанту: tienes más estilo que W3C y más caché que Google; 2) зависти, которую испытывают предметы: Mi MacOSC tiene envidia de tu belleza; Ninguna gráfica podría renderizar a 100% tu perfecta figura; 3) на самом авторе пиропо- а) кем бы автор хотел быть: quisiera ser teclado para que me tocaras; ojalá fuera blog para que me visitaras; quisiera ser un Pendrive para tu USB; б) состояние, в которое адресат ввергает автора: cuando te veo, mi ciclo de CPU se acelera; в) готовность адресанта на какие-либо действия: si me dejas hago Alt-F4 a mi vida; в) во что бы превратилась жизнь автора без адресата Sin tí mi vida sería como una WEB sin CSS; г) автор отождествляет себя с операционной системой – sin tí mi sistema operativo entra en hibernación; contigo mi ordenador no necesita tirar de SWAP; 4) концентрация внимания совместно на адресате и адресанте: juntos somos como un procesador de doble nucleo; nuestros corazones sincronizan por Wifi; 5) предложения и просьбы: dime cómo te llamas y te agrego a favoritos; si quires tendrás la máxima prioridad en la lista de procesos; 6) отождествление адресата с каким-либо сайтом: tu corazón.com esta en mi página de inicio.

Второй разновидностью являются прямые пиропо, где похвала адресуется непосредственно объекту, прямо описывая его достоинства. Эти пиропо можно классифицировать по стержневому глаголу, являющемуся его основой: 1) глагол ser: eres el kernel de mi linux; eres 1024 kb para mi megabyte; eres el socket de mi CPU, eres el cargador de mi IPOD, eres el compilador de mi código;, eres el enter de mi vida, eres – gif. que anima mi vida; en la cama serás puro overclocking;

eres el contraseña de mi correo, el servidor de mi red, el lincador de mis objetos; 2) глагол estar: siempre estás en C:/Mi.Corazon. 3) глагол tener – tienes permiso de un root.

Отдельно можно выделить прямые пиропо, включающие наименования частей тела – tu voz es más sexy que los sonidos de 8-bits; tus ojos brillan más que mi torre de cd; tus palabras tienen el IRQ mas bajo para mí.

Безусловно, данная классификация остаётся открытой и может быть дополнена по мере изучения речевого материала и различных источников, в частности, компьютерных блогов.

Иванова Ю.В.
(Россия, Смоленск)

Психолингвистический подход к изучению невербальных средств коммуникации

Паралингвистика представляет собой молодую научную дисциплину, находящуюся в процессе становления, испытывающую на себе влияние самых разнообразных отраслей знаний. В связи с этим можно наблюдать разные подходы к изучению жеста как к ключевому объекту паралингвистики. Среди наиболее влиятельных и устоявшихся можно выделить психолингвистический.

Значительное влияние на развитие в нашей стране психолингвистического подхода к изучению жеста сыграло исследование Б.Ф.Поршнева «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)». Особо хотелось бы отметить исследование Г.В.Колшанского «Паралингвистика», которое сыграло важную роль в становлении паралингвистики как науки в нашей стране, а последующие работы учёного способствовали её развитию.

В них речь идёт о необходимости изучения взаимодействия языковых и паралингвистических средств, которое полнее раскрывает функции языковых форм, в частности их многозначность, дистрибуцию в разряде других форм, стилистические оттенки.

Наименее разработанная часть паралингвистики, связанной с невербальными средствами выражения, – это отражение жестового поведения в тексте, а именно в художественном тексте. Это, безусловно, связано с возникающими перед исследователем проблемами, которые требуют комплексного подхода, использования современных достижений самых разных научных дисциплин.

Поэтому в нашей статье предметом рассмотрения является отражение способов жестовой коммуникации в художественном тексте. В качестве материала для анализа взят роман современной французской писательницы Анны Гавальда “Ensemble, c’est tout”.

Так в процессе рассмотрения паралингвизмов в художественном тексте, можно говорить о том, что некоторым глаголам движения свойственно приобретать функцию паралингвистического знака. При этом они могут сопровождаться детализированным описанием совершения этого движения (например, уточнение способно характеризовать способ произведения действия и тем самым вносит в него эмфатический элемент, преобразуя простой кинетический акт в жест) и употребляться изолированно.

Например:

“– Hé! lui cria-t-il alors qu’elle était déjà dans le couloir, si vous avez la tête qui tourne, c’est parce que vous mangez pas assez justement !

Elle soupira. Diplomatie, diplomatie ... Vu comme il avait l’air fin, ce mec-là, il valait mieux ne pas rater la première scène. Elle revint donc dans la cuisine et s’assit au bout de la table.

– Vous avez raison.” (A. Gavalda, 2011: 141)

«– Эй! крикнул он, когда она была уже в коридоре. Если у вас кружится голова, так это потому что вы едите совсем недостаточно ! Она вздыхнула. Дипломатичность, дипломатичность ... Так как у этого парня был столь учтивый вид, не стоило портить первую сцену знакомства. И тогда она вернулась обратно на кухню и села у края стола

– Вы правы». (здесь и далее перевод наш)

Следует отметить тот факт, что Гавальда не даёт больше никакого описания эмоционально-психологического состояния героини, только это отражённое невербальное явление, апеллируя к нашему паралингвистическому опыту. Минимум слов, вся информация передаётся при помощи жестов и мимики. Таким образом, вербальный контекст уходит на второй план, невербальная сторона, наоборот, приобретает более выпуклую форму.

Если же мы посмотрим на это вербальное отражение жеста с другой стороны, с позиции минимизации речевого усилия, то станем свидетелями естественного процесса общения. Между близко знакомыми людьми складываются такие отношения, когда они понимают друг друга с полуслова, с полужеста. Отпадает необходимость в дублировании.

Так, например:

“ – Oh, vous savez, avec la tempête ... Il suffit de se baisser aujourd’hui ...

– Hélas, je ne le sais que trop bien ... Vous verriez les sous-bois chez mes parents ... Un vrai désastre ... Mais là, c’est quoi? C’est du chêne, non?

– Bravo!

Ilssesourirent.

– Un verre de vin, ça ira?

– C’est parfait. (A. Gavalda, 2011: 79)

« – Ну с таким ураганом, вы же знаете ... Сегодня достаточно будет наклониться ...

– Увы, я в этом особо не разбираюсь ... Видели бы вы подлесок во владениях моих родителей ... Настоящая катастрофа ... Но это, это что? Дуб, если не ошибаюсь?

– Bravo!

Они улыбнулись друг другу.

– Бокал вина?

– Будет великолепно».

Уже не нужно говорить: «Да! Абсолютно с Вами согласен!» и выражать каким-либо иным способом своё эмоциональное состояние радости от встречи человека, который так похож на тебя, что читает твои мысли и переживания между строк.

Как видно из приведённого выше примера, грамматический анализ словесного выражения кинетического акта должен быть дополнен его стилистическим анализом. Так мы сможем получить наиболее полную и объективную информацию не только о самой вербальной форме паралингвизма и его семантике, но и об авторском видении протекания невербального процесса, о том, как писатель выстраивает невербальный контекст определённой ситуации.

Разработка проблематики отражения невербальных компонентов в художественной речи может привести к получению новых данных, интересных как в плане паралингвистики, так и в плане стилистики художественной речи. В результате анализа способов вербального отражения паралингвистических единиц в художественном тексте можно получить интересные данные не только о лексических способах передачи жеста, но и даёт возможность проанализировать тропеические средства, которые использует тот или иной автор при вербальном отражении

коммуникативного процесса. Это в свою очередь позволит сделать ряд выводов об индивидуальном авторском стиле.

Игнашина З.Н.
(Россия, Москва)

Особенности функционирования англицизмов в кубинском национальном варианте испанского языка

В современном языкознании языковые контакты признаются одним из важнейших факторов исторического развития языка. Существует отдельная лингвистическая парадигма, называемая «контактной лингвистикой», «лингвистикой языковых контактов», или «лингвистической контактологией», изучающая процессы и результаты контактирования языков в конкретном геополитическом пространстве при определенных исторических и социальных условиях общения народов, этнических групп, этнических общностей, отдельных человеческих коллективов, говорящих на разных языках.

В лингвистической науке в понятие языковых контактов включается как внутриязыковое взаимодействие – взаимодействие диалектов, наречий, социолектов внутри одного языка, так и взаимодействие различных языков, близкородственных и различных по структуре.

После колонизации Кубы в XVI веке заселившие ее носители испанского языка вступали во взаимодействие с представителями различных культур и языков, что оказало ключевое влияние на формирование кубинского национального варианта испанского языка. Интенсивность взаимодействия определялась различными социально-экономическими факторами: первичные этапы колонизации характеризуются контактами с носителями индейских языков различных групп, вынужденных вступить в тесное взаимодействие с

испанцами. Экономическое развитие колонии требовало применения бесплатной рабочей силы, коей стали бесчисленные рабы африканского происхождения, носители языков банту, йоруба и других языков Западной Африки. Эти языки оказали наибольшее влияние на кубинский национальный вариант испанского языка.

Влияние английского языка на кубинский национальный вариант не столь велико по сравнению с вышеупомянутыми языками и проявляется, в основном, в области лексики. Английские заимствования появляются в кубинском национальном варианте испанского языка начиная со второй половины 19 века. Наибольшее их количество относится к 1898 – 1959 годам, эпохе до Революции. Это обусловлено активным вмешательством Соединенных Штатов Америки в политическую, социальную и экономическую жизнь Кубы.

Выделяют следующие социально-экономические факторы, оказавшие влияние на интенсивность заимствования из английского языка в кубинском варианте испанского языка:

1. экономическая экспансия на Кубу американских корпораций;
2. большое количество американских граждан, проживающих на Кубе в ту эпоху;
3. публикация рекламы частично на английском языке, внедрение товаров американского происхождения;
4. тенденция высших классов перенимать американский образ жизни, престижность английского языка.

В настоящее время распространение современных технологий, приток англоговорящих туристов на Кубу, а также активная эмиграция кубинцев в Соединенные Штаты Америки все больше способствует проникновению англицизмов в кубинский национальный вариант испанского языка.

В данной статье нами будут рассмотрены основные группы англицизмов в кубинском национальном варианте испанского языка и особенности их функционирования в речи.

Среди англицизмов, встречающихся в кубинской речи, можно выделить следующие лексико-семантические поля:

- «Предметы одежды»: blúmer [панталоны], pantalí [панталоны], síper [молния для одежды], pyamas [пижама] и т.д.
- «Спорт»: repartir [распределить в спортивный клуб], spike [бутсы], и т.д.
- «Техника, транспорт»: elevador [лифт], cloche [сцепление автомобиля], pick-up [грузовик пикап], tanque [бак], tanquero [цистерна] и т.д.
- «Предметы ежедневного обихода, дом»: clóset [стенной шкаф], folder [панка-скоросшиватель], pantry [кладовая] и т.д.
- «Пища, напитки, прием пищи»: cake [торт], bul, straight [алкоголь без примесей], sándwich [сэндвич, бутерброд], lunch [дневной прием пищи] и т.д.
- «Политика, социальная жизнь»: receso [перерыв в работе государственных организаций], record [занесение персональных данных в регистр], shopping [торговый центр] и т.д.
- «Эмотивная лексика, характеристика»: todaful [быстро], blof [обман] и т.д.
- Калькированные выражения и сочетания: pluma fuente [авторучка], estación de policía [полицейский участок] и т.д.

Частотность употребления указанных англицизмов различна в зависимости от наличия или отсутствия испанского эквивалента с тем же значением и, как следствие, в зависимости от принадлежности к конкретному лексико-семантическому полю.

В зависимости от степени ассимиляции в кубинском варианте испанского языка можно выделить следующие группы англицизмов:

1. Англицизмы, сохранившие первоначальное произношение и значение, к примеру: *clóset* [стенной шкаф], *elevador* [лифт], *folder* [панка-скоросшиватель]
2. Англицизмы, претерпевшие изменения в орфографии и произношении слов: *básquetbol* [баскетбол], *cloche* [сцепление автомобиля], *chucho*, *queik* (вариант написания слова *cake*[торт])
3. Англицизмы, заимствованные в кубинский вариант испанского языка в значении, отличном от оригинального: *Allaround* (в кубинском варианте испанского языка – человек, способный работать в различных сферах, выполняющий разные мелкие поручения), *lunch* (в кубинском варианте испанского языка – легкий перекус между приемами пищи), *shopping* (в кубинском варианте испанского языка – валютный магазин)

Следует отметить, ассимилированные англицизмы достаточно продуктивны, от данных слов на основе стандартных деривационных моделей образуются новые, что мы можем наблюдать в данных примерах, где на основе существительных были образованы глаголы, а также существительные со значением «деятель»:

buldózer-buldozear-buldozero [бульдозер – работать на бульдозере – лицо, выполняющее работу на бульдозере]

bisne-bisnear-bisnero [частное предпринимательство, частное предприятие – заниматься частным предпринимательством – лицо, занимающееся частным предпринимательством]

Интересным является тот факт, что нередко англицизмы в сочетании с исконной лексикой входят в состав фразеологизмов. В первую очередь это характерно для слов, относящихся к области

спорта. Приведем пример фразеологизмов в состав которых входит слово *base* [база в бейсболе]

Jugarse en todas las bases – в кубинском варианте испанского языка быть способным выполнять задачи различного характера

Poner fuera de base – исключать из какого-либо вида деятельности

Estar quieto en base – поддерживать ровные отношения с кем-либо после высказанного упрека в свой адрес, не проявить реакции на упрек

Как мы видим, первоначальное значение англицизма метафорически переосмысливается, слово становится многозначным. Как известно, метафора является одним из способов создания языковой картины мира.

Для кубинского варианта, спортивная сфера является одной из основных сфер-источников концептуальной метафоры. Таким образом, англицизмы, составляющие значительную часть лексико-семантического поля «спорт, спортивная жизнь» играют важную в создании концептуальной метафоры «жизнь как спорт».

Ильина А.Ю., Томашевич С.Б.
(Россия, Москва)

Роль топонимов в формировании языковой картины мира канадцев

По справедливому замечанию Е.Ф. Ковлакас, «в последние десятилетия XX в. внимание ученых было привлечено к культурно-историческому аспекту имен собственных, в частности топонимов. Топонимы рассматриваются как некий этнокультурный текст, несущий релевантную информацию об историческом прошлом

народов, о границах их расселения, о культурных, торговых и географических центрах и т.п.» (Ковлакас Е.Ф.).

Проблема формирования и реконструкции особой — топонимической — картины мира представляет несомненный научный интерес для современного языкознания, так как топонимическое картирование окружающего мира является собой один из системообразующих способов вербализации действительности, отражает взаимодействие историко-социальных, языковых и этнокультурных аспектов развития народов.

Языковая картина мира — бесценная база лингвистических данных, исследуя которые можно делать заключения об особенностях национального мировидения. «Язык не только отражает действительность, природные условия, культуру, историю, быт, но и раскрывает специфику видения картины мира, которое присуще носителям данного языка и данной культуры» (Фирсова Н.М.).

Канадская топонимия содержит разнообразный материал как для традиционных топонимических исследований, так и для исследований новых, к которым относится реконструкция и интерпретация языковой картины мира, т.е. закреплённых в языковых знаках особенностях мировосприятия социума.

Современный топонимический корпус англоязычной Канады сложился под влиянием объективных факторов природно-географической среды, социокультурного развития и уникальности контактов языков и культур автохтонного населения и европейских колонистов.

Топонимическая лексика позволяет проследить изменения в мировосприятии социума, начиная от первых шагов в освоении европейцами североамериканских территорий в XV в. до окончательного установления власти британской монархии в XVIII в.

Таким образом, топонимическое картирование окружающего мира отражает исторические, лингвистические и этнокультурные аспекты развития общества.

Топонимы закрепляют в своей основе некую культурную информацию, доступную для осмысления на уровне взаимодействия языка и культуры. Изучение топонимической системы англоязычной Канады в ракурсе реконструкции и интерпретации национальной языковой картины мира канадцев может служить средством преодоления межкультурных барьеров и основой изучения особенностей истории и культуры Канады и англоязычных стран в целом.

Исследование топонимических номинаций англоязычной Канады позволило выявить национальные особенности языковой картины мира канадцев, заключающиеся в преобладании на ранних этапах освоения новых территорий в XVII – XVIII вв. следующих групп топонимической лексики:

- 1) описывающие ландшафт;
- 2) описывающие флору и фауну;
- 3) адаптированные английским и французским языками автохтонные названия;
- 4) содержащие имена Святых и названия религиозных праздников;
- 5) английские, шотландские, ирландские переносы;

При более позднем освоении заокеанских земель в XVIII-XIX вв. на первый план выходят персонализированные географические имена – антропотопонимы, данные:

- 1) в честь королевских особ;
- 2) первых поселенцев;
- 3) канадских и британских выдающихся личностей;

Для переселенцев с Британских островов, население которых преобладает в пяти англоязычных провинциях, такими нравственно-ценностными идеалами являются монархия в лице правящей королевы и родина, представленная английскими, шотландскими, ирландскими переносами ойконимов с Британских островов.

Ильина Н.Ю., Борисова А.А.
(Россия, Москва)

Нигерийский пиджин-инглиш

Проблема языка в Нигерии, одной из крупнейших стран мира и крупнейшей по численности населения стране Африки, вызывает огромные дискуссии. Официальным языком, согласно Конституции, является английский язык – язык бывшей метрополии, на котором говорит 20-30 % населения страны. Следует отметить, что этнический состав Нигерии отличается чрезвычайной сложностью: в стране проживают более 250 этнических групп, представители которых говорят на более чем 520 языках. 70% населения страны приходится на три народа: хауса, йоруба, игбо, которые пользуются, соответственно, тремя крупнейшими языками Нигерии: на хауса говорят 20% населения, на йоруба -25% , на игбо – 20 %; остальные 35 % говорят на мелких языках.

Лингвистическая реальность в стране такова, что большая часть населения, которая пользуется языками меньшинства, изучает, как правило, помимо английского, один из языков большинства (хауса, йоруба, игбо). В первую очередь они изучают тот язык, который доминирует в месте проживания или работы. Для большинства населения, кто говорит на любом (или на всех) из главных языков в стране, необходимо изучать английский, или еще один язык, а также

нигерийский пиджин-инглиш (НПИ). Таким образом, подавляющее большинство нигерийцев – билингвы, и для многих из них НПИ является устойчивым средством межэтнического общения, который преодолевает различные этнические и региональные границы.

НПИ становится все более популярным в Нигерии. Он претерпел и продолжает претерпевать множество изменений за много лет, обогатив свой лексикон заимствованиями из автохтонных языков Нигерии, а также из европейских языков, в первую очередь английского. НПИ способствует межэтническому общению и взаимодействию между нигерийцами, а также между нигерийцами и иностранцами. НПИ является самым широко распространенным языком среди нигерийцев и различных этнических групп как в официальной, так и неофициальной сфере.

Как любой пиджин, НПИ, не являющийся родным ни для одной этнической группы, является неофициальным языком, и, как отмечает нигерийский лингвист Т.А. Балогун, «маргинальным» языком, который используется в коммуникации между людьми, не говорящими на языке друг друга. Еще одной важной чертой пиджина является редукция его грамматической структуры и вокабуляра. Многие нигерийские исследователи отмечают, что фонологическая, морфологическая и грамматическая структуры НПИ существенно ограничены по сравнению с любым другим стандартизированным языком.

О происхождении термина «пиджин» существует много споров. Пиджин (особенно в Западной Африке) появился в результате контактов между китайскими и европейскими торговцами, и слово, возможно, возникло в результате неправильного произношения китайцами слова «business». Есть версия, что термин «пиджин» происходит от португальского “ocupação”, что означает “occupation”.

Есть другая версия, что термин «пиджин» происходит из “pidjom” на иврите, что означает “barter”. Пиджины появляются, как известно, в результате торговых и деловых контактов, миграции населения.

Как отмечают нигерийские лингвисты, НПИ является маркером идентичности и солидарности. Это межэтнический код, доступный нигерийцам, у которых нет другого общего языка. В последнее время правительство страны стало осознавать важнейшую роль, которую НПИ играет в объединении населения. Реклама, афиши, плакаты, правительственные призывы создаются на этом языке. На НПИ выходят радиoproграммы, существует телеканал. НПИ является языком, которым пользуются студенты и преподаватели университетов.

Пример: Femi, o boy which lecture we get now

Na ENG 309

One no kuku sabi whether di man go come

В английском переводе: Tunde: Are we having lectures now?

Femi: Yes, we are having ENG 309.

Tunde: Are you sure the lecturer will be coming?

Femi: No, I am not sure.

Каждая из 250 этнических групп в стране может общаться на пиджине, при этом обогащая пиджин лексикой из автохтонных языков. В первую очередь, нигерийский пиджин обогащается за счет лексики из крупнейших языков Нигерии – игбо и йоруба. Так, игбо употребляют “Nna” в начале некоторых предложений для усиления значения. Например: “that test was hard” становится на пиджине “Nna men, dat test hard no be small”. У йоруба обнаружены слова “Se” и “Abi” в их варианте нигерийского пиджина, которые употребляются, как правило, в начале или конце предложения или вопроса. Например:

“You are coming, right?” на пиджине у йоруба звучит как “Se you dey come?” или You dey come abi?”

В НПИ наблюдаются заимствования как из автохтонных языков Нигерии, так и из европейских языков:

заимствования из языка Хауса

wayo, zuya, yamutu, rafuka –

заимствования из йоруба

ole – (thief)

kobokobo – (stranger)

aje – (witch)

заимствования из португальского

sabi – (know)

pickin – (child)

dash – (to give to a person)

palava – (problem)

заимствования из французского

boku – (plenty)

НПИ получил широкое распространение благодаря своей упрощенности, и в настоящее время нигерийские лингвисты отмечают, что НПИ начинает подвергаться креолизации, то есть он начинает обслуживать все основные коммуникативные потребности общества, включая сферу семейного бытового общения.

Кожемякина В.А.

(Россия, Москва)

Функционирование языков в системе образования Гваделупы

Гваделупа, являющаяся частью Антильских островов, получила в 2003г. статус заморского департамента и региона

Франции. Она расположена на архипелаге в 1 780 км², состоящем из восьми островов, основными из которых являются Гранд Тер и Бас Тер.

Официально на территории Гваделупы жители не подразделяются на белокожих, чернокожих и мулатов, т.к. это противоречит Конституции Франции, но проведенные исследования подтвердили, что Гваделупу населяют люди разного цвета кожи. Основное население (65%) составляют мулаты, затем следуют чернокожие жители (28%), 4 % населения составляют индийцы азиатского происхождения и 3 % составляет белое население. Отсутствует официальная статистика о языках, функционирующих на Гваделупе, но согласно оценкам сайта «Ethnologue: Languages of the World» родные языки населения страны можно распределить следующим образом (общее количество населения – 448 400 чел. в 2008 г.): родной язык гваделупских креолов (420 000 чел.) – гваделупский креольский язык, гаитян (12 000 чел.) – гаитянский креольский язык, белокожих французов (8 800 чел.) – французский язык, индийцев (4 400 чел.) – тамильский язык. У сирийских арабов (700 чел.) родной язык – арабский, у выходцев из Доминиканской Республики (500 чел.) – испанский язык; представители других национальностей (2 000 чел) имеют разные родные языки. Из этих данных следует, что подавляющее большинство жителей Гваделупы говорят на гваделупском креольском языке как родном и владеют французским, официальным языком Франции, как вторым.

Система образования на Гваделупе строится полностью по модели системы образования метрополии. До недавнего времени обучение, как в начальной, так и в средней школе, проходило исключительно на французском языке, по французским учебникам и учебным программам. Но поскольку почти для всех учащихся

французский язык был вторым языком и разрыв между реальностью, окружающей учеников вне школы и тем, что они изучали в школе, заставляло их чувствовать себя «иностранцами» в своей собственной стране. Мало того, что обучение проходило не на их родном креольском языке, но, живя в тропиках, они изучали европейскую флору и фауну, и историю Франции вместо истории Гваделупы.

На Гваделупе, как и в других французских заморских департаментах, первые изменения в образовательной системе начались во второй половине XX века. В 1951г. во Франции был принят закон о развитии заморских владений, в котором говорится что, «используемые региональные языки являются частью языкового достояния нации» и впервые разрешалось преподавание местных языков и диалектов. Сначала отдельные школьные преподаватели стали вводить факультативные занятия по изучению креольского языка, особенно его письменной формы. Ситуация стала меняться в конце XX-XXI вв., решениями министерства образования Франции были адаптированы программы истории и географии для учащихся заморских департаментов, также была разрешена образовательная и культурная деятельность по изучению местных языков и региональных культур. При этом подчеркивалось, что эта деятельность является факультативной и не может ни заменять программы обучения и образования, определенные государством, ни наносить им ущерб. Но одними постановлениями очень трудно сразу изменить отношение к креольскому языку, так как он был слишком долго запрещен в системе образования. В настоящее время обучение креольскому языку охватывает не более 5% всего количества учащихся. Кроме того, изучение креольского языка проходит по образцу преподавания живого иностранного языка, что вынуждает его конкурировать с английским языком, который родители чаще

выбирают в силу его большей престижности и больших возможностей для получения высшего образования. Поэтому профсоюз школьных учителей Гваделупы просит метрополию о введении обучения креольскому языку, начиная с детского сада до выпускного класса средней школы, но французское правительство игнорирует эти просьбы.

Сами учащиеся также не видят необходимости обязательного изучения своего родного языка. В начале XXI в. был проведен опрос учеников лицеев, во время которого 77,5% лицеистов высказали пожелания о преподавании креольской культуры и только 54,18% учеников хотели бы изучать креольский язык. 16% учащихся сочли бесполезным изучение родного креола, так как они и так его знают и на нем говорят, но его знание не обеспечивает им успешное будущее. В сложившейся ситуации только образовательные учреждения и средства массовой информации могут изменить негативное отношение к гваделупскому креольскому языку и спасти его от медленного, но неизбежного уничтожения. Именно в учебных заведениях, где формируются следующие поколения общества, французский и креольский языки могут найти оптимальное разделение коммуникативных функций. Это подтверждается также тем фактом, что все усилия, направленные на предоставление достойной роли в обществе родному языку большинства населения Гваделупы, способствовали разработке норм письменной формы гваделупского креола и его стандартизации.

Комлач Д.С.
(Россия, Москва)

Употребление фразеологических единиц в произведениях Оноре де Бальзака «Отец Горио» и Анны Гавальда «Просто вместе»

Фразеологические единицы, как известно, не только наиболее ярко отражают национальную специфику языка, его особенности в определенную эпоху, но и придают более экспрессивную, эмоциональную окраску любому тексту, в первую очередь, художественному.

Нас, в частности, заинтересовала проблема сопоставления особенностей фразеологизмов в художественных произведениях французских авторов разных эпох.

Для анализа нами были выбраны произведения Оноре де Бальзака «Отец Горио» и Анны Гавальда «Просто вместе».

Отбор фразеологизмов производился методом сплошной выборки с учетом классификаций предложенных В.В.Виноградовым и А.Г.Назаряном.

Под фразеологической единицей, следуя определению, данному в словаре О.С.Ахмановой, мы понимаем словосочетание, в котором семантическая монолитность (цельность номинации) довлеет над структурной раздельностью составляющих его элементов (выделение признаков предмета подчинено его целостному обозначению), вследствие чего оно функционирует в составе предложения как эквивалент отдельного слова.

В указанных произведениях были обнаружены фразеологические единицы всех типов: фразеологические сращения (*tant bien que mal* – еле-еле, Гавальда; *un souffre-douleur* – козел отпущения, Бальзак); фразеологические единства (*porter beau* – сохранить лицо, *tomber en*

ruine – прийти в упадок, Гавальда; *dormir comme une marmotte* – спать как сурок, сладко спать, *fraîche comme une rose* – свежая как роза, *sain comme ton œil* – свежий как огурчик, Бальзак); фразеологические сочетания (*faire une raison* – примириться с кем-либо, *faire la sieste* – отдыхать, Гавальда; *faire horreur* – вызывать ужас, Бальзак); непредикативные одновершинные фразеологизмы (*il s'agit de* – речь идет о, *à peine* – едва, *en effet* – в самом деле, Гавальда; *au fond* – в сущности, Бальзак); фраземы (*la mauvaise foi* – неискренность Гавальда; *tête de fer* – упрямец, *une belle fortune* – крупное состояние, *un pauvre bonne* – бедняжка, Бальзак); частично предикативные фразеологизмы (*la pièce qui donne sur l'entrée* – та комната, что смотрит на входную дверь, Гавальда; *un pauvre enfant qui désire se coudre à votre jure* – жалкий ребенок, который мечтает приютиться под вашим крылышком, Бальзак); предикативные фразеологизмы (*elle eut du mal à se reveler et à récupérer ses affaires* – она с трудом поднялась и собрала свои вещи, Гавальда; *il ne faut pas coudre deux idées pour voir clair là-dedans* – не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы это понять, Бальзак).

В результате анализа 236 фразеологических единиц, выбранных нами в произведении Оноре де Бальзака, можно сделать вывод, что в нем наиболее часто встречаются фраземы. Употребляются они по большей части в описаниях или размышлениях персонажей.

В произведении Анны Гавальда чаще встречаются одновершинные фразеологизмы, что было выявлено после анализа 215 фразеологизмов, найденных в произведении «Просто вместе». Одновершинные фразеологизмы не так тяжеловесны, как фраземы, как частично-предикативные и предикативные фразеологизмы, которые в свою очередь являются более емкими по семантике и экспрессивности.

В целом можно сказать, что в произведении О. де Бальзака фразеологизмы используются в основном для описания, в то время как в романе А. Гавальда, автор использует их преимущественно в диалогах.

Корман Е.А.

(Россия, Ростов-на-Дону)

**К вопросу о восприятии анималистического образа «коза/козёл»
сквозь призму метафорической картины мира (на материале
испанского, английского и русского языков)**

Исследование национального характера вызывает значительный интерес у многих отечественных и зарубежных лингвистов. Достаточно большое внимание уделяется и анализу метафорической картины мира, во многом предопределяющей взаимоотношения людей в социуме и принципы коммуникации с представителями других народов. Для максимально полной реализации своих прагматических интенций адресант должен не только иметь надлежащую лингвистическую подготовку, обладать соответствующими коммуникативными компетенциями, но и демонстрировать обширные знания об ассоциативных связях, этнокультурных символах, положительных или отрицательных коннотациях лексем. В каждой метафорической картине мира активную роль играют образы животных. Зооморфизмы обладают высоким прагматическим потенциалом и в максимально экспрессивной манере отражают явления объективной реальности; дают оценку внешнему виду человека, его моральным качествам, интеллектуальным способностям, привычкам и поведению;

характеризуют физическое и эмоциональное состояние, социальный и профессиональный статус.

В ряде случаев различные народы приписывают животным тождественные качества, что можно объяснить объективным наблюдением за повадками зверей, общим религиозным, культурным и литературным наследием, частыми контактами и др. Однако гораздо чаще встречается полное, либо частичное несовпадение анималистических символов. В качестве примера рассмотрим образы «козы» и «козла». В испанском и русском языках можно выделить пары «самка» – «самец», которые имеют различное смысловое и оценочное наполнение. В английском языке отсутствует подобное разделение по гендерному признаку.

В испанском языке существуют две лексемы: *chiva* – самка козы, которая еще не достигла половой зрелости; *cabra* – взрослая коза. Лексемы мужского рода «*cabrón*» и «*chivo*» также различаются по возрастному признаку. Однако в современном языке «*cabrón*» используется в качестве оскорбления со значениями «рогоносец», «подонок». По этой причине, для обозначения самца, предпочитают использовать выражение *macho cabrío*.

Анализ фактического материала показывает, что носители испанского языка приписывают козам как отрицательные, так и положительные качества: – ловкость, проворность: *andar como las cabras por la sierra; como cabras en el monte; saltar como una cabra*; иногда – переходящие в неугомонность: *más saltarán que una cabra, parecer una cabra coja; cabra montés*; – высокомерие, своеволие, склонность к капризам: *a ése le guarda el rey de las cabras; hacer cabras a uno; la cabra siempre tira al monte*; – пьянство: *borracho como una cabra*; – безумие, сумасшествие: *más chiflado / loco que una cabra*; – прожорливость: *salvar la cabra y la berza; echarle las cabras a uno*.

Образ козла (*chivo*), в основном, негативен. Козел бесполезен и обладает злобным характером: *comer chivo; amarrar el chivo; descubrir el chivo; ponerse de chivo; haber chivo en una cosa; hacer de chivo los tamales*. Козел эгоистичен и привык жить за чужой счет, способен притворяться глупым, совершать нечто противоправное: *ganarse un chivo; hacerse el chivo*. Некоторые выражения связаны с внешним видом козла и специфическим запахом: *barbas de chivo; oler a chivo*.

В английской фразеологии не так много выражений с компонентом «коза/козел» (*goat*). Метафорическое переосмысление получает образ «козла» как похотливого мужчины, как правило, старого и непривлекательного. Вероятно, «похотливость» козла можно связать и с античной традицией, с богами греческого и римского пантеона – Паном, Дионисом, Фавном, Сатиром. Среди качеств данного животного выделяют: – гневный, злобный характер: *get someone's goat; run like a hairy goat*; – склонность к капризам: *to play / act the (giddy) goat*.

В славянской культурной традиции образ козы имеет древнее языческое значение. Коза – символ плодородия, достатка. Является активным персонажем ритуала колядования и главной героиней детских сказок. В фольклоре образ козы также ассоциируется с образом заботливой матери. Напротив, козел часто выступает как эвфемистическое обозначение дьявола. Зооморфизм «коза» также имеет коннотацию «резвая, бойкая девочка, девушка», используется в шуточных, либо ироничных высказываниях: *коза необученная; пора козу на торг вести*. При характеристике индивида данная лексема обозначает следующие качества: 1) непоседливость, торопливость, глупость: *брянская коза; коза с мотором*; 2) эгоизм, паразитизм, высокомерие: *двухногая коза; на лихой козе не подъедешь; отставной козы барабаник*; 3) странный, неопрятный вид: *коза в сарафане*;

kozy в носу; козы ночевали в ушах. Ряд выражений имеет криминальный подтекст: *подъехать на блатной козе; заделать козу; пасти козу.*

«Козел» в переносном значении – человек некрасивый, вызывающий неприязнь, раздражение: *старый козел; облезлый козёл; безрогий козёл; вонючий козёл; корявый козёл.* Также актуализируются коннотации: – упрямство, несговорчивость: *упрямый козёл;* – глупость: *фаршированный козёл;* – бесполезность, паразитизм, вредность: *пустить козла в огород; подарить козла; купить козла;* – безделье, никчемность: *доить козла; от козла ни шерсти, ни молока; служить за козла на конюшне;* – прыть: *дать козла.* Данный зооморфизм активно используется в уголовном жаргоне: *краснорогий козёл; сделать козлом; козёл в загоне.*

Во всех трех языках встречаются выражения библейского происхождения, что объясняется общими христианскими традициями: *separate the sheep from the goats – отделять овец от козлиц; козёл отпущения – chivo expiatorio – scapegoat.* Как видим, анималистические образы имеют глубокую национально-культурную специфику. Несмотря на некоторое сходство, они несут различную смысловую нагрузку и отличаются на уровне коннотаций, реализующихся в процессе коммуникативной деятельности.

Кривошеева Е.Н., Платонова С.Ю.
(Россия, Москва)

Особенности лингвистической подготовки учащихся на современном этапе развития образования в России

За последние 25-30 лет, начиная с конца 80-90-х годов, с момента падения Берлинской Стены и распада СССР, наш мир очень

быстро меняется, объем информации, с которой каждый день сталкивается человек, постоянно растет. Благодаря Internet и современным средствам связи мы все время, даже не замечая этого, находимся в информационном, агрессивном поле рекламы, интернета, телефонии и телевидения.

Приблизительно 90% информации передается посредством языка. Сегодня язык – это инструмент, «раздвигающий пространство и время». Первое место в этом пространстве занимает английский язык. В наше время язык Шекспира начинают учить, еще не научившись толком говорить на родном языке. В детских садах и школах назрела острая необходимость вводить спецкурсы, модульные программы, курс второго иностранного языка. В специализированных школах с углубленным изучением иностранного языка, к примеру (французского) начиная с 8-го класса, вводят билингвальные группы, где, кроме русского языка, преподавание ряда предметов (истории, литературы, экономики) ведется на иностранном языке. К учебному процессу активно привлекаются носители языка. Школа формирует группы учащихся, желающих получить углубленную подготовку по иностранному языку. Достаточно часто школа предоставляет возможность выезда в страну изучаемого языка, т.к. выучить иностранный язык в искусственной среде, без знания реалий языка, невозможно.

Если 20-30 лет назад, выезжая из страны с группой школьников в Париж, мы, естественно, предполагали туристический характер поездки, знакомство с достопримечательностями, общение со сверстниками, проживание в семьях или в здании лицея, то сегодня – выбор очень разнообразен, многие родители готовы платить за то, чтобы устроить своего ребенка в частную школу с последующей подготовкой в ведущие университеты мира.

В настоящее время назрел вопрос сохранения традиции преподавания таких языков, как французский, немецкий, испанский, итальянский и др. К сожалению, приходится признать, что эти языки незаслуженно отодвинуты на второе место, их преподавание в школе носит формальный характер.

Опыт работы в Университетах Европы подсказывает, что необходимо расширить лингвистическую подготовку на всех этапах обучения, начиная с детского сада и заканчивая вузом. Обучение для нелингвистических специальностей должно носить практико-прагматический характер. В Европе люди активно используют 2-3 языка.

Во время своей работы в Италии я проанализировала систему подготовки по иностранному языку итальянских студентов. Требования к владению языком очень высокие. Студенты, не имеющие определенного количества учебных часов по практике разговорной речи с носителями языка и не выезжающие на стажировки в страны изучаемого языка, не имеют права и не могут быть допущены к итоговым экзаменам.

В эпоху глобализации и ведущей роли транснациональных корпораций, интернационального характера бизнеса на первый план выдвигается уровень лингвистической подготовки молодых специалистов (инженеров, врачей, юристов, управленческого персонала), способных противостоять в конкурентной борьбе иностранным коллегам, приезжающим в Россию, как и 200 лет назад, в поисках лучшей жизни.

Именно с целью укрепления высшего образования многими российскими вузами были подписаны договоры с ведущими университетами Европы и Америки о сотрудничестве в рамках Болонской конвенции.

Российский университет дружбы народов, экономический факультет, имеет многосторонние связи с Университетом Ниццы, где российские студенты проходят 2-х годичное обучение на экономическом факультете университета.

В дальнейшем, специалисты, подготовленные в рамках двухсторонних соглашений, возвращаются в Россию, работают на благо нашего государства, своей семьи, детей. Человек, приобщившийся к европейской культуре, владеющий языками, знакомый с достижениями науки, культуры и бизнеса совсем по – иному смотрит на цели и задачи жизни и способы их воплощения.

Кривошлыкова Л.В.
(Россия, Москва)

Фразеологические единицы сравнительного типа с компонентом «черный» как часть культурной картины мира англичан

В работе путем анализа цветового компонента «черный» во фразеологических единицах (ФЕ) сравнительного типа английского языка выявляется специфика восприятия черного цвета представителями англоязычной культуры.

Фразеологизмы отражают языковую и культурную картины мира народа, говорящего на том или ином языке. Одни ФЕ связаны с повседневными занятиями простых людей, другие возникли из старинных преданий и поверий, некоторые из профессиональной речи или литературных произведений.

В процессе преподавания иностранного языка студентам любого уровня ФЕ являются уникальным материалом и исключительным средством познания языка. Благодаря яркой эмоциональной окраске и выразительной форме изучение фразеологизмов способствует

обогащению словарного запаса студентов, содействует реализации базовых целей обучения иностранному языку, таких как овладение навыками межличностного общения и приобщение к истории, традициям, духовному богатству носителей иной лингвокультуры.

Предметом нашего исследования являются фразеологические единицы сравнительного типа с компонентом «черный». Такие ФЕ сравнения с конструкцией *be + as...as* (similes) главным образом используются в описании внешности человека, его настроения или поведения, некоторые из них применимы к жилищу или другим объектам.

Как показывает анализ ФЕ сравнительного типа с компонентом «черный» взятых из английских лексикографических источников, колоритив *black* имеет ярко выраженную отрицательную окраску, т.к. с древних времен все черное, темное, неведомое внушало человеку страх и ужас. В христианской традиции черный цвет ассоциируется с грехом, преисподней и дьяволом, а в современной британской лингвокультуре черный цвет символизирует печаль, горе, траур.

Рассмотрим примеры ФЕ, которые используются для описания внешности человека, его лица, рук, одежды: *as black as coal / soot / night / the cae of spades* – грязный (черный) как уголь / сажа / ночь / туз пик, *as black as a skillet* – грязный (черный) как сковорода, *as black as a sweep* – грязный (черный) как трубочист, *as black as a stack of black cats* – грязный (черный) как куча черных кошек. Кроме подчеркнутого основного номинативного значения – «абсолютно черный» (completely black), в данных идиомах *black* имеет значение «грязный», «чумазый» (very dirty).

Когда речь идет о темном времени суток, о жилище или каком-либо другом месте, чаще всего используются следующие сравнения: *as black as midnight* – темный как полночь, *as black as night* – темный

как ночь, *as black as hell* – темный как ад, *as black as the Pit* – темный как преисподняя. В этих примерах *black* переводится как «темный» (very dark).

В английском языке не так много ФЕ сравнительного типа с компонентом «черный» для отражения негативных эмоциональных состояний человека (тревога, плохое настроение). Однако они достаточно ярки и образны, а колоратив *black* приобретает дополнительное значение «темный, мрачный» (very gloomy): *as black as sin* – черный как грех, *as black as thunder* – мрачный как гром, *as black as thundercloud* – мрачнее тучи, чернее тучи.

Отдельно стоит упомянуть выражение *as black as he is painted* – не такой плохой, как о нем говорят. В английской разговорной речи эта фразеологическая единица появилась благодаря известной поговорке, впервые зафиксированной в XVI веке *Devil is not as black as he is painted* – Не так страшен черт, как его малюют (don't base your fears of something on exaggerated reports).

Являясь важной частью наивной и культурной картины мира, цветообозначения, реализованные в идиоматических выражениях, органично вплетаются в языковую картину мира любого народа, они отражают яркие черты национального характера и уникальный колорит языка, представляют говорящим широкие возможности для синонимических способов выражения мысли.

Кузнецова Ю.В., Переходкина П.А.

(Россия, Москва)

Перспективы развития дистантного обучения

Мировая телекоммуникационная инфраструктура дает сегодня возможность создания систем массового непрерывного самообучения, всеобщего обмена информацией независимо от временных и

пространственных поясов. За последние десятилетия наблюдаются значительные изменения в техносфере, которые помогают не только модернизировать образование, но и ускорить его процесс. Данные изменения включают в себя значительное развитие интернет структуры и внедрение технологий в процесс образования. В связи с этим нововведения, или инновации, характерные для любой профессиональной деятельности человека, естественно, становятся предметом изучения, анализа и внедрения.

Инновационной технологией, занимающей значительное место в сфере образования является дистантное обучение (электронное образование "e-learning"), которое способствует непрерывной, быстрой, гибкой и одновременно высококачественной подготовке студентов и будущих высококвалифицированных специалистов.

Система дистантного обучения развивается в России с 1992 года и внедряется как часть государственной образовательной политики.

Российские высшие школы активно взаимодействуют с западными школами и разрабатывают свои программы обучения по образцу ведущих мировых образовательных центров. Для современного этапа характерно создание ведущими вузами своих филиалов. На сегодняшний день в России открыт целый ряд центров дистантного образования, как иностранных, так и российских: Евразийский Открытый Институт (<http://www.eoi.ru/>); Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова (<http://de.msu.ru>); Московский Институт Лингвистики (<http://i-mil.ru>); Московский Городской Психолого-Педагогический Университет (<http://do.mgppu.ru>); Институт Истории и Культур (<http://unic.edu.Ru>), а также Российский Университет Дружбы Народов (<http://www.dporudn.ru>) имеют подобные центры.

В рамках разрабатываемых программ в РУДН студенты имеют возможность выбора максимально подходящего курса иностранного языка (в соответствии со своим уровнем владения языком) и свободного расписания, сами планируют удобное для себя время занятий, используя он-лайн сервисы, такие как электронная библиотека, веб-сайты, учебные порталы, форумы, чаты, блоги, web-ресурсы, flash-технологии, видео и аудио учебные материалы, wiki-ресурсы, системы контроля (scorm/aicc пакеты), программы для дистантного обучения moodle и т.д.; допустимо сочетание основных видов технологий обучения.

Целью данного выступления является использование блогов, чатов, форумов и т.д. при изучении теоретических курсов, таких как, теоретическая грамматика и основы теории перевода. В качестве наглядных примеров мы использовали интернет блог Livejournal и текстовый чат Polyglot Club.

Livejournal («Живой Журнал») это блог - платформа для ведения он-лайн дневников (блогов), а также отдельных персональных блогов, которые предоставляют возможность публиковать свои и комментировать чужие записи, вести коллективные блоги и добавлять в собеседники других пользователей. Для этого требуется зарегистрироваться на сайте, ввести тему для своего блога и создать новую запись. По данным статистики LiveJournal.com в «Живом Журнале» зарегистрировано более 40 млн. пользователей по всему миру. Таким образом, Livejournal предоставляет отличную возможность в открытом доступе обмениваться опытом и информацией относительно различных сфер, вступать и создавать сообщества по интересам, привлекая людей с разных концов земли. LiveJournal является основой для создания совместного творчества людей, не производя никаких физических перемещений.

The screenshot shows a social media post from the journal 'LVE JOURNAL'. The post is titled 'История теоретической грамматики' (History of theoretical grammar). The text discusses the periodization of English grammars and mentions the work of William Laidlaw, who translated Latin grammar terms into English. The post includes a small profile picture of the user 'engstudy' and a timestamp of '2016-04-02 02:44:00'. There are also some social media interaction icons like a heart and a share icon.

История теоретической грамматики

There does not appear to exist a generally accepted periodization of the history of English grammars, so we shall roughly divide it into two periods of unequal length, according to the general aims or objectives of the grammars appearing within this periods. The first is the age of prescientific grammar beginning with the end of the 18th century and lasting till about 1900. The second is the age of modern grammar beginning with the end of 1900 and lasting till today.

Донаучная (преформативная) грамматика (конец 16 века до 1900 года) :

- **Дескриптивная грамматика**

До 17 века термин «грамматика» был применим только в латинском языке - латинская грамматика была единственной грамматикой, изучаемой в школах («грамматических» школах), и до конца 16-го века грамматика английского языка отсутствовала. Одна из самых ранних и самых популярных латинских грамматик, написанных на английском языке Уильямом Лайли, была опубликована в первой половине 16-го века. Эта работа позволила описать грамматику английского языка с помощью латинских терминов, переведенных на английский язык.

Латинская грамматика Лайли - предшественница самых ранних английских грамматик.

Уильям Лайли (William Laidlaw) - «Latina grammar»

1. В середине 16 века написал грамматику на английском языке с использованием терминологии, переведенной с латинского языка,

Социальная сеть Polyglot Club позволяет изучать иностранные языки в режиме он-лайн посредством общения с реальными людьми по всему миру. На вебсайте представлены практически все страны и языки мира. На сегодняшний день этот сайт переведен на 80 языков мира и насчитывает более 400 000 участников из 151 страны мира. Благодаря этому пользователи сайта могут общаться на различных языках, помогать иностранцам в изучении их родного языка, редактировать и добавлять учебный материал, организовывать он-лайн конференции. Polyglot Club доступен для пользователей независимо от

возраста, пола, местонахождения и социально-экономического положения.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что на сегодняшний день получившее широкое развитие за рубежом дистантное обучение все больше развивается и на территории России. В настоящее время возможность получения образования путем дистантного обучения предоставляют около 70 % российских вузов. Вопрос о перспективах развития ДО в России, и о том, насколько востребованы на российском рынке труда специалисты, получившие дистантное образование, очевиден: дистантное обучение имеет ряд видимых преимуществ перед традиционным, расширяет возможности как иностранцев, так и россиян в обучении в престижных учебных заведениях, получении ученых степеней, познании новых быстроразвивающихся тенденций в образовании, позволяет развивать творческий потенциал и самостоятельность будущих специалистов.

Кузьмина Е.В.
(Россия, Москва)

**Некоторые особенности заимствований в медиалекте
компьютерно-опосредованной коммуникации**

В настоящее время компьютерный жаргон и сетевой сленг стали неотъемлемой составляющей медиалекта компьютерно-опосредованной коммуникации (КОК). Под компьютерным жаргоном мы понимаем язык программистов, специалистов в IT. В нем преобладают термины и лексические единицы, связанные с наименованием частей компьютера, программ, технических характеристик современных компьютерных технологий. С развитием интернет коммуникации многие специальные термины перешли из языка специалистов в сферу всеобщего употребления. Сетевой сленг - это жаргон, используемый при общении через компьютерные сети, в первую очередь через самую большую из них Интернет. Он включает в себя слова, выражения, аббревиатуры, интернет-мемы и наборы знаков, используемые в общении интернет пользователями или группами пользователей, и присущие только этому виду коммуникации. Сетевой сленг характерен для неформального общения и встречается в основном в концептуально устных жанрах Интернет – коммуникации.

Одним из продуктивных способов лексического пополнения профессионального жаргона, обслуживающего сферу информатики и Интернета, и интернет сленга является пристационный способ, основанный на заимствовании термина из другого языка. Англицизмы, самый обширный класс заимствований компьютерного жаргона и интернет сленга, в испанском медиалекте КОК приобрели

некоторые семантические и прагматические особенности использования.

Лексика характерная для компьютерного и сетевого жаргона характеризуется быстрым проникновением в сферу общего употребления, поэтому частотность употребления заимствований приводит к неизбежной адаптации англицизмов к испанскому языку. Адаптация происходит как полная, так и частичная, что зависит от частотности употребления термина. Полная адаптация происходит на фонетическом, морфологическом и орфографическом уровнях, то есть заимствование приобретает словообразовательные формы, характерные для испанских частей речи. Так, например, образуются глаголы *hackear*, *refucktorizar*, *googlear*, *tuitear* от соответствующих корней английских терминов. Существительные образуют множественное число согласно испанской парадигме: *avatar* (*avatars*); возможно следование испанским словообразовательным моделям: *blog*, *bloguero*, *blogosfera*, *tuiteo*, *tuitero*.

Одной из особенностей употребления англицизмов в этой специфической сфере является то, что, как правило, наряду с использованием англицизма возможно использование испанского эквивалента с отклонением в значении или без него. Так, например, *window* существует наряду с эквивалентным *ventana*, но англицизм всегда используется для обозначения операционной системы *Windows*, в то время как слово *ventana* обозначает диалоговое окно на экране компьютера. Англицизм *buffer* используется наряду с адаптационной формой *búfer*, несмотря на предлагаемые лингвистами эквиваленты *memoria compensadora*, *almacenamiento temporal*.

При наличии двух или более вариантов лексической единицы (адаптированной, неадаптированной, эквивалентной) в настоящий момент нельзя говорить о явной тенденции к выбору испанских

эквивалентов или предпочтению англицизмов. Тем не менее, видно, что англицизмы, преобладающие по числу упоминаний, с одной стороны являются широко распространенными названиями интернет явлений (troll, el tweet, el blog), с другой стороны являются терминологическими новообразованиями, известными специалистам в компьютерных технологиях, и нечасто употребляются обычными пользователями интернета (cloud computing, bigdata). Адаптированные испанские эквиваленты частотны в тех случаях, когда терминологические новообразования используются широким кругом пользователей всех возрастов и, следовательно, не владеющими в большинстве английским языком (seminario web, libro electrónico, copia de seguridad, el pato ...).

В целом, говоря об употреблении специальной лексики компьютерного жаргона в электронной коммуникации, можно отметить следующее. Несмотря на то, что большинство коммуникантов не являются специалистами в компьютерных или информационных технологиях и темы общения не всегда касаются компьютера, специальная лексика и терминология в медиалекте КОК. Частотность использования специальной лексики компьютерного жаргона зависит от тематики общения и компетентности в данной технологии коммуникантов. В текстах КОК компьютерная программа и сам текст так тесно связаны, что терминологические новообразования и заимствования, относящиеся к компьютерному жаргону, являются необходимым средством номинации реалий данных технологий и многие из них вошли во всеобщее употребление.

Кулешова А.В.
(Россия, Москва)

**Полуэмфатическое выделение ремы на внутри
пропозициональном уровне**

Одним из маркеров рематической позиции в высказывании является отрицание. Отрицательные элементы, маркирующие рему, обобщенно именуется «аузентивы» (неопределенные местоимения – *ninguém, nenhum, nada, algum*; никто, ничто, никакой, ни один и др.; отрицательные наречия – *de modo algum, de nenhuma forma, nunca*; никак, никогда, нигде, никуда, ни за что и др).

Понятийный объём в значении таких элементов мыслится методом исключения: отрицательный элемент маркирует тот объём, который исключается или вычитается из возможного положительного объема. «Этот последний и является здесь сущностью, с которой косвенно связывается отрицание через первый – «вычитаемый» объём. Если мы говорим: «никто», то под этим подразумеваем его логический «антипод» – «кто-то»».

Sei as lendas do mar como ninguém. Я знаю легенды моря, как никто другой //(я/никто другой).

При использовании аузентива в функции предикатива очень часто возникает отношение имплицитного противопоставления между множеством и единицей. При таком подходе целесообразно выделить отношения противопоставления между подмножеством, выделяемым с помощью квантора, и собственно множеством. Так, кванторами, для которых величина подмножества больше нуля, являются такие неопределенные местоимения как *какой-то, какой-нибудь, какой-либо, некий* (подмножество равно единице, соответственно противопоставлено подмножествам больше/меньше единицы); а

также местоимения *некоторые, несколько* (подмножество больше единицы, соответственно противопоставлено подмножествам равно/меньше единицы).

С категорией предельности также тесно связан феномен двойного отрицания, который используется во многих языках, и выполняет выделительную функцию. Но вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что в европейских языках, в отличие от русского, двойное отрицание, в соответствии с законами логики, рассматривается как утверждение. Характерный пример: *Não vejo nada/ Буквально – Я не вижу ничего, будет соответствовать высказыванию Vejo tudo/ Я вижу все.* Однако, в нарушение законов логики, в португальском языке, особенно в диалогической речи, двойное отрицание, как и в русском, используется в качестве усиительной синтаксической конструкции.

При использовании таких конструкций как: *não vi nada/ não vi ninguém/ nunca vejo nada/ não sei de nada*, не смотря на синтаксическую структуру: отрицание + глагол + отрицательное местоимение, значение фразы будет не утвердительным, а отрицательным.

Особую разновидность отрицательных предложений составляют сложноподчиненные предложения с придаточными уступительными, вводимые такими союзами и союзными словами как: *onde quer que – где бы ни, quem quer que – кто бы ни, embora - хотя, ainda que – даже если, por mais que – как бы ни и др.* Они содержат в себе скрытое отрицание, усиленное противопоставлением. *Irene declarou que não casaria com quem quer que fosse: "E' escusado, mamã. Não insista". //Ирен заявила, что не выйдет за него замуж, кем бы он ни был: «Мама, и не настаивай. Это исключено».*

Еще одна структура, которая передает резкое, категорическое отрицание в португальском языке построена по принципу соединения

варьируемых знаменательных слов с постоянными элементами (*qual... nem qual*). В первой части структуры содержится имплицитное отрицание – повтор предыдущей реплики, вызвавшей возражения, затем во второй части, вводимой отрицательным союзом *nem*, появляется интенсификатор отрицания – экспрессивное образное отрицание.

В результате анализа языкового материала нами были выделены три основные схемы построения имплицитного контраста при помощи вопросительного местоимения *qual*:

1. *qual + S(1) + qual + S(2)*

É importante cumprir as tarefas, cumprindo as regras de segurança.
– *Quais regras de segurança, qual carapuça! Важно выполнять задания, придерживаясь правил безопасности. – Да какие там правила безопасности! Ерунда, вот что это такое!*

2. *qual + S(1) + qual o que*

Corália! – Qual Corália qual o que! Luísa, meu burro. Se tornas a chamar-me Corália, não sei que te faço, Коралия! – Какая я тебе Коралия! Луиза, осел. – И если ты еще раз назовешь меня Коралией, я даже не знаю, что с тобой сделаю.

3. *qual + S(1) + nem meio + S(1)*

Qual escândalo nem meio escândalo! Que idiotice a minha. Se o houvesse, não seria comigo, decerto! Да какой там скандал! Что за идиотизм! Если бы он и произошел, то не со мной, это уж точно.

Куликова Л.Л.
(Россия, Москва)

Особенности интернет-общения (на материале испанского языка)

Язык подобен живому организму, и он неустанно эволюционирует, впитывая в себя все изменения, происходящие в обществе, где его используют. Появление сети Интернет и последующее распространение мультимедийных технологий не могло не отразиться на испанском языке (хотя данный вопрос актуален для многих языков, в том числе и для русского). Первое столкновение с примерами из web-языка зачастую вызывает шок и непонимание того, как связаны сокращения, аббревиатуры и неологизмы с испанским языком в том виде, в котором его принято изучать. Но даже и в этом, на первый взгляд, хаосе можно найти свои закономерности и проследить определенные пути развития.

Первой отличительной чертой испанского языка web является замена звуков на схожие по звучанию в определенных позициях, как, например, в парах “kiero-quiero”, “komo-como”, “nunca-nunca”, “aki”-“aqui”, “klaro-claro”, “ke-que”, “dixo-dijo”, “muxas-muchas”, “yave-lave”. Особенно, если речь идет о СМС-сообщениях, в которых пользователям удобнее и быстрее напечатать одну букву, вместо двух.

Второй яркой характеристикой можно считать обильное использование аббревиатур и сокращений, что позволяет сокращать длину исходного текста в разы. Причем, в некоторых из них используются цифры, которые заменяют собой определенный слог. Например, “pq\qx-porque”, “tb-también”, “to2-todos”, “grax-gracias”, “100pr-siempre”, “BCN-Barcelona”, “cm-como”, “jf-jefe”, “cel-celular”, “bs-beso”, “fa-favor”, “ksa-casa”, “lgr-lugar”, “hno-hermano”, msj-mensaje”, “grd-gordo”.

Помимо этого, в Интернет-коммуникации широко используются звукоподражание (јаја, zzz, јјј, тиае), утробление букв (siii, пооо, todoss) и эмодиконы. К этим ресурсам обычно прибегают, желая выразить свои эмоции более легким для восприятия собеседника способом.

На сегодняшний день ситуация с использованием испанского языка web за пределами сети Интернет не достигла своей критической точки, но время от времени появляются тревожные сигналы. Например, учащиеся во время письменных экзаменов используют те или иные сокращения, что, конечно же, не одобряется учителями, а маркетологи широко используют аббревиатуру BСN для создания образа города в глазах туристов.

Куприянова М.Е.
(Россия, Москва)

К проблеме полисемии терминов высшего образования на примере лексемы *degree*

Основная линия развития высшего образования Европы и России на сегодняшний день – безусловно, реализация принципов Болонского процесса и формирование единого пространства высшего образования. Проблематика гармонизации терминологических систем русского языка в сопоставлении с основными европейскими языками обусловила появление огромного количества публикаций в научной литературе. Таким образом актуальность исследований терминологических единиц предметной области «Высшее и послевузовское профессиональное образование» не вызывает сомнения. Результаты подобных исследований также необходимы для обучения устному и письменному переводу.

Как отмечает в своих работах Н.М.Фирсова «Для практического овладения иностранным языком непременным условием является постижение функционирования языковых единиц в различных сферах речевого общения. Функциональный подход к языку помогает раскрыть с новой стороны как непосредственные связи языка и общества, так и структуру языка и речи, выявить внутрисистемную дистрибуцию языковых средств» [3].

Мы рассмотрим полисемичную лексему *degree*, которая часто употребляется в контексте высшего образования, с точки зрения типичных ошибок, которые допускают студенты при переводе с английского на русский язык.

По определению словаря Merriam-Webster (в интересующем нас значении академического термина) “*degree- a : a title conferred on students by a college, university, or professional school on completion of a program of study; b: a grade of membership attained in a ritualistic order or society; c: an academic title conferred to honor distinguished achievement or service; d: the formal ceremonies observed in the conferral of such a distinction* ” (*a*: степень, присуждаемая студентам колледжа, университета или школы профессионального обучения по окончании курса обучения; *b*: ранг в религиозном ордене или обществе; *c*: ученое звание, присуждаемое за выдающиеся академические заслуги; *d*: формальные церемонии при присуждении подобных званий; здесь и далее – перевод наш М.К.) [5].

Англо-русский словарь Мюллера дает следующий перевод слова *degree* в контексте образования: *звание, учёная степень; to take one's degree получить степень; honorary degree почётное звание* [2]. По определению Глоссария терминов европейского высшего образования, *degree* – степень, квалификация, присваиваемая

образовательным учреждением выпускнику после успешного освоения установленной образовательной программы [1].

Самый широкий ассоциативный ряд смысловых значений лексемы *degree* мы находим в словаре Мультигран. И именно здесь мы встречаем вариант перевода слова *degree*, который обычно игнорируют студенты – *диплом*. Лексема *диплом* входит в состав многих словосочетаний (*degree with honors* – диплом с отличием, *degree work* – дипломная работа, *double degree program* – программа «двойных дипломов», *state recognized degree* – диплом государственного образца) [6].

Как мы видим, полисемия данной лексемы может вызывать трудности при переводе на русский язык. Пользуясь словарями, начинающие переводчики предпочитают выбирать первые значения в словарной статье, что приводит к буквализму и неадекватному переводу.

Рассмотрим некоторые примеры. “At DegreesFinder.com, you will find accredited online **degrees** and online **degree** programs available at many education levels which include Bachelor, Master's, Doctorate or PhD, Associate, and Certificates.” [4]. В данном случае перевод *degree* как *степень* или *ученое звание* некорректен, так как ни *степень*, ни *ученое звание* не могут быть *аккредитованными* (accredited) и *заочными* (online). Наличие этих определяющих слов упрощает задачу перевода. Прилагательные *accredited* и *online* могут относиться к программам, по окончании которых присуждают *степень* или *ученое звание*. Поэтому адекватный перевод этих словосочетаний – *аккредитованные и заочные программы высшего образования*.

Таким образом, на примере семантической диффузности лишь одного термина *degree* становится понятна необходимость появления масштабных исследований в этой области. Достижение

тождественности терминов русской и английской терминосистем представляется актуальной задачей в условиях глобализации и существования систем высшего образования в едином пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глоссарий терминов европейского высшего образования. Болонский процесс. // Под ред. В.М.Филиппова - М.: Изд-во РУДН, 2006. – 64 с.
2. Мюллер В.К. Большой англо-русский и русско-английский словарь. – М.: Эксмо, 2012.
3. Фирсова Н.М. Избранные труды. Том I. Актуальные проблемы грамматической стилистики и разговорной речи испанского языка. – М.: РУДН, 2009. – 641 с.
4. URL: <http://www.degreesFinder.com>
5. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/degree>
6. URL: <http://www.multitran.ru/c/m.exe?a=3&s=degree>

Кутькова А.В.
(Россия, Москва)

Феномен парлаче в повседневной коммуникации жителей Медельина

Словарь Королевской академии испанского языка (DRAE) впервые кодифицирует термин *parlache* в 2001 году и дает ему следующее определение: *jerga surgida y desarrollada en los sectores populares y marginados de Medellín, que se ha extendido en otros estratos sociales del país*. В том же 2001 году в Колумбии опубликован первый словарь парлаче (*Diccionario de Parlache*), который включает 1.500 слов и выражений. В следующем издании, 2005 года, их уже 2.538. Интерес к словарю оказывается столь велик, что в 2009 году выходит его обновленная версия.

Анализ интернет-ресурсов свидетельствует о том, что парлаче упоминается не только на веб-страницах Колумбии: об этом феномене пишут лингвисты, социологи, антропологи, психологи и журналисты из Боливии, США, Эквадора, Перу, Венесуэлы, Испании, Франции,

Германии, Финляндии. Вместе с тем, несмотря на столь пристальный интерес к данной теме зарубежных исследователей, работы на русском языке, посвященные парлаче, автору не известны, так что одна из задач предлагаемого доклада заключается в том, чтобы заполнить этот пробел.

Парлаче – относительно новый лингвистический феномен, в основе которого лежит арго преступных группировок, связанных с наркотрафиком, и который становится заметен в конце 1980-х годов. Именно тогда слова и выражения этого социолекта начали приобретать популярность среди населения Медельина, так что речь жителей города, особенно молодежи, ставила в тупик приезжих.

Справедливости ради заметим, что и в наши дни, несмотря на относительную изученность данного явления, парлаче успешно выполняет свои функции «тайного языка» и вводит в замешательство не только иностранцев, но и выходцев из других районов страны. Так, молодой американец, проживший несколько лет в Медельине и тесно общавшийся с молодежью из бедных районов города, описывает в своем блоге (amanofnonation.com) историю о том, как его друзья-колумбийцы, приехавшие в Медельин из Боготы, вынуждены были то и дело заглядывать в словарь парлаче, чтобы понять местных жителей: «About three years ago I bought a book called “Diccionario de Parlache” by Luz Stella Castañeda Naranjo & José Ignacio Henao Salazar [...]. A while ago I hosted two guys from Bogotá, Colombia and they walked around town with this dictionary. When I saw them later that day they thanked me for lending them the book because often times they couldn't understand what was said. Colombians unable to understand other Colombians».

В 1990-ые годы словечки из парлаче начинают попадаться в текстах СМИ и социальной рекламы, а также в речи некоторых

политиков. Именно тогда в Университете департамента Антиокия группа исследователей берется за работу по созданию словаря молодежного жаргона Медельина.

Основным источником для создания словаря была информация, которую предоставляли молодые люди, студенты университета и жители бедных районов. Также были использованы разнообразные материалы средств массовой информации, документальные и художественные фильмы и тексты современной художественной литературы о жизни молодежи, записи живых спонтанных разговоров, услышанных в транспорте, на улице, в школах, университетах, а также тексты песен, рекламы, объявлений и граффити.

Еще одним любопытным источником лексикографического исследования стал корпус, составленный из сочинений на свободную тему, написанных учениками выпускных классов профессионально-технического училища Instituto Técnico Industrial Pasual Bravo в 1991 – 1995 годах.

Столь широкий список источников как нельзя лучше свидетельствует о том, что, начавшись со слов и выражений «тайного языка», понятного только узкому кругу посвященных, парлаче феноменально быстро превратился в неотъемлемую составляющую повседневной коммуникации жителей Медельина, признаваемой широкими слоями населения.

На сегодняшний день, по свидетельству исследователей, его популярность также расширила географические границы и уже не ограничивается одним городом: парлаче активно используют жители близлежащих областей – Кали, Перейра, Попайан –, а отдельные его лексемы в ходу за пределами Колумбии.

Как известно, жаргон отличается от литературного языка специфической лексикой и фразеологией, экспрессивностью оборотов

и особым использованием словообразовательных средств, при этом он не обладает собственной фонетической и грамматической системой. Жаргонная лексика строится на базе лексики литературного языка путем изменения ее смысла и формы, метафоризации, а также активного усвоения иноязычных слов и морфем.

Данные утверждения в полной мере справедливы для парлаче.

Поскольку парлаче возник как «тайный язык», с целью сбить с толку непосвященных, то в нем широко используются такие приемы, как ресемантизация (*chorro* – «выпивка», *hundido* – «пристрастившийся», *nave* – «автомобиль», *abrirse* – «сбежать»), силлабическая инверсия (*leca* – «calle»), словосложение (*atrapalocos* – «кальсоны», «женское нижнее белье», *carroloco* – «человек, действующий импульсивно»), звукоподражание (*tilintilín* – имитация колокольного звона со значением «стоящий на стреме»).

В лексике парлаче много заимствований, в абсолютном большинстве случаев их источник – английский язык (*bisniar* в значении «negociar»; *baí* в качестве прощания, *ansorrís* – извинения).

В парлаче, так же как и в прочих социальных диалектах, одной из главных составляющих являются фразеологизмы, поскольку эти единицы ориентированы на иронию, игровой эффект и отличаются особой экспрессивностью (*colgar los guayos* – «покончить с чем-либо», *mujer de antena* – «трансвестит», *de arepa* – «наудачу» и др.). Отдельно стоит отметить речевые стереотипы и этикетные формулы, типа: *qué bacanería* (в значении ¡qué maravilla!), *qué cuca*, *qué burguesía* (в значении ¡qué bonito!); *todo ray/rai* (в значении bien), *¿bien o pa' qué?*, *¡qué uvas!* (приветствие), *nos vemos las carátulas*, *ahí nos pillamos*, *ahí nos vidrios* (прощание).

Вместе с тем, в случае парлаче, видимо, следует говорить о лексикализованных, но не абсолютно устойчивых единицах,

поскольку, как любой жаргон, он находится в процессе постоянного изменения и активного развития.

Кургузенкова Ж.В.
(Россия, Москва)

**Концепт «белый цвет» в культурной картине мира французов
(на примере ФЕ сравнительного типа)**

Общеизвестно, что фразеологические единицы (далее ФЕ) сравнительного типа являются неисчерпаемым источником культурологической информации, которая транслирует сведения и о культурной картине мира (далее ККМ) носителей данного языка.

Объектом настоящего исследования является система обозначений белого цвета во французском языке на примере ФЕ сравнительного типа.

Фразеология, семантическое переосмысление и словообразование отражают символику цвета. С каждым цветом связываются определенные представления, впечатления, чувства. В каждом языке названия даже основных цветов, совпадая в своих первых значениях, обычно не сходятся в производных и в их фразеологическом использовании.

Во всех современных западно-европейских культурах белый цвет символизирует чистоту и непорочность, добро и милосердие, любовь и другие сопредельные к ним понятия.

Перейдем к рассмотрению ряда примеров: *blanc comme un lys* (букв. – белый как лилия); *blanc comme le lait* (букв. – белый как молоко); *blanc comme l'albâtre* (букв. – белый как алебастр). Первые три примера относятся к разряду устаревших, т.к. все

вышеперечисленные ФЕ служили для описания цвета лица прекрасных дам, а исключительная белизна кожи давно не является критерием красоты, то данные примеры постепенно вышли из утруса.

Самым общеупотребительным был и остается пример «*blanc comme neige* (букв. – белый как снег)», который помимо буквального номинирования белого цвета кристальной чистоты, имеет ещё другие аппликации, а именно: чистый (в значении «невинный / честный»).

Для описания эмоциональных проявлений человека, таких как: внезапный страх, уязвленное самолюбие, крайняя степень смущения: *blanc comme un linge* (букв. – белый как бельё). Вариант последней ФЕ «*blanc comme un drap* (букв. – белый как простыня)» может также употребляться для обозначения всех вышеперечисленных эмоций, однако имеет ещё одно значение, несвойственное «*blanc comme un linge*», а именно «бледный по болезни». Это употребление характерно для целой серии французских ФЕ: *blanc comme un cadavre* (букв. – белый как труп); *blanc comme un mort* (букв. – белый как мертвец); *blanc comme la mort* (букв. – белый как смерть); *blanc comme la craie* (букв. – белый как мел); *blanc comme une feuille de papier* (букв. – белый как лист бумаги); *blanc comme une endive* (букв. – белый как садовый цикорий). Образные основы первых пяти ФЕ вполне прозрачны: смерть, мел и лист бумаги во многих языках являются «эталоном» особого болезненного цвета лица.

В то время как столь необычный образ («цикорий»), лежащий в основе последней ФЕ нуждается в пояснении. В XIX веке в Западной Европе, особенно в Бельгии и Франции, популярным зимним деликатесом были свежие листья цикория. Это садовое растение имеет белые, плотные, мясистые листья, собранные в тугий продолговатый бутон. Эндивий использовался в салатах еще во времена Римской империи, затем был надолго забыт, в последние

десятилетия вновь усилилась кулинарная мода на эндивий, в основном, за счет открытия в нем высокого содержания витамина С. И, безусловно, понятно, почему такая великая в гастрономическом аспекте нация, как французы, чью кухню впервые в мире эксперты ЮНЕСКО включили в престижный Список нематериального культурного наследия, не могла не избрать в качестве эталона при сравнении образ из столь почитаемого ими мира еды. Факт выбора тех или иных продуктов имеет яркую национально-культурную специфику и обусловлен многими факторами, что находит ещё лишнее подтверждение в случае с цикорием, т.к. эндивий требует в качестве заправки острых густых соусов яично-масляного типа или на мясной основе (а Франция, как известно, - родина соусов). В то время как для русских заправок (сметаны, растительного масла, уксуса) эндивий категорически не подходит, что объясняет отсутствие широкого распространения употребления данного продукта в русской гастрономической культуре.

В современном французском языке мы находим ещё два интересных примера, служащих для описания очень бледной (незагорелой) кожи человека: *blanc comme un cachet d'aspirine* (букв. – белый как таблетка аспирина); *blanc comme un lavabo* (букв. – белый как раковина).

В заключении хотелось бы отметить, что ФЕ сравнительного типа показали, что они являются источником богатейшей культурологической информации. И здесь каждый народ в качестве компонента-аналога при сравнении выбирает близкие ему образы, формирующие ККМ представителей данного этноса.

Куртаева М.О.
(Россия, Иркутск)

Типы терминов в испанской биржевой терминологии

Термины как знаковые единицы могут рассматриваться в трех аспектах: с точки зрения их формы, структурных особенностей, значения и особенностей употребления. Кроме того, необходимо учитывать и исторические характеристики – особенности происхождения и хронологический статус терминов. Анализ глоссария фондовой биржи Мадрида (www.bolsamadrid.es) позволил нам выделить основные типы терминов, характерные для испанской биржевой терминологии. Они были выделены на основе четырех групп характеристик, которые мы принимаем вслед за С.В. Гриневым.

С учетом исторического аспекта, на основании происхождения, в первую очередь выделяют термины исконные и заимствованные. Исконные термины мы определяем как термины, издавна существовавшие или образованные в данном языке. Для испанского языка это слова латинского, кельтиберского и собственно испанского происхождения. К исконным терминам испанской биржевой терминологии относятся термины *acción* (лат. *actio*), *valor* (лат. *valor*), *dividendo* (лат. *dividendum*) и др.

Под заимствованными мы понимаем те термины, которые полностью или отдельными аспектами (только форма или только содержание) заимствованы из других языков. В зависимости от вида заимствуемых элементов (формы или модели образования) различают материально заимствуемые термины – термины, форма которых заимствована из других языков (*put* (*operación*), *broker*), и термины-кальки – термины с заимствованной словообразовательной или синтаксической структурой, например, *bonos basura* (ср. *junk*

bonds в английской биржевой терминологии). В мировых биржевых терминосистемах термины-кальки составляют порядка 30-50% (в зависимости от истории становления данной терминосистемы в том или ином языке) от общего терминологического состава.

На стыке между заимствованными и исконными выделяются гибридные термины или гибридо-термины, одна часть которых заимствована, а другая является переведенной или исконной, например, *mercado bull / mercado bear*. В данном терминосочетании часть *mercado* является исконной и восходит к латинскому слову *mercatus*, а часть *bull / bear* заимствована из английской биржевой терминологии.

При рассмотрении вопроса о заимствованиях нам представляется важным остановиться на причинах и целях, лежащих в основе данного процесса. Процесс заимствования – это процесс взаимодействия разных народов и культур. Основной причиной заимствования является развитие той или иной научной или технической области знания с целью заполнения лакун в терминосистеме.

В соответствии с классификацией С.В. Гринева, наряду с историческим аспектом, термины могут быть рассмотрены с точки зрения образования и развития терминологии. В соответствии с этим можно выделить базовые и собственные термины. Базовые термины представляют собой термины, заимствованные при зарождении данной терминологии из той терминологии или области лексики, которая лежала в ее основе, являлась базой для ее образования. К ним относятся такие термины испанской биржевой терминологии, как *compra, activo, alza*.

К собственным относятся термины, появившиеся в рамках данной терминологии, например, *alcista, bajista, cotizar*.

Также в терминосистеме различаются такие подтипы, как производные термины, образованные от базовых или основных терминов и обычно называющие понятия, производные от основных. Так, на основе базового термина *bono* в испанской биржевой терминологии на данный момент существует несколько производных терминосочетаний: *bono del estado*, *bono nacional*, *bono basura*, *bono convertible*, *bono cupón cero* и др.

На основании частотности различаются ядерные термины, принадлежащие к ядру данной терминологии (*fondos*, *acción*, *cotizar*, *bono*), и периферийные термины, находящиеся на ее периферии (*píldora venenosa*, *bola de nieve*).

Также выделяют привлеченные термины – термины смежных областей знания, используемые в данной терминологии без изменения значения. Необходимость анализа рынка и его тенденций вызвала приток терминов из математической терминосистемы, например, *triángulo*, *línea*, *distribución*, *rectángulo*.

Несмотря на многообразие приведенных выше типов терминов, они составляют не полный перечень. В настоящее время продолжают исследования в этой области, выявляются новые аспекты изучения терминов и открываются возможности для новых классификаций.

Ликунова И.Ф.
(Россия, Москва)

Особенности *mais-que-perfeito* в португальском языке

Тема глагольных времён в испанском языке всегда была в центре внимания Фирсовой Н.М. Её научный подход и методы исследования успешно применяются при изучении данной проблематики в других

романских языках. Своеобразие глагольной временной системы португальского языка состоит в том, что с точки зрения способа образования в ней существуют два индикативных плюсквамперфекта: синтетический на -га и аналитический с чередующимися вспомогательными глаголами *ter* и *haver*.

Аналитический плюсквамперфект в португальском языке имеет две разновидности, образуемые при помощи разных вспомогательных глаголов. Несмотря на то, что грамматики португальского языка допускают использование в качестве вспомогательного обоих глаголов *ter* и *haver*, известные отечественные и португальские лингвисты указывают на значительное преобладание в этой функции глагола *ter*. Вместе с тем, в языке художественной литературы, наблюдается высокая частотность сложного плюсквамперфекта с *haver*. Проведённый анализ показал, что в этом функциональном стиле употребление форм плюсквамперфекта с этими глаголами имеет авторскую, индивидуально-стилистическую и территориальную обусловленность.

Структурная близость и выявленное тождество грамматического значения сложных форм плюсквамперфекта позволяют считать их грамматическими дублетами. Их основное отличие проявляется в функционально-стилевом аспекте. Форма с *haver* встречается, главным образом, в языке художественной литературы. Плюсквамперфект с *ter* имеет более универсальный характер, так как широко используется и в разговорно-обиходной речи. Функциональные особенности сложных форм обуславливают их стилистическое использование в художественной литературе. При этом форма с *haver* в речи персонажей имеет сниженную, просторечную тональность; форма с *ter* соответствует литературной норме.

В авторском повествовании форма с *ter* придаёт высказыванию «разговорную интонацию», а для формы с *haver* характерна архаичная и возвышенная окраска. Таким образом, эти формы отличаются также и стилистическим своеобразием.

Особенностью португальского языка по сравнению с другими романскими языками (например, испанским и французским) является то, что наряду с образованием аналитической формы плюсквамперфекта, он сохранил синтетическую форму на – *га*, унаследованную от латыни в её индикативном значении. Наше исследование показало, что аналитический и синтетический плюсквамперфект являются синонимами в своём основном грамматическом значении, выражающим действие, предшествующее другому действию или моменту в прошлом. Причём предшествование в обоих случаях может носить контактный(1) и дистантный(2) характер: 1. O padrinho oerguia nesse momento por cima da cabeça do freguês a bacia de barbear que lhe tirara dos queixos... (Antônio de Almeida) O corpo do Vadinho foi depositado no caixão levado para a sala de visitas onde havam improvisado um estrado com as cadeiras. (Jorge Amado) 2. Lembrou-se de que, em criança, perguntara qual seria o destino da sua árvore. (Maria Gabriela Llansol) D.Maria e sua gente puseram-se também em marcha para casa, guardando a mesma disposição com que tinham vindo. (M.Antônio de Almeida)

Общими частными значениями для них являются: претеритальное значение непосредственного предшествования, значение имперфекта / плюсквамперфекта субхунтива. Несколько шире оказался регистр частных значений у плюсквамперфекта на – *га*. Его отличительной чертой выступает способность вступать в синонимические отношения с имперфектом индикатива (имперфектный плюсквамперфект): Abátega,

vindada Ganda, avançava sobre o Calambata e ganhara a planície e as primeiras matas da lixeira (João de Melo).

Различия, обнаруженные между формами плюсквамперфекта в наборе частных значений, в условиях их синтаксической дистрибуции и частоте использования не противоречат требованиям, выдвигаемым для грамматических синонимов. Синонимия простой и сложной форм заложена в системе языка, поэтому они являются парадигматическими синонимами, но их употребление закрепилось за различными функциональными сферами. Так, сложная форма используется, главным образом, в разговорной речи, а простая нашла широкое применение в языке художественной литературы. Вместе с тем наблюдается проникновение сложной формы и в художественную речь, а в разговорном языке встречается форма на – га. Вполне понятно, что такое употребление связано с их стилистическим использованием. Функциональная закреплённость формы на – га и сложной формы с *haver* – за письменной речью, а сложной формы с *ter* – за устной обуславливают те стилистические коннотации, которые сопровождают использование каждой из них в несвойственной для неё речевой сфере. Так, все реализации простой формы в речи персонажей имеют просторечный или диалектный оттенок. Употребление сложной формы с *ter* в авторской речи связано с разговорной манерой повествования.

Системная синонимия синтетического и аналитического плюсквамперфекта в языке художественной литературы широко используется для стилистических целей. Наличие в португальском языке двух форм индикативного плюсквамперфекта свидетельствует о парадигматической избыточности португальской глагольной временной системы.

Лиликович О. С.
(Россия, Москва)

**К проблеме интерпретации художественного текста
(на материале романа Э. Мендосы «Город чудес»)**

Любая коммуникативная ситуация обусловлена наличием – явно или имплицитно – как минимум двух участников: говорящего и слушающего, коммуникатора и реципиента, адресанта и адресата. В современной лингвистике принято считать, что текст является коммуникативным пространством особого типа, однако и в этом случае мы условно можем говорить о диалоге, возникающем между автором и читателем. В рамках данной статьи мы сосредоточили свое внимание на такой коммуникативной ситуации, когда автор и читатель принадлежат к разным лингвокультурным общностям. В основу анализа лег текст романа современного каталонского писателя Э. Мендосы «Город чудес».

В центре повествования – жизнь О. Боувила, чья частная история, по сюжету, тесно связана с событиями в истории развития и становления Барселоны. Время романа условно ограничено рамками двух Международных выставок в Барселоне, состоявшихся в 1888 и 1929 гг.. По тексту романа мы можем наблюдать, какие политические, экономические и технические изменения стали предпосылкой к тому, что Барселона из отсталой провинции постепенно преобразилась в лидирующий по многим показателям регион. В целом, текст романа отличается богатым историческим и культурологическим материалом

Некоторые отечественные специалисты настаивают на том факте, что межкультурное общение возможно и, во многом, успешно, только благодаря тому, что «коммуниканты владеют общим кодом». При этом особо отмечается, что исключена возможность полного понимания или непонимания между коммуникантами по причине

неповторимости человеческого опыта, с одной стороны, и общности определенных аспектов человеческой жизни, с другой. Именно опыт формирует компетенцию, благодаря которой иноязычный читатель дешифрует код авторского послания и интерпретирует его, адаптируя под знакомую ему действительность. Под интерпретацией мы подразумеваем не только перевод или последовательное комментирование. Мы подходим к интерпретации в широком смысле: интерпретация *«всегда»* есть осознанная или неосознанная попытка преодолеть *дистанцию* между культурой реципиента и той культурой, в которой существует текст» (курсив наш). Именно дистанция, а точнее – обнаруживаемые смысловые и культурологические различия, предопределяют уровень понимания иноязычного художественного произведения. В этнопсихоллингвистике различия такого рода называются лакунами. При переводе текста носителем иной культуры «элиминация» лакун происходит либо путем заполнения (раскрытия смысла), либо при помощи компенсации, когда «в текст в той или иной форме вводится специфический фрагмент культуры реципиента».

Большой объем географических, исторических, культурологических данных, мало знакомых иностранному читателю, затрудняет процесс общего восприятия текста романа «Город чудес». И если исторические события почти всегда сопровождаются авторским толкованием, то значение некоторых культурологических реалий специально не комментируется. Например, дважды в тексте мы встречаем название традиционного мясного блюда – *escudella I carn d'olla*, распространенного не только на территории Каталонского Автономного Сообщества, но и на Балеарских островах, в Валенсии и Андорре. В оригинальном тексте сохранено написание на каталонском языке, что наводит на мысль о том, что испаноязычный

читатель, скорее всего, хорошо знаком с этой кулинарной традицией. В русскоязычном варианте, выполненном И. Плахиной, при первом употреблении переводчик, выделяя курсивом название, воспользовался методом заполнения, вводя контекст-пояснение, чтобы читатель имел общее представление о рецептуре блюда.

Сравним:

Исп.: “... habían hecho, según se decía, escudella i carn d’olla con los huesos de los santos”.

Рус.: «... варили ... в глиняных горшочках похлебку из святых мошей, называя это блюдо *escudella I carn d’olla*».

В то же время, во втором эпизоде, когда это традиционное блюдо на почетном обеде дегустирует князь Юсупов, название также выделено курсивом, но уже сопровождается отдельной послетекстовой ссылкой. Вероятно, в этом контексте переводчик счел более целесообразным прибегнуть именно к такому способу интерпретации.

В результате анализа мы пришли к выводу, что факт принадлежности конкретного произведения к иной культуре почти всегда создает необходимость дополнительно интерпретировать и адаптировать для иностранного читателя ключевые понятия. При работе с аутентичным текстом часто это условие создает бóльшую сложность для понимания смысла, чем необходимость чтения текста непосредственно на иностранном языке.

Литягина Е.А.
(Россия, Москва)

Спанглиш бизнес-терминология как лингвистическое явление

В связи с глобализацией и процессами иммиграции, увеличения латиноамериканского населения в США, что привело в действие процесс смешения культур, в настоящее время происходит быстрое развитие и внедрение спанглиша, который начинает широко употребляться в сфере переговоров и торговли. Спанглиш – гибридный язык, встречающийся в разговорной речи, морфосинтаксическая и семантическая смесь испанского и американского английского языков¹, который приобретает все большее распространение не только в устной, но и письменной форме. Однако существуют разные точки зрения на явление «спанглиш». Преподаватель испанского языка в Амхерстском университете А. Ставанс назвал «спанглиш» новым языком, продуктом творчества на стыке двух культур, «вербальной встречей англосаксонской и испанской цивилизаций»². Испанский ученый Э.Ф. Фернандес утверждает, что спанглиш следует изучать более серьезно в связи с тем, что даже испанские академические словари включают такое слово, как «bisnes», в испанской транскрипции.

Королевская академия испанского языка объявила, что к 2014г. слово «espanGLISH» попадет в словарь³. Академик Г. Пинья-Розалес считает, что будущее спанглиша – не в Испании, не в Мексике и не в Латинской Америке, а в США. В Академии слово «espanGLISH» определяют как форму речи, которая сочетает деформированные

¹El Diccionario de la lengua española (DRAE) 22ª edición.

²См.: Stavans I. Impulsor del Spanglish desafía a profesores, traductores y lingüistas. Second Seminar on the Transatlantic Dimension of the Spanish Language. Nueva York, 2001, URL: <http://www.casadellibro.com/palabra>

³El Diccionario de la lengua española (DRAE), 22ª edición.

элементы лексики и грамматики из двух языков: испанского и английского.

Сегодня испаноговорящее население США составляет приблизительно 40 миллионов человек, а торговые и бизнес-связи между данным государством и странами Латинской Америки становятся чаще не только в силу географического соседства, но и в силу постепенного набора темпа экономического роста последних. Как следствие, интенсивно ведутся бизнес-переговоры с участием представителей англо- и испаноговорящего населения, а это, в свою очередь, приводит к заимствованию бизнес-терминологии, а иногда – ее деформации. В связи с этим теперь, наряду с английской и испанской бизнес-терминологией, можно говорить и о бизнес-терминологии в сфере такой языковой реализации, как «спанглиш». Следует привести пример, включающий спанглиш бизнес-терминологию: “Una señora deja su bolso de nobuk en el closet del hall del club empresarial donde voy a dar un speech. En el living me saluda el presidente de un holding que fabrica chips, y me presenta al director de marketing, el cual afirma trabajar full time y manifiesta estar obsesionado por el exceso de stocks, por lo que ha decidido montar un stand en la feria sectorial.” Половина терминов, встречающихся в данном отрывке, взяты из бизнес-английского (holding, marketing), другая половина – из бизнес-испанского (presidente, director, feriasectorial).

Принято считать, что в основе спанглиша лежит испанский, так как в нем преобладают именно испанская грамматика, синтаксис и способ выражения мысли в предложении. Основная же масса английских слов или трансформированных английских заимствований это – существительные. Поэтому спанглиш можно считать испанским языком, который вобрал в себя английскую лексику, оставив ее в том же виде или модифицировав.

Согласно классификации профессора В.С. Виноградова, неологизмы разделяются на несколько групп, некоторые из которых стоит рассмотреть в контексте бизнес-спанглиша: неассимилированные англицизмы – слова (briefing (инструктаж), e-mail (электронное письмо), offshore (оффшор, поставщик услуг из-за рубежа), know-how (ноу хау) и ассимилированные англицизмы - слова (grocería (бакалейная лавка), gasería (бензозаправка), computadora (компьютер), aseguranza (страховка).

Очевидно, что любой процесс не может происходить без появления новых сложностей. В случае со спанглишем это тесно связано с проблемой ложных синонимов или так называемых «ложных друзей переводчика». Это – слова, которые имеют одинаковое или похожее написание, но обозначают разные вещи в двух языках, некоторые из них являются омонимами: lecture, meeting-conference (интервью, конференция) sesión, entrevista, conferencia; (адрес) address, direction – dirección (направление) dirección и др.

Поскольку мы живем в совершенно новой лингвистической ситуации, мы должны понимать, что язык – это живое отражение всех тенденций и социально-исторических процессов, происходящих в обществе. Спанглиш – это продукт латиноамериканского лингвистического менталитета, это – языковой код, очень практичный и необходимый для коммуникации и связи между двумя разными культурами. Спанглиш бизнес-терминология ежедневно пополняется в силу актуальности и активного внедрения данного языка в одну из самых развитых на сегодняшний день сфер человеческой деятельности, бизнес, поэтому данный вопрос в будущем может и должен быть изучен более подробно.

Лутеро Т.
(Россия, Москва)

**Важность сопоставления видовременных систем в преподавании
видовременных отношений (на материале русского и
итальянского языков)**

Категория вида глаголов является одной из наиболее значимых трудностей при изучении и овладении русским языком как иностранным, в том числе для носителей итальянского языка, в котором этой категории. В свою очередь, использование системы глагольных времен итальянского языка – сложная задача для носителей русского языка

При анализе употребления итальянских глагольных временных форм можно выделить информацию о перфективности или неперфективности описанного действия. Однако, совершенный вид в русском языке не всегда соответствует перфективному значению в итальянском языке.

В данной работе подчеркивается важность сопоставления итальянской системы глагольных времен и русского вида глагола при преподавании итальянского языка русскоговорящим студентам, и наоборот. Исследование основывается на замечаниях различных ученых по этой тематике, результатах проведенного нами анализа глагольных форм прошедшего времени и на личном преподавательском опыте.

Как показывает практика, в процессе обучения взрослые студенты неизбежно сравнивают родной язык с языком обучения, что часто приводит к ошибочным предположениям. Например, многие русскоговорящие учащиеся однозначно относят итальянское прошедшее время Imperfetto к несовершенному русскому виду и всегда употребляют его в тех случаях, когда в русском языке

встречается несовершенный вид. Тем не менее, это не всегда так, поскольку общефактичному употреблению русских глаголов несовершенного вида русского языка часто соответствует другая форма прошедшего времени – Passato Prossimo. Ср.: «Ты когда-нибудь смотрел этот фильм?» = «Hai mai visto questo film?». Однако, многие русскоговорящие учащиеся на первом этапе изучения итальянского языка при переводе используют Imperfetto: «*Vedevi mai questo film?».

При помощи сопоставительного анализа преподаватель должен управлять процессом сравнения изучаемого языка и родного языка учащихся. С нашей точки зрения, самым эффективным способом является не подробное объяснение теоретических положений, а непосредственное ознакомление студентов с конкретными примерами. Например, Passato Prossimo часто относится русскоговорящими студентами исключительно к совершенному виду. Это время было отнесено к совершенному виду, что оправдано употреблением этой временной формы для выражения единичного действия с конкретно фактическим значением. Однако в итальянском языке Passato Prossimo часто употребляется для выражения конкретного опыта в прошлом. В этом случае, при переводе на русский язык следует использовать глаголы несовершенного вида с обобщенно фактическим значением. Кроме этого Passato Prossimo выражает действие, начавшееся в прошлом и продолжающееся во время высказывания, тогда как по-русски употребляется несовершенный вид с конкретно процессным значением. Полезным будет привести студентам конкретные примеры:

Negli ultimi due mesi, Bernardo ha vissuto Последние два месяца Бернардо жил в in condizioni molto disagiati. очень тяжелых условиях.

Мы поддерживаем применение сравнительного перевода при обучении иностранным языкам. Как утверждают многие сторонники применения функционально-коммуникативного метода при обучении студентов (Комиссаров В.Н., Павлова И.П., Сальмон Л.), устный перевод помогает не только развивать переводческие навыки, но и сознательно овладевать иностранным языком. В частности, перевод помогает студентам понять семантические особенности временных форм глагола или вида. Например, с помощью перевода итальянский и русский учащиеся могут усвоить, что *Passato Prossimo* в переводе на русский язык может передаваться не только глагольными формами совершенного вида.

Мартыненко И.А.
(Россия, Москва)

К вопросу об испаноязычной топонимике США

Территория США представляет собой несомненный интерес для топонимических исследований, во-первых, потому, что топонимическая система этой страны в больших масштабах начала формироваться относительно недавно, с XVIII в., и все этапы ее становления хорошо прослеживаются и документированы. Во-вторых, показательно то, что США заселялись выходцами из различных стран, носителями разных языков. Специфика американской топонимии и в том, что миграционные потоки шли в США с разных территорий, здесь смешивались «топонимические модели и топонимические вкусы».

Отдельный интерес представляет испаноязычная топонимика. В Соединенных Штатах много географических названий испанского происхождения, что обусловлено историческими событиями с эпохи

плаваний Колумба до наших дней. Наибольшее количество испаноязычных топонимов находится в штатах Нью-Мексико, Флорида, Калифорния, Невада. В меньшем количестве их можно наблюдать в штатах Техас, Аризона, Орегон и Юта. В 1536г. на территории современного Нью-Мексико появились испанцы Кабеса де Вака и Эстабанико. В конце 1530-х гг. сюда в поисках легендарных золотых запасов Сиболы пришли миссионеры-францисканцы. В 1540-1542гг. здесь побывала экспедиция Франсиско Васкеса де Коронадо. С 1605г. испанская провинция Новая Мексика с центром в Санта-Фе стала входить в состав вице-королевства Новая Испания. Большое влияние на данный аспект оказала и американо-мексиканская война 1846-1848 гг.

Среди множественных топонимов (обслуживающих одну небольшую коммуникативную сферу, но с успехом применяемых и в других) можно выделить города *Albuquerque*/Альбукерке, *Valencia*/Валенсия и *Santa Fe*/Санта-Фе в штате Нью-Мексико. Ведь известно, что города с точно такими же названиями есть и в далекой от США Испании. Город *Alhambra* /Альгамбра в Калифорнии назван по одноименной крепости в Гранаде (Испания).

Множество испаноязычных географических названий в Америке по своему происхождению связаны с именами собственными, напр. названия округов штата Флорида: *Hernando* (в честь Э. де Сото, испанского мореплавателя и конкистадора), *Leon* (в честь Х. Понсе де Леона, испанского конкистадора, который основал первое европейское поселение на территории Пуэрто-Рико и во время поисков источника вечной молодости открыл в 1513г. Флориду), *Pasco* (в честь С. Паско, сенатора США начала XX века) и др.

Также следует отметить большое количество названий, по своему происхождению связанных с именами Святых, почитаемых

католиками: *San Anselmo*/Сан-Ансельмо, *San Bernardino*/Сан-Бернардино, *San Bruno*/Сан-Бруно, *San Carlos*/Сан-Карлос, *San Climente*/Сан-Клименте, *San Diego*/Сан-Диего, *San Dimas*/Сан-Димас, *San Fernando*/Сан-Фернандо, *San Francisco*/Сан-Франциско, *San Gabriel*/Сан-Габриель, *San Joaquin*/Сан-Хоакин и мн. др.

Особняком стоят так называемые топонимы-гибриды, «получившиеся» в результате слияния, синтеза испанских и английских названий: *Bosque Farms*/ Боске-Фармз, *Amador City*/Амадор-Сити, *Del Rey Oaks*/Дель-Рей-Оукс, *East Palo Alto*/Ист-Пало-Альто, *Hermosa Beach*/Эрмоса-Бич, *La Cañada Flintridge*/Лаканьяда-Флинтридж, *Los Altos Hills*/Лос-Альтос-Хиллз, *Mission Viejo*/Мишн-Виехо, *Monterey Park*/Монтерей-Парк, *Moreno Valley*/Морено-Валли, *Palos Verdes Estates*/Палос-Вердес-Эстейтс, *Redondo Beach*/Редондо-Бич, *South San Francisco*/Саут-Сан-Франциско, *Oro Valley*/Оро-Валли и многие др.

Нам бы также хотелось выделить топонимы с этимологией, относящейся к имени Х. Колумба (исп. Cristóbal Colón) — испанского мореплавателя итальянского происхождения, в 1492г. открывшего для европейцев Америку. В честь мореплавателя в 1791г. получил название целый округ, он называется Колумбия (Columbia). В США так называется река, впадающая в Тихий океан. Устье реки открыл в 1792г. американский мореплаватель Р. Грей на судне «Колумбия», в честь которого и была названа эта река. На территории штата Орегон расположено обширное плато, которое также называется Коламбия. В США имеется большое количество населённых пунктов с названием Колумбия или Коламбия. Крупнейшие из них: Колумбия – город в США, столица штата Южная Каролина; Колумбия (Миссури), Колумбия (Мэриленд), Колумбия (Пенсильвания) и Колумбия

(Теннесси). Крупнейший университет Нью-Йорка носит название Колумбийского.

Изучение вышеописанного опыта вариативности испанского языка на топонимическом материале североамериканского континента представляет особую ценность для романского, сравнительно-типологического и общего языкознания.

Масленникова А.А.
(Россия, Москва)

**К вопросу о применении некоторых мультимедийных технологий
(wiki-технологий) при обучении иностранному языку**

Компьютерные технологии все больше проникают во все сферы человеческой деятельности, образуя глобальное информационное пространство. Информатизация и компьютеризация образования являются неотъемлемой и важной частью этих процессов. Процесс становления новой системы образования связан с внесением корректив в содержание адекватных современным техническим возможностям технологий обучения.

В настоящее время международными образовательными учреждениями накоплен большой опыт в разработке условий перехода на современные информационные технологии и намечены пути вхождения отечественной системы образования в мировую информационно-образовательную среду:

- совершенствование базовой подготовки учащихся средних и высших учебных заведений по современным информационным технологиям;
- переподготовку преподавателей в области современных информационных технологий;

- информатизацию процесса обучения и воспитания;
- оснащение системы образования техническими средствами информатизации;
- создание современной национальной информационной среды и интеграция в нее учреждений образования;
- создание на базе современных информационных технологий единой системы дистанционного образования;
- участие в международных программах, связанных с внедрением современных информационных технологий в образование. [3]

Последние достижения в области информатизации, ее средств и методов предоставляют системе образования широкий спектр web-ресурсов, flash - технологий, блогов, сайтов, wiki - ресурсов, систем контроля, таких как scorm /aicc пакетов, программу для дистанционного обучения Moodle и т.д.

Эти технологии позволяют:

- значительно повысить эффективность работ во всех видах образовательной деятельности, получать больший эффект при одинаковых с традиционными технологиями затратах;
- сократить разрыв между количеством людей, желающих получить образование, и возможностями системы образования предоставить его;
- объединить усилия и организовать совместное творчество как отдельных учащихся, так и целого их коллектива, не производя фактически никаких физических перемещений и дополнительного обеспечения учебными площадями, используя, например, технологию wiki – страниц – мультимедийного продукта, которое по силе информационного воздействия на всех этапах образования занимает далеко не последнее место.

Для каждого wiki-ресурса разрабатывается сценарий и интерфейс с привлекательным дизайном, продумывается система гиперссылок и поиска, позволяющая быстро получить необходимую информацию, а при необходимости и распечатать ее, что создает синтез различных видов информации.

Создание wiki-страниц стало возможным в связи со стремительным развитием компьютерной техники, в частности, выпуском скоростных процессоров, быстродействующих дисков большой емкости, блоков оперативной памяти и соответствующего программного обеспечения. Особую роль играют универсальные форматы представления графической и аудиоинформации и средств их упаковки, позволяющие разместить огромные массивы информации в компактном виде.

Использование wiki-страниц позволяет наряду с обеспечением традиционных педагогических процессов (выдача индивидуальных заданий, объяснение и демонстрация учебного материала, подготовка отчетов) перейти к решению новых задач, таких как формирование элементов корпоративной информационной культуры, практическое знакомство с основами информационной и компьютерной безопасности.

Влияние wiki-технологий на развитие образовательного процесса отражает смену парадигм учения в индустриальном и постиндустриальном обществе. Прежде всего, меняются ценности: учение становится средством самореализации и достижения личной карьеры, соответственно обучающиеся, заинтересованные в учении, получают удовольствие от достижения результатов. Обучающие же, в свою очередь, освободившись от рутинных видов деятельности, получают возможность комфортно и с удовольствием общаться со

студентами. В новых условиях ответственность за учение возлагается в большей степени на самих обучающихся.

Wiki-платформа является удобным средством реализации описанных выше процессов, так как в ней существуют механизмы «массового» обсуждения появившихся

проблем; встроенные средства форматирования и создания шаблонов позволяют упорядочить оставляемую на сайте информацию и некоторым образом унифицировать вид однотипных статей; отсутствует необходимость использовать специальные редакторы для форматирования и размещения информации на сайте.

Опыт создания и использования wiki-страниц на кафедре иностранных языков филологического факультета РУДН показал, что у такого рода проектов есть и свой недостаток – недостаточная гибкость настройки параметров безопасности сайта: т.к. каждый пользователь имеет право на редактирование страниц проекта возникает необходимость, аргументировать каждую правку.

Положительным моментом таких проектов является возможность свободного представления результатов своей работы и открытый

доступ к ним своих коллег, что стимулирует формирование у студентов ответственного отношения к выполнению поставленных задач. Работа в

корпоративной среде способствует воспитанию корпоративной этики и ответственности.

Таким образом, wiki-технология привносит черты инновационного обучения:

- открытость обучения будущему;
- формирование способности к предвосхищению на основе постоянной переоценки ценностей;
- формирование способности к совместным действиям в новых ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C2%E8%EA%E8>
2. <http://wiki.uspi.ru/index.php/>
3. <http://tedupol.spbstu.ru/wiki/Wiki-technology-about-1>

Медведева К.О.
(Россия, Москва)

Проблемы межкультурной коммуникации в современных условиях

Российская Федерация представляет сложную этническую структуру, состоящую из более 100 этносов и этнических групп. В школах и вузах страны учатся дети разных национальностей. Освоение, понимание и принятие менталитета рядом проживающих народов – важное требование времени.

Межкультурная коммуникация – общение между представителями различных культур. Особенности межкультурной коммуникации изучаются на междисциплинарном уровне и в рамках таких наук, как культурология, психология, лингвистика, этнология, антропология,

социология, каждая из которых «использует» свои подходы к их изучению. Считается, что это понятие введено в 1950-х гг. американским антропологом Э. Т. Холлом.

Как научная дисциплина, межкультурная коммуникация отличается двумя характерными особенностями: прикладным характером (цель – «облегчение» коммуникации между представителями различных культур, снижение конфликтного потенциала) и междисциплинарностью. Исследования по межкультурной коммуникации в последнее время приобретают всё большее значение в связи с процессами глобализации и интенсивной миграции. Основное внимание исследователей, как правило, сосредоточено на выработке умений и навыков межкультурного общения. Несмотря на активное внимание, которое проявляется к формированию межкультурной компетенции учащихся, проблема становления личности, компетентной в межкультурной коммуникации, изучена не достаточно. Многие педагоги и методисты говорят, прежде всего, о формировании межкультурной компетенции во время обучения в высших учебных заведениях, хотя сегодня дети знакомятся и «проникаются» иностранной культурой зачастую до окончания школы. Из этого следует сделать вывод, что межкультурную компетенцию нужно активно формировать еще в школе.

Различие мировоззрений является одной из причин разногласий и конфликтов в межкультурной коммуникации. В одних культурах цель взаимодействия важнее, чем само общение, а в других – наоборот.

Приведем пример на разное восприятие одной и той же ситуации представителями разных этносов. В магистратуре Университета в Западном Кентукки был проведен тест, состоявший из единственного

вопроса: “Если Ваш единокровный брат совершит противоправное действие, сообщите ли Вы об этом правоохранительным органам?” Американцы и представители стран Западной Европы ответили утвердительно, считая уведомление правоохранительных органов своим гражданским долгом. Против был единственный представитель России и два мексиканца. В отличие от американцев и европейцев, донос на родного брата воспринимался ими как верх морального падения. К чести доктора С. Гармон, проводившей тест, инцидент был исчерпан. Она объяснила, что и тот, и другой ответ не плох и не хорош сам по себе. И тот, и другой надо принимать в контексте той культуры, которую представляет отвечающий.

Главное препятствие, мешающее успешному общению, состоит в том, что мы воспринимаем другие культуры через призму своей культуры, поэтому наши наблюдения и заключения ограничены ее рамками. Отсюда напрашивается вывод, что эффективная межкультурная коммуникация не может возникнуть сама по себе, ей необходимо целенаправленно учиться и обучать.

Микитченко С.П.

(Россия, Нижневартонск)

Культурологический подход к обучению студентов иностранному языку в контексте межкультурной коммуникации

Одной из целей обучения иностранному языку в вузе является подготовка специалиста, способного к успешному осуществлению межкультурной коммуникации посредством формирования у студента умений и навыков общения с представителями различных культур. Эта цель успешнее достигается посредством реализации культурологического подхода. Согласно этому подходу, развитие

культуры представляет собой противоречивый процесс взаимодействия «двух культур», каждая из которых выражает свои интересы и цели.

В диалогической концепции культуры (М.М.Бахтин, В.С.Библер) отмечается, что осмысление культуры возможно лишь через точки соприкосновения различных, отличающихся друг от друга культур.

По мнению Библера В.С., культура как диалог « ... предполагает неразрывное сопряжение двух полюсов: полюса диалогичности человеческого сознания и полюса диалогичности мышления». В связи с этим автор отмечает, что « ... современное мышление строится по схематизму культуры, когда «высшие» достижения человеческого мышления, сознания, бытия вступают в диалогическое общение с предыдущими формами культуры ... – в диалоге разных культурных смыслов бытия, – суть современного понятия, современной логики мышления».

Бондаревская Е.В., при проектировании процесса обучения, ориентированного на развитие человека как субъекта культуры, отмечает, что культурологический подход многими исследователями рассматривается в качестве одного из значимых методологических оснований новой парадигмы образования, который «...предписывает поворот всех компонентов образования к культуре и человеку как ее творцу и субъекту, способному к культурному саморазвитию».

В этой связи, целью обучения студентов иностранному языку в контексте межкультурной коммуникации является развитие личности студента как субъекта деятельности, субъекта общения, культурно-исторического субъекта, приобщаемого к иной культуре и, соответственно, к более глубокому осознанию своей собственной культуры. При этом, особенностью содержания обучения в контексте культурологического подхода, является то, что культура вводится как

объект обучения иностранному языку и рассматривается как основное содержание обучения, наряду с языком.

Поэтому, содержание и процесс обучения могут быть представлены как диалог культур, поскольку все, что происходит в процессе обучения иностранному языку, отражает иностранную культуру, «...за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием...представление о мире» (С.Г. Тер-Минасова).

Культура по И.Я. Лернеру, усваивается в форме трех аспектов: знаний, прагматических умений (аспект деятельности), ценностных отношений. Знания являются основой для формирования картины мира, которая помогает понять мир и явления культуры. В современной педагогике, культура определяется как «...социальный опыт, накопленный человечеством и включающей знание, способы репродуктивной и творческой деятельности, систему эмоционально-ценностных отношений к миру, к окружающей действительности».

Входя в мир культуры, учащиеся осуществляют исследовательскую, творческую деятельность, связанную с анализом и синтезом различных, изучаемых предметов, с экспериментированием и апробацией возможных способов преобразования различных ситуаций.

Возникает педагогическая задача специальной *организации содержания* обучения иностранному языку. Рассмотрим это на примере решения проблемных задач для обучения студентов говорению на иностранном языке.

Проблемные задачи рассматриваются как форма передачи культуроведческого содержания в ситуации межкультурного взаимодействия, и как само содержание (проблемные задачи, поисковые умения). При этом, студент – это субъект культуры, способный понимать, принимать и уважать другие культуры, а также

самореализовываться в диалоге с другими культурами. Приобретая опыт диалога с другой культурой и, таким образом, приобщаясь к концептуальной системе иного лингвосоциума, в сопоставлении с собственным, студенты приходят к пониманию и принятию сходств и различий между двумя культурами в процессе формирования «картины мира».

Взаимодействуя с иной культурой, студенты приобретают не только определенный опыт, но и новые знания о мире как источник понимания мира и самого себя как части этого мира.

Молчанова И.И.
(Россия, Москва)

Формирование коммуникативной компетентности у студентов неязыковых вузов

Современная Россия переживает большие перемены в экономической, социальной и культурной жизни, которые задают новые ориентиры во всех ее сферах, в том числе, и в образовании. Модернизация страны невозможна без модернизации образования, его содержательного и структурного обновления.

Главной целью профессионального образования должна стать подготовка высококвалифицированного специалиста, конкурентоспособного на рынке труда, владеющего в совершенстве профессией, способного ориентироваться в смежных областях деятельности, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности.

Гарантом конкурентоспособности будущего специалиста на рынке труда может стать именно формирование коммуникативной компетентности.

Такие факторы, как уровень сформированности коммуникативной компетентности у студента на момент поступления в вуз, необходимость создания устойчивой мотивации на ее дальнейшее развитие, активность личности в данном процессе определяют создание необходимых педагогических условий, которые обеспечивали бы целостность развития коммуникативной компетентности студентов.

Формирование коммуникативной компетентности у студентов неязыкового вуза осуществляется в следующей последовательности: от уровня, который можно определить как допустимо-нормативный, к уровню функциональному и уровню деятельностно-преобразующему. Рассмотрим характеристики каждого из перечисленных уровней.

Допустимо-нормативный уровень отличается неумением студента отстаивать свое мнение, преобладанием у студента трудностей в установлении контактов, в совместной деятельности и в выступлениях перед аудиторией, ошибками в грамматических и синтаксических структурах и др.

Функциональный уровень характеризуется стремлением студента к контактам с окружающими, умением отстаивать свое мнение, способностью планировать свою работу и работу в группе, владением в достаточной мере вербальными и невербальными средствами и пр.

Деятельностно-преобразующий уровень отличается тем, что студент хорошо контактирует, часто проявляет инициативу в установлении контактов, с удовольствием участвует в общественной жизни, в сложной ситуации принимает самостоятельные решения,

отстаивает свое мнение и добивается, чтобы оно было принято, в полной мере умеет строить свои высказывания в соответствии с речевыми нормами родного и иностранного языков

Безусловно, образовательный процесс должен быть нацелен на достижение деятельностно-преобразующего уровня сформированности коммуникативной компетентности студентовнеязыковых с учетом индивидуальных способностей и возможностей каждого обучающегося. Данную задачу возможно решить при условии, что в ходе личностно-ориентированного образовательного процесса будет обеспечена активная учебная деятельность студента, способствующая развитию необходимых (недостающих) коммуникативных знаний, умений и навыков.

Мордвинова Е.С.
(Россия, Москва)

Портрет современных французских СМИ

Уже в XIX столетии язык французских печатных изданий представлял собой удивительный «театр языковой вольности», так его описывает барон Осман, во многом определивший современный облик Парижа. Сравнение театра с медийным пространством не так уж сложно объяснить: как театр изобилует декорациями, костюмами, так и язык СМИ демонстрирует удивительное разнообразие стилей и жанров.

Известный американский социолог Э. Гоффман в своей книге «Драматургический подход к взаимодействию людей» буквально подошел к пониманию крылатой фразы «наша жизнь – театр, а люди в нем актеры». По его мнению, принимая на себя разные социальные роли, мы словно примеряем маски, чтобы лучше соответствовать

коммуникативной ситуации. Подобное поведение показывает, насколько важную роль в нашей жизни играет умение адаптироваться. Так любые изменения в обществе, будь то смена политического режима, новые тенденции в моде или же появление нового гаджета, находят отражение в средствах массовой информации.

Однако для языка современных французских массмедиа характерно не только употребление неологизмов и стремление передать разговорный стиль. Наблюдается и противоположная тенденция: консервативность в плане сохранения языковой нормы. С одной стороны существует Французская академия, которая стоит на страже нормативного французского языка, а с другой - Генеральная Делегация по французскому языку, которая занимается вопросами терминологической неологии и феминизации. Издаются новые словари, обновляются версии уже существующих словарей, публикуются списки новых слов, ведется активная борьба за использование французских эквивалентов вместо англицизмов. Все это находит отражение в языке средств массовой информации. Причем этот процесс обладает двусторонним характером: СМИ отражают изменения в языке и в то же время помогают закрепить в норме более подходящие названия новых понятий, отдавая предпочтение французским вариантам. Подобное состояние дел позволяет говорить о тенденции к обогащению за счет неологизмов и упрощению языка. Тем не менее, в случае Франции мы параллельно наблюдаем тенденцию к борьбе за сохранение уже существующих языковых норм и традиций. Этот конфликт между традициями и инновациями является, по мнению французского лингвиста Мартине А., двигателем эволюции языка. В первую очередь языковые изменения касаются лексики, в грамматике и фонетике этот процесс протекает медленнее.

Поскольку язык СМИ находится в постоянном развитии, зависит от научно-технического прогресса, соединяя, таким образом, элементы прошлого и настоящего в единое, с лексической точки зрения он интересен неологизмами, фразеологизмами, аллюзиями, каламбурами. Со стилистической точки зрения язык СМИ неоднороден, и к нему не применим как единственный описывающий его ранее термин «публицистический стиль». Н. Челотти в статье «Вариации и инновации в языке печатной прессы» приходит к выводу, что описать стиль массмедиа представляется крайне сложной задачей, поскольку каждое информационное издание стремится отличаться от других, создавая свой стиль на вербальном и невербальном уровне. Этот стиль отличается особой подвижностью. Н. И. Клушина, изучая язык СМИ, утверждает, что сегодня в нем находят отражение элементы как публицистического, так и художественного, функционально-делового, и научного стилей. Для языка СМИ важное значение имеет образность текста, но в то же время широко используются стандартные фразы и клише. Именно «чередование экспрессии и стандарта» она, вслед за В. Г. Костомаровым, считает его главной особенностью. Соотношение различных функциональных стилей будет определяться темой публикации, целевой аудиторией и личными стилистическими предпочтениями автора. Тем не менее, по мнению Н. Челотти можно выделить 3 основных общих элемента французской прессы: сохранение в цитатах авторского стиля, что придает тексту экспрессивный характер и привносит маркеры разговорной речи, выражающиеся, в том числе и в ломаном синтаксисе; экспрессивная пунктуация, имитирующая живое общение; активное использование паралингвистических средств, например, фотографий и карикатур, для того, чтобы придать дополнительный смысл печатному слову, а в

некоторых ситуациях, когда количество знаков ограничено, и вовсе его заменить.

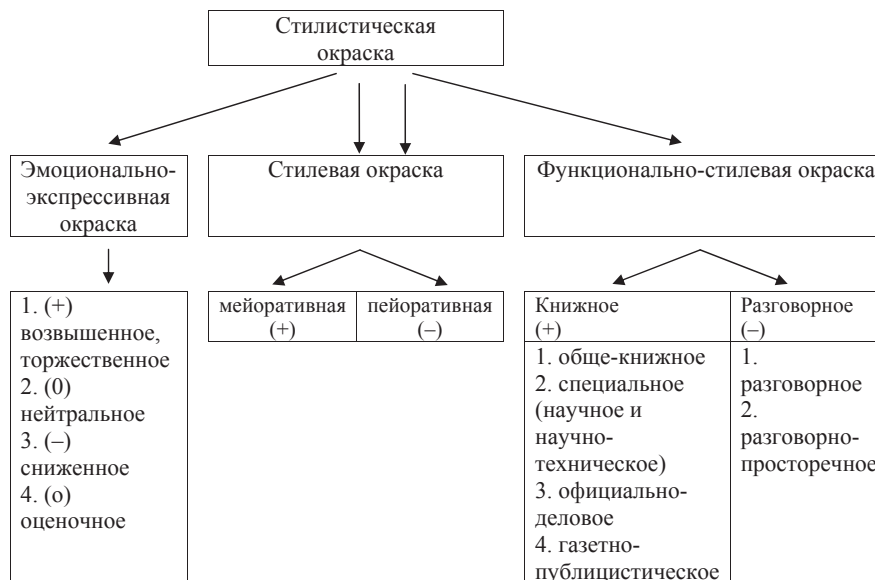
Сегодня круг, изучаемых явлений стал значительно шире благодаря глобализации и широкому использованию коммуникативных технологий в повседневной жизни. Из-за возросшей роли разговорного языка и молодежного сленга, смешения жанров и стилей в языке СМИ не только растет числом заимствований и неологизмов, но и происходит ряд структурных изменений: на письме сохраняются маркеры устной речи, широко используется Интернет-жаргон. В этой связи при изучении лингвистических особенностей современного языка СМИ необходимо использовать подходы смежных дисциплин, анализируя исторические, культурные и политические факторы.

Несова Н.М.
(Россия, Москва)

Стилистическая окраска слова и стилистические пометы в толковых словарях русского языка

Стилистическая окраска слова в русском языке состоит из следующих компонентов: 1) стилистическая окраска, раскрывающая экспрессивно-эмоциональное содержание речи, т.н. *эмоционально-экспрессивная окраска*; 2) стилистическая окраска, указывающая на область общественного применения языкового средства, т.н. *функционально-стилевой компонент*.

Стилистическую окраску слова можно представить как синтез эмоционально-экспрессивной и функционально-стилевой окрасок в виде таблицы:

Эмоционально-экспрессивная и функционально-стилевые окраски – разные стороны одного явления. Их различие заключается в том, что отдельные слова, обладающие определенной функционально-стилевой окраской, могут быть лишены окраски эмоционально-экспрессивной; это научные и научно-технические термины, слова официально-делового стиля.

Реже, но встречается её противоположное соотношение: нейтральные слова обладают эмоционально-экспрессивной окраской. Существует также и *нулевая окраска*. Это как бы «стилистический ноль», который тоже значим – в противопоставлении «стилистическим плюсам» (высокому и книжному) и «стилистическим минусам» (фамильярному, разговорному). Используя шкалу стилистических противопоставлений из трех делений: плюс (+), ноль (0), минус (-), можно получить при оценке одного слова с точки зрения выше указанных окрасок различные виды соотношений.

Рассмотрим данные соотношения на примере лексики из Большого толкового словаря русского языка под редакцией С.А. Кузнецова (2004).

В словаре используются четыре ряда стилистических помет:

1) пометы, характеризующие книжную форму современного языка: *книжн.* (книжное) – для слов, которые используются преимущественно в текстах и в сфере интеллектуального общения; *офиц.* (официальное) – для слов, употребляющихся в текстах и документах различных государственных и правительственных органов; *публиц.* (публицистическое) – для слов, употребляющихся в средствах массовой коммуникации с целью определенного эмоционального воздействия; *трад.-поэт.* (традиционно-поэтическое) – для слов, традиционно используемых классиками русской поэзии; *нар.-поэт.* (народно-поэтическое) – для слов, сохраняющих связь с фольклорной поэзией и употребляющихся в современных текстах для оживления такой связи; *трад.-лит.* (традиционно-литературное) – для слов, характерных преимущественно для художественной речи; *спец.* (специальное) – для слов-терминов с широкой сферой употребления; пометы, характеризующие разговорную форму современного языка: *разг.* (разговорное) – для слов, употребляющихся как средство непринужденного общения, в том числе в деловой или официальной обстановке; *разг.-сниж.* (разговорное сниженное) – для слов, содержащих намеренно грубоватую экспрессию; *фам.* (фамильярное) – для слов, указывающих на принадлежность к традиционному крестьянскому быту или к традиционным формам крестьянской речи и привносящих в литературный язык русский фольклорный колорит; *нар.-разг.* (народно-разговорное) – для слов, указывающих на принадлежность к ненормированной народной речи и используемых в текстах как средство сниженной экспрессии; *проф.* (профессионально-

разговорное) – для слов, используемых в литературном языке как средство имитации условного языка каких-либо социальных групп; 3) пометы, характеризующие хронологическое расслоение лексики: *устар.* (устарелое) – для слов, вышедших из употребления и используемых как выразительное средство имитации речи прошедших эпох; *ист.* (историческое) – для слов, обозначающих реалии и понятия старины; 4) пометы, передающие эмоционально-экспрессивную оценку: *высок.* (высокое) – для слов, передающих экспрессию приподнятости, торжественности; *одобр.* (одобрительное) – для слов, содержащих одобрение, похвалу; *ласк.* (ласкательное) – для слов, передающих ласковое, доброе отношение; *почтит.* (почтительное) – для слов, передающих уважительное отношение говорящего к другому лицу; *шутл.* (шутливое) – для слов, содержащих забавную, несерьезную, шутливую оценку; *неодобр.* (неодобрительное) – для слов, содержащих негативную оценку, неприятие чего-либо; *ирон.* (ироническое) – для слов, употребляемых с целью насмешки; *пренебр.* (пренебрежительное) – для слов, содержащих оценку снисходительного порицания с оттенком высокомерия; *уничиж.* (уничижительное) – для слов, передающих оттенок крайней пренебрежительности, уязвляющих адресата высокомерной презрительностью; *презрит.* (презрительное) – для слов, содержащих резкое порицание, презрение; *бранно* (бранное) – для слов, употребляемых с целью обидеть адресата, оскорбить его; *грубо* (грубое) – для слов, содержащих неадекватно грубую, часто оскорбительную оценку.

Стилистические пометы в полной мере реализуют понятие стилистической окраски как функционально-стилевой, так и эмоционально-экспрессивной. Оценка накладывается на эмоционально-экспрессивную окраску с учетом функциональной

принадлежности словарных единиц. Наибольшее многообразие стилистических помет свойственно разговорному стилю, демонстрирующему различную эмоционально-экспрессивную окраску и сниженную им нейтральную оценку.

Помимо стилевых помет – *книжн.*, *офиц.*, *разг.*, отмечающих принадлежность к тому или иному функциональному стилю, наиболее распространенными являются пометы, характеризующие экспрессивно-оценочный содержательный компонент, отражающий эмоциональную окраску лексемы, функционирующей в речи. Особое место занимает пейоративно – мейоративная оценка, представленная многочисленными пометами, например: *неодобрит.*, *груб.*, *уничтожит.* и др. Наиболее представленными оказываются эмоционально-экспрессивные и стилевые пометы, а наименее – диалектные и исторические, что обусловлено стилистическими нормами русского языка.

Нотина Е.А.
(Россия, Москва)

Межъязыковая межкультурная коммуникация: проблема переводимости и экстралингвистические знания языкового посредника

Сущность понятия «переводимость», связана с трактовкой ключевых понятий теории перевода, таких, как «перевод», «эквивалентность», «адекватность». Способы решения проблемы переводимости зависят, в частности, от подхода к пониманию соотношения лингвистических и экстралингвистических аспектов перевода, от предъявляемых к нему требований, от используемых при его оценке нормативных критериев.

Вопрос о переводимости/непереводимости напрямую связан с важнейшей философской и методологической проблемой соотношения языка и мышления. Некоторые ученые, например, В. фон Гумбольдт, считают, что проблема переводимости связана с постулатом о несводимости языков друг к другу, поскольку язык является формой выражения народного духа, а языки обладают индивидуальным своеобразием, определяемым духовным своеобразием народа. В своем письме к А.Шлегелю В. фон Гумбольдт писал, что всякий перевод представляется ему безусловной попыткой разрешить невыполнимую задачу, поскольку каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, либо слишком придерживаясь, либо подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет подлинника, т.к. нечто среднее между тем и другим не только трудно достижимо, но и просто невозможно.

Л. Вейсгербер, представитель неогумбольдтианского направления, также утверждал, что язык играет детерминирующую роль и образует «промежуточный мир», сквозь который человеком воспринимается окружающая действительность. По мнению ученого, различное членение языкового содержания в специфичных для отдельных языков семантических полях свидетельствует, что любой родной язык содержит «обязательный для данного языкового коллектива промежуточный мир», формирующий его картину мира.

Позиции других ученых связаны с постулатом переводимости. Так, например, В. Коллер полагает, что если в каждом языке все то, что подразумевается, может быть выражено, то в принципе, по-видимому, все то, что выражено на одном языке, можно перевести на другой.

На наш взгляд, решение данной проблемы связано с пониманием и интерпретацией понятий «переводимость/непереводимость». Мы выступаем за принципиальную возможность осуществления перевода без абсолютизации принципа переводимости.

Одним из основных требований, предъявляемых к переводчику как таковому и, следовательно, к переводчику научных текстов, является знание экстралингвистической ситуации, которая находит отражение в переводимом материале, что в свою очередь, является одним из обязательных условий успешного осуществления переводческой деятельности, достижения эффективной интерпретации путем снятия неоднозначности какого-либо фрагмента переводимого текста и т.д.

В условиях опосредованной межкультурной коммуникации возникает опасность отсутствия понимания текста перевода вследствие межкультурного характера общения. Иноязычный адресат не сможет понять сообщение, если он не обладает необходимой информацией о материальной и духовной жизни исходной культуры. И в первую очередь это относится к первичному получателю информации – переводчику, принадлежащему к иной, по сравнению с адресантом, лингвосоциокультурной общности.

Независимо от условий осуществления своей деятельности, переводчик – участник определенной коммуникативной ситуации. Будучи одним из участников коммуникации, т.е. первичным получателем речевого сообщения, межкультурной посредник воспринимает полученную информацию на исходном языке для последующей ее передачи на язык перевода. В результате возникает переводческая ситуация, в условиях которой переводчик должен адекватно передать систему смыслов оригинальной исходной

информации, что ставит во главу угла проблему эквивалентности, которую на протяжении многих столетий пытается решить наука о переводе.

Степень понимания зависит от совокупности факторов, оказывающих влияние на языковую личность переводчика: образование, фоновые, энциклопедические знания, его индивидуальность, понимание своей миссии и др., иначе говоря, от его лингвистической, социальной, культурной компетенций, уровня профессиональной подготовки и др.

Полное понимание предполагает одинаковый уровень фоновых знаний адресанта и переводчика. Эта модель предполагает достижение наиболее эффективной научной коммуникации.

Неполное или частичное понимание означает, что адресат-переводчик обладает недостаточными фоновыми знаниями, что может привести к неполному раскрытию смысла переводимого текста. В этом случае наблюдается асимметрия фоновых знаний адресанта и адресата, что приводит к снижению эффективности коммуникации.

Непонимание свидетельствует о полном несоответствии уровней фоновых знаний автора текста и переводчика. Подобная ситуация наиболее характерна при переводе текстов, содержащих специальные знания, далекие от профессиональной подготовки переводчика-филолога.

В процессе межкультурной межъязыковой коммуникации происходит сложный процесс интерференции аксиологических миров двух и более семиотических и этнолингвистических культур, т.е. сложных знаковых смысловых, а также субзнаковых структур ценностей, ментальных концептуальных и психологических стереотипов, поведенческих реакций, закрепленных в языковых, этнографических, этических, материальных фактах подтверждающих

наличие культуры как таковой. Создаваемое таким образом межкультурное пространство способствует формированию умения воспринимать и интерпретировать ситуацию с позиций как родной, так и иноязычной культуры.

Ощепкова В.В.
(Россия, Москва)

История и современное состояние межъязыковых и межкультурных англо-аборигенных контактов и их влияние на формирование языковой ситуации в Австралии

Не ослабевает интерес к исследованию взаимовлияния английского языка и британской культуры и аборигенных языков и культур. Существенно меняются научные представления о процессе и результатах этого взаимодействия, оказывается, что влияние субстрата на суперстрат значительно, чем представлялось ранее.

Меняется оценка результатов языковых контактов от восприятия *идиома языка*, которым пользовались при коммуникации жители каторжных поселений и аборигены, как «варварской смеси языков», до осознания того, что в результате этого взаимодействия в английский язык из аборигенных языков были заимствованы слова, передающие уникальные особенности австралийской природы и способствующие установлению австралийской идентичности. Именно эти экзотические, необычные и труднопроизносимые слова придали особый характер идиому английского языка Австралии.

История межъязыковых и межкультурных англо-аборигенных контактов на территории Австралии насчитывает 226 лет с 1788г., с момента прибытия из Великобритании к берегам континента кораблей Первого Флота [the First Fleet] с 724 заключенными и их конвоирами и

основанием первой каторжной колонии. Это – история сосуществования разнотипных, гетерогенных и гетероморфных, неродственных и типологически несхожих языков, обладающих неравной демографической мощностью.

В период колонизации, знакомства колонистов с удивительным растительным и животным миром, уникальными природными явлениями происходят интенсивные заимствования из языков аборигенов и формируется упрощенный язык *пиджин-англиш* (Australian Pidgin English). Признание того, что английский язык в Австралии отличается от английского языка в Великобритании, относят к 1820г. и первоначально его называли «испорченный английский», «плохой английский».

Поселенцы не предполагали, что на континенте так много аборигенных языков и их диалектов, пытались составлять словники аборигенных слов племени, которые оставались бесполезными при общении с представителями других племен. По предположениям исследователей в 1788г. насчитывалось около 300 тыс. аборигенов, относящихся к 700 различным племенным группам, имеющим собственные выраженные идиомы речи, свыше 250 языков и значительное число диалектов.

В настоящее время многие из этих языков находятся на грани вымирания, общее число говорящих на них не превышает 50 тыс. человек. Менее пятидесяти языков аборигенов можно отнести к живым языкам, и только четыре или пятью пользуется более тысячи человек. Каждый год исчезает несколько языков со смертью последнего его носителя.

В районе первых поселений ссыльных сформировался австралийский креольский язык Australian creole language (Kriol), служивший средством коммуникации между европейскими

поселенцами, китайцами и представителями иных азиатских наций и коренным населением. Исследователи полагают, что в настоящее время им пользуется около тридцати тысяч человек. В 2007г. был опубликован полный перевод библии на креольский язык, первый язык коренного населения Австралии.

При заселении Северной территории сформировалось несколько языков пиджин, основанных на австралийском пиджине периода колонизации (Australian Pidgin). К 1900г. получил широкое распространение Английский пиджин Северной территории (Northern Territory Pidgin English (NTPЕ)). Затем этот идиом языка подвергся креолизации.

Постепенно стал складываться особый этнолект – аборигенный австралийский английский Aboriginal Australian English (сокращенно ААЕ). Этот этнолект существует в виде целого ряда идиомов, образующих континуум, включающий как формы, близкие к стандартному австралийскому английскому (Standard Australian English), так и существенно отклоняющиеся от стандарта.

Заметные изменения отношения к аборигенам и их культуре и языкам происходят в 60-е гг. XX века. В 1967г. право на австралийское гражданство австралийских аборигенов было закреплено юридически. Получает развитие движение за возрождение культурной самобытности и предоставление аборигенам юридических прав на землю, традиционно занимаемую племенами. Принимаются законы, предоставляющие земли резерваций во владение племенам коренных австралийцев на условиях самоуправления, и законы, защищающие их культурное наследие, растет потребность белых австралийцев жить в согласии с австралийцами-аборигенами. Введен аборигенный флаг, и в некоторых австралийских школах используются два флага – Австралийского союза и аборигенный. С

2007г. вещает Национальное аборигенное телевидения. Из-за множественности аборигенных языков и их диалектов его программы транслируются на английском языке. Кроме того, с 2010г. введены образовательные программы, позволяющие людям разных национальностей в мире изучать аборигенные языки.

Одним из проявлений изменения отношения к коренному населению стало официальное извинение премьер-министра страны Кевина Радда, принесенное им аборигенам 13 февраля 2008г. за политику Украденных поколений (the Stolen Generations), проводимую в период с 1909 по 1969г., в некоторых местностях – и в 1970-е гг. Детей аборигенов насильственно отнимали от родителей под предлогом катастрофического падения рождаемости, вымирания и неспособности содержать себя и своих детей.

Современные направления культурно-языковых контактов в Австралии отражают новейшие тенденции внутренней и внешней политики страны, среди которых – курс на возрождение языка и культуры коренного населения аборигенов, обновленная иммиграционная политика, тесное экономическое и культурное взаимодействие со странами Океании и Азии.

Пасечник Т.Б.
(Россия, Коломна)

Концепт «дружба» в русских и английских пословицах

Пословицы и поговорки являются ярким проявлением творчества народа и важной составной частью литературного языка. Они представляют собой правдивый рассказ о народе, так как в них народ отразил свои представления об истине, любви и дружбе,

справедливости, человеке и его отношениях с окружающими, о жизни и смерти, богатстве и бедности и многом другом. У разных народов восприятие действительности неодинаково и средства выражения разные, поэтому пословицы разных народов интересны тем, как они воспроизводят жизнь, как трактуют те или иные её проявления, какую оценку ей дают.

Нет такого явления в нашей жизни, которое не получило бы оценки в пословице. Рассмотрим некоторые русские и английские пословичные выражения, в которых отражен общий взгляд этих народов на дружбу. Описывая данный концепт, мы неизменно сталкиваемся с мудростью народа, с его представлениями о взаимоотношениях людей, какие они есть, и какие они должны быть.

В западноевропейской традиции не принято «дружить» в русском смысле слова. Здесь не принято открывать душу, вторгаться в чужую жизнь, а принято держать корректную дистанцию в отношениях: *Don't wear out your welcome. A hedge between keeps friendship green. Good fences make good neighbors. He that hath a full purse never wanted a friend.*

Из пословиц очевидно, что англичанин не станет злоупотреблять гостеприимством. Забор (и в прямом, и в переносном смысле), по его мнению, уберезёт от любой ссоры.

У русского человека дружба предполагает не только факт знакомства и расположения. По мнению В.А. Масловой, в России культ дружбы связан с историческими процессами, происходящими в стране. Во многом отсутствие политической свободы во все времена способствовало развитию и сохранению тесных отношений между людьми. Политическое давление на граждан только повышало ценность дружбы. Известно, что пословицы содержат специфический кодекс правил, который выражает своего рода рекомендацию,

установку. В приведенных ниже русских пословицах отражено желание русского народа не только ценить дружбу, но и помнить о ней в любой жизненной ситуации: *Дружбой дорожи, забывать её не спеши. Дружбу помни, а злобу забывай. Дружба не гриб, в лесу не найдёшь.*

Наиболее характерной чертой дружбы для русского самосознания является её прочность. Истинная дружба – это чувство, проверенное испытаниями и самоотверженностью: *Без беды друга не узнаешь. Друг познаётся при рати да при беде. Друг познаётся в несчастье.*

В мироощущении русского народа закрепились мысль о святости дружбы. Она ассоциируется с божественной волей на земле. Прочность дружбы глубоко укоренилась в русском сознании как её основная характеристика и нашла отражение во многих паремиях: *Птица сильна крыльями, а человек дружбой. Хорошая дружба крепче каменных стен. Крепкую дружбу и топором не разрубишь.*

Некоторые изучаемые пословицы демонстрируют, что из западной философии русский народ воспринял мысль о возможности переменчивости дружбы, как и всего сущего на земле. Она приобретает черты всего земного, а поэтому способна к разрушению: *Дружба от недружбы близко живёт. Дружба как стекло: разобьёшь не сложишь. Дружба до порога. Горы рушит ветер, а дружбу слова. Скатерть со стола – и дружба сплыла.*

Эти русские пословицы перекликаются по смыслу с английскими: *Absence makes the heart grow fonder. Prosperity makes friends, adversity tries them.*

В русском сознании дружбе чужды материальные интересы. В понимании русского человека деньги обладают разрушительной силой. Поэтому в паремиологическом фонде встречаются следующие выражения: *В долг давать – дружбу терять. Дружба дружбой, а*

денежкам счет. Дружба дружбой, а табачок врозь. Дружба дружбой, а в карман не лезь.

В английских пословицах можно проследить тот же смысл. Культурологи отмечают, что образы «карман», «табачок» закрепили западное понимание человека как собственника. Сравним: *Lend your money and lose your friend. Neither a borrower nor a lender be.*

Для русского самосознания в целом все же характерно чёткое разграничение духовной и материальной сферы в жизни человека. Поэтому для русского человека она основывается на внутренней глубокой связи людей, предполагающей близость, откровенность, доверие, любовь. Это ощущение братства в трудную минуту, уверенность в поддержке в трудную минуту, исповедь, преодоление одиночества: *Дерево держится корнями, а человек – друзьями. Не имей сто рублей, а имей сто друзей. Друга на деньги не купишь. Для друга – все не туго.*

Наши наблюдения наглядно показывают, что понятие дружбы в русских и английских пословицах не вполне совпадает по смыслу и отличается своей сложностью и противоречивостью. Данный пословичный материал дает богатую почву для исследований и убедительно доказывает, что дружба – одна из самых больших жизненных ценностей в культуре обоих народов.

Пенч И.

(Босния и Герцеговина)

Языковая интерференция (на примере русского и сербского языков)

В лингвистике проблема интерференции рассматривается в рамках языковых контактов и под интерференцией понимается «нарушение билингом норм и правил соотношения двух

контактирующих языков». Российские ученые в основных чертах разделяют позиции зарубежных исследователей по данному вопросу (В.В.Климов, Р.К.Миньяр-Белоручев, Н. Б. Мечковская и др.). Идея решающей роли родного языка сводится к тому, что структура родного языка настолько сильна, что обучающийся строит свои новые языковые навыки на ее базе. Интерференция охватывает все уровни языка, вследствие чего может быть фонетической, лексической или грамматической.

Славянские языки, в частности русский и сербский, отличаются большой степенью близости, которая обнаруживается в словообразовании, в морфонологических чередованиях, в семантике и структуре слов, употреблении грамматических категорий, структуре предложений и т.д.,. Эта близость объясняется как единством происхождения, так и их длительными и интенсивными контактами на уровне литературных языков и диалектов. Однако эта близость не снимает проблем, возникающих при изучении сербскими учащимися русского языка, а иногда и увеличивает их. Причиной является то, что, чем ближе друг к другу языки, тем неизбежнее интерференция и тем сложнее научиться ее преодолевать

В докладе будут представлены некоторые из и ошибок, обусловленные взаимодействием в сознании учащихся двух языков: русского и сербского: лексические, грамматические и коммуникативные. Например, русский человек : говорит «идти пешком», «ехать на машины», в то время как носитель сербского языка выразит идею движения с помощью одного глагола «ићи». В связи с этим возможны следующие ошибки в устной и письменной речи сербскоязычных студентов, изучающих русский язык: „*Мой друг учится идти на машине*“. Более широкий объем семантики сербского глагола *ИЋИ* (идти) также может стать причиной ошибок, вызванных

интерференцией. Например, сербский студент, изучающий русский язык, может сказать „*Как ездит*“? вместо „*Как поживаете?*“, поскольку в сербском языке в подобной фразе используется глагол *ИЋИ* (идти).

Сопоставительное исследование грамматических моделей двух языков позволит сербскоязычным учащимся увидеть сходства и различия в построении речевых высказываний с глаголами движения, что будет способствовать преодолению языковой интерференции.

Серьезной трудностью при изучении иностранного языка является употребление сходно-различных форм, которых особенно много в близкородственных славянских языках, в том числе в русском и сербском. Можно выделить множество пар слов в двух языках, которые похожи по форме, но различны по семантике. Напр.: *серб. банка* («банк») и *рус. банка* (= *серб. тегла*), *серб. јад* («страдание, тоска») и *рус. яд* (= *серб. отров*), *серб. журити* («спешить») и *рус. журить* (= *серб. грдити*). Асимметрия в значениях внешне сходных словоформ может обуславливать различия в образуемых с их помощью словосочетаниях или составных наименованиях. Так, сербское выражение *учити школу* («получать образование в школе») может быть неверно понято под влиянием сходной внешне русской модели *учить + кого*.

Близость двух славянских языков, их похожесть «притупляет бдительность» носителя другого языка, настраивает его на то, что все особенности иноязычного факта (семантика, структура, сочетаемость, словообразовательные связи) будут такими же, как и у похожей формы родного языка: *рус. ягода* = *серб. сочен зърнест плод от храстови растения*; *серб. јагода* = *рус. клубника*; *рус. палец* = *серб. прст*; *серб. палац* = *рус. большой палец*.

Ошибки, вызванные интерференцией, не так безобидны, как это иногда кажется. Они могут обуславливать коммуникативные неудачи, снижать интерес к изучению языка или вести к скрытой интерференции (т.е. стремлению избегать употребления сходных форм), что тормозит процесс изучения языка и ухудшает качество речи.

На разных этапах обучения в зависимости от уровня владения учащимися изучаемым языком степень интерференции родного языка различна.

Передерий Е.Б.
(Россия, Москва)

Этнические стереотипы и предрассудки в испанской фразеологии

В докладе рассмотрено воплощение этнических стереотипов во фразеологизмах со словом *chino*, выделены аспекты значения, находящиеся в когнитивном фокусе и отражающие обыденное представление носителей испанского языка об этом народе.

Этнические стереотипы отражают обобщенные представления о характерных чертах того или иного народа. Сам по себе этнический стереотип может иметь любую оценку в зависимости от отношений, сложившихся между этносами, либо под влиянием политических элит.

Будучи культурно-языковыми штампами, средством стереотипизации коллективного опыта каждого народа, фразеологические единицы очень показательны при изучении данного вопроса. Рассмотрим это явление на примере фразеологических единиц со словом *chino*.

Изначальные представления о китайцах европейцы получили благодаря Марко Поло, а в настоящее время китайцы в Латинской Америке представляют собой довольно крупную и в значительной мере – изолированную общину (около 1,5 миллионов человек проживают в чайна-таунах). Этнические китайцы занимаются земледелием, торговлей, ремеслами. Не случайно большинство фразеологических единиц помечено в словарях как общие или локальные американизмы.

Образ китайца в испанской фразеологии весьма противоречив. В когнитивном фокусе *chino* присутствуют следующие черты:

1. нечто непонятное, сложное, в том числе – язык. При этом понятие сложности распространилось на другие предметы и явления:

hablar en chino, eso es chino para mí; estar (quedarse) en chino, ponérsela en chino a alguien; ser algo chino básico

2. трудолюбие, тяжелая работа:

Это наиболее отличительная черта китайцев, вызывающая уважение во всем мире и закрепленная в языковых стереотипах: *de chinos; trabajar como un chino*

3. доверчивость, легковёрность, наивность:

Это – самое старое представление о китайцах, оно обязано своим появлением Марко Поло, которому удалось обмануть китайский императорский двор и вывести в Европу коконы шелкопряда, рецепт мороженого и лапшу: *crédulo como un chino; engañar a alguien como a un chino; búscate un chino que te ponga un cuarto; quedar como un chino*

4. злонамеренность, хитрость, коварство:

ponérsela en China a alguien; tener un chino atrás; a mí no me da ningún chino; cobrarse a lo chino; hacerle el chino a alguien

5. особая манера поведения, особый этикет, в том числе речевой: *abrirse como paraguas chino*
6. специфическая внешность, в том числе, не такой густой, как у европейцев, волосистой покров на лице: *barbas de chino*
7. независимость: *chino libre*

Наиболее употребительными, видимо, следует считать фразеологизмы *trabajar como un chino*, *(engañar) como a un chino*, *de chinos*, *chino libre*, *hablar en chino*, так как соответствующие примеры есть в Банке данных испанского языка (Banco de datos CREA).

Иными словами, в активном состоянии находятся такие когнитивные фокусы, как непонятный язык, трудолюбие, легковёрность и наивность, хитрость и коварство, независимость.

В заключение следует отметить следующие характерные черты функционирования фразеологизмов, содержащих этнические стереотипы:

- имеет место постепенный отказ от фразеологизмов расистского содержания, неприятие их в обществе;
- этнический стереотип складывается не только под влиянием географических, исторических и культурных обстоятельств, но и в зависимости от социального статуса этноса относительно «своего» народа.

Пономаренко Е.Б.
(Россия, Москва)

Функционально-стилистические особенности фразеологических единиц в современных английских информационных текстах

Фразеологические единицы являются главным средством образно-наглядного, экспрессивно-оценочного, относительно

устойчивого представления человека о внешнем мире, посредством которого вербализуются элементы материальной и духовной культуры народа. Толкование образов, фразеологического состава языка влечет за собой необходимость наличие фоновых знаний о материальных, социальных и духовных ценностях языкового общества.

В информационных текстах фразеологические единицы несут огромную функционально-стилистическую и эмоционально-экспрессивную нагрузку, что делает их более выразительными и привлекательным. В исследованных информационных сообщениях зафиксированы фразеологические единицы, различные по структуре, этимологии и лексической наполненности.

Для текстов информационных сообщений не характерно широкое использование фразеологических единиц, однако они все же встречаются в расширенных информационных текстах, в заголовках и цитатах. С целью создания имплицитно-оценочного повествования в строгий контекст англоязычного информационного текста помещаются разговорные фразеологические единицы (*throwinthetowel, comeacross, comedownintheworld, lameduck, keepone'sfingerscrossed, tightenthescrewsonsb., thegravytrain, throwthetowel, redherring, playballwith*). Отмечается тенденция использования в английских информационных текстах разговорного пласта фразеологии, единиц, снабженных в словарных статьях пометками *informal* или *spoken*. Эта тенденция, фиксируемая исследователями английской газетной речи, постепенно переходит в характеристику стиля в целом.

Фразеологические единицы несут огромную функционально-стилистическую и эмоционально-экспрессивную нагрузку в информационных текстах, что делает их более выразительными и привлекательным. ФЕ являются переосмысленными оборотами,

которые используются в переносных значениях, поэтому правильная интерпретация их значений при переводе во многом способствует воссозданию образности, эмоционально-экспрессивной специфики оригинала. Но из-за своеобразия языков, выражающегося в лексическом и грамматическом строе, из-за несовпадения систем понятий у разных народов, различий в культуре и мировоззрении, перевод фразеологизмов вызывает трудности [Ухтомский, 2006: 4].

Среди наиболее частотных фразеологических единиц, встречающихся в сообщениях о политических событиях, отметим следующие: *think tank*, *lame duck President (congress, troops)*, *dead duck*, *drag a red herring across the path*, *sound the death knell for*, *on the edge of the seat*, *to handle the hot potato*. Приведем примеры:

Фразеологизм *to handle the hot potato* ярко показывает ситуацию, в которой оказалась Европа в связи с кризисом в Украине. *While for Vladimir Putin and for Russia absolute control of Ukraine is a vital question in the strategic sphere, for Obama and for a United States that is tired in 2014, Ukraine is a distant problem that involves their European allies, above all... While Europe has approved sanctions, the United States is refraining. In short, in this instance Europe is the one that has to handle the hot potato," (www.bbc. 21.03, 2014).*

В приведенном примере в целях выражения оценки автор использует фразеологизм *the hot potato* (букв. «горячая картошка») в значении «неприятный вопрос, которым приходится заниматься; дело от которого хочется поскорее избавиться» [LINGVO 2008].

Использование разговорного фразеологизма *lame duck leader (president)* в значении «президент, у которого истекает срок пребывания у власти» (*a president, governo retc. With no real power because his or her period in office will soon end* [LDCE 2005]) придает заметке эмоциональный тон и создает оценочный подтекст, а

нейтральный фон новостного сообщения заметно оттеняет эмоциональную грань фразеологической единицы. Первоначально этот термин использовался для описания инвесторов, которые были не в состоянии оплатить свои долги (*a person, business etc. that is having problems and needs help* [LDCE 2005]). Спустя почти 100 лет он стал применяться в отношении политиков, чей срок пребывания у власти заканчивается.

Washington (CNN) - These are troubled times for President Barack Obama. He's a lame duck president. The latest CNN/ORC poll has his approval rating at 41% - the lowest of his presidency. (www.cnn.com. 24.11. 2013)

Now that the elections are over, a lame duck Congress comes back to work this month to deal with a pile of unfinished business: whether to extend Bush-era tax cuts due to expire, give seniors a \$ 250 Social Security special payment and repeal the military's "don't ask, don't tell" policy against gays serving openly (www.ap.org).

В примере, где президента США определяют как «хромую утку» (хотя до окончания его президентского срока еще два года), выражение приобретает совсем другой эмоциональный оттенок и новое негативное значение – политик, у которого падает рейтинг доверия.

Выражение *lame duck Congress*, в котором «хромой уткой» называется Конгресс, довольно часто встречается в американской прессе. Оно означает «проведение промежуточных выборов в Конгресс США и избрание нового состава», который, согласно Конституции США, должен приступить к работе в полном составе 3 января (любые действия конгресса после выборов и до 3 января называются «хромой уткой»).

Фразеологизм *red herring* (букв. «красная селедка») зафиксирован в словаре в значении «отвлекающий маневр, ввести в заблуждение, отвлечь внимание от обсуждаемого вопроса» [LINGVO 2008]. В информационном сообщении он является частью выражения *to drag (to draw) a red herring across the path*. Используя прием изменения состава ФЕ, журналисту удастся скорректировать оценочную сторону фразеологизма в сообщении: *“We need to control public spending, we can certainly get rid of spending on the European Union if we just get out of it”, James Greenwood, for the Greens, said the row over the National Insurance increase was a red herring* (www.bbc.co.uk/news).

В ходе анализа англоязычного материала, отмечается также активная роль фразеологии в создании эмоционально-оценочных экспрессивных заголовков, например:

“Gene Healy: “Mosque” debate is a red he; “US Senate winner to miss part of lame-duck session”; “How lame is a lame-duck president”; “Obama’s lame-duck wish list”.

В целом лексико-фразеологический анализ показал, что использования фразеологических единиц в информационных сообщениях во многом носят специфический характер в силу категориальных признаков стиля, не допускающих обширного использования экспрессивно окрашенных единиц. В то же время, попадая в газетно-публицистический текст, фразеологизмы повышают выразительность изложения и одновременно выполняют стандартизирующую функцию, выступая в качестве мощного средства компрессии информации.

Приказчикова Е.В., Савченко Е.П.
(Россия, Москва)

Перевод как лингвокогнитивная деятельность: становление и развитие переводной лингвокогнитологии

Бурное развитие теории перевода в последние десятилетия послужило причиной появления многих междисциплинарных направлений, включая *переводную лингвокогнитологию*.

В центре ее внимания находятся взаимодействующие языки как системы знаков и как национально-культурные образования, что говорит о широком спектре интересов данной научной дисциплины.

Становление и развитие переводной лингвокогнитологии позволяет представить процесс перевода как системный, межъязыковой и межкультурный контакт, осуществляемый представителями двух и более различных национальных культур.

В коммуникативном акте ведущую роль играет автор текста, который информирует, сообщает, обращает внимание на ту или иную информацию и тем самым оказывает воздействие на слушающего; последний интерпретирует сказанное адекватно намерению автора высказывания.

Категоризация и концептуализация человеческого опыта непосредственно зависит от его когнитивной деятельности, что объясняется тем, что содержательная информация, получаемая извне в ходе познавательной деятельности человека и ставшая предметом его осмысления, восприятия и обработки, находит своё выражение в структурах языка.

С позиций интегративного подхода к процессу перевода, объединяющего лингвокогнитивные и лингвокультурологические основания, перевод представляет собой анализ ментальных моделей или единиц, реализуемых вербальными средствами в языке с учётом

сфер когнитивной базы лингвокультурного сообщества (константы культуры, культурные концепты, символы и т.д.), которые оказываются культурно обусловленными, т.е. отражающими особенности конкретного этнокультурного общества.

Перевод как процесс представляет собой диалог, порой дистанцированный во времени и пространстве, представителей двух национальных культур – автора текста и переводчика.

В процессе перевода происходит передача этнокультурологической, специфической информации, которая оказывается более важным компонентом процесса межкультурной коммуникации и, как результат, в создании полноценного, адекватного перевода, чем собственно системные значения языковых единиц.

Переводная лингвокогнитология, используя понятия и категории когнитивных наук и психолингвистики при работе с переводом как особом виде речевой деятельности, позволяет выявить и установить основные когнитивные процессы, имевшие место на этапе создания речевого произведения и на этапе его декодирования и трансформации, т.е. во время перевода на другой язык.

Процесс перевода можно представить как двухступенчатый, где первая ступень представляет собой текстовосприятие, а вторая – текстопорождение. Вторая ступень представляется наиболее значимой, т.к. именно на этом этапе, возможно увидеть результат перевода, но порождение коммуникативно-эквивалентного текста реализуется лишь при условии полного и эффективного декодирования первоначального смысла текста.

Переводная лингвокогнитология подразумевает обращение к национально-культурной специфике текста и учёт психологических особенностей автора произведения и переводчика, совпадение или

расхождение взглядов на жизнь, близость на ментальном, интеллектуальном уровне. Совпадение и близость мировосприятия автора и переводчика зачастую являются залогом успеха в процессе перевода.

Анализ языковых структур может пролить свет на устройство ментальности. Одним из путей исследования области когнитивно-языковой деятельности может стать изучение индивидуально-авторских образов и проблема их перевода на другой язык.

Переводная лингвокогнитология, рассматривая перевод как диалог представителей двух и более национальных культур, призвана снимать основные трудности процесса перевода как собственно лингвистического характера, так и экстралингвистического, что позволяет выйти на абсолютно новый качественный уровень перевода.

Прудникова А.А.
(Россия, Москва)

О восприятии региональных форм испанского языка стран Латинской Америки

Из вступления к XV изданию Словаря Королевской Академии испанского языка: *«Мы ожидаем, что особенное внимание, уделенное американизмам, составит одно из главных преимуществ данного словаря, в сравнении со всеми его предшественниками. В этом издании, в первую очередь, собраны слова и понятия, считающиеся отличительно американскими: наименования животных, растений, обычаев, и т.д., и те слова, которые, несмотря на наличие*

соответствующих обозначений в языке Полуострова, используются во многих языках далекого континента»¹.

Таким образом, несмотря на то, что к 1925 году в состав Ассоциации академий испанского языка (*Asociación de Academias de la Lengua Española*), помимо Испании, входило десять стран Латинской Америки, XV издание словаря Королевской Академии испанского языка стало первым, в котором появились так называемые американизмы. Академия испанского языка, к 1925 году, признала масштабы влияния, оказываемого языками коренного населения континента как на испанский язык в странах Латинской Америки, так и на испанский язык на полуострове. Ведь большинство таких «американизмов» обозначает предметы и явления, свойственные этому региону. Всем нам знакомы слова, обозначающие фауну – *jaguar, colibrí* (ягуар, колибри); флору – *batata, tabaco* (батат, табак); явления природы – *huracán* (ураган); предметы – *hamaca, canoa* (гамак, каноэ); и др. слова. Не было смысла конкистадорам, а затем и мирным переселенцам из Испании придумывать новые слова для обозначения неведомых им зверей, растений и предметов. Таким образом, в некоторых сферах лишь американизмами можно было описать объективную действительность.

Королевская Академия испанского языка, в сотрудничестве Ассоциацией академий испанского языка, выпустила в 2010г. «Словарь американизмов», в котором было собрано 70 000 слов, сложных лексем, фраз и выражений, в общей сложности 120 000 значений. В предисловии к данному словарю сказано: «...это – описательный словарь, в котором не стоит цель определения нормативности и не дается рекомендаций для «правильной речи и письма»; это – полезный словарь, в котором собраны термины,

¹ [DRAE, 2011]

часто используемые в современном языке; перечень диалектов...». Следовательно, Королевской Академией испанского языка все эти особенности в совокупности воспринимаются как диалекты различных регионов Латинской Америки. Ассоциация академий испанского языка успешно справляется с задачей по созданию единого языкового пространства, в котором нормативной базой выступает пиренейский испанский (кастильский), а остальные разновидности данного языка воспринимаются как диалекты.

Таким образом, Ассоциация принимает за нормативную базу те правила использования испанского языка, которые описаны в Словаре Королевской Академии испанского языка, а особенности американского использования представлены в Паниспанском словаре сомнений (*Diccionario Panhispánico de Dudas*) и словаре американизмов (*Diccionario de americanismos*, 2010). В некоторых странах, на сайтах Академий языка, имеются также ссылки на глоссарии местных американизмов. Так, к примеру, на сайте Кубинской Академии языка – всего одна словарная ссылка – на Словарь паниспанизмов, авторство которого также принадлежит Королевской Академии испанского языка. А на сайте Колумбийской Академии языка уже можно найти ссылки на 3 словаря: Словарь испанского языка (*DRAE*), Паниспанский словарь сомнений (*DPD*) и краткий словарь колумбизмов.

При этом интересна точка зрения директора Филологического института Центрального Университета Венесуэлы М. Седано, которая в своем выступлении на международном конгрессе по испанскому языку в Вальядолиде заявила о том, что, наряду с академической нормой, существует также привычная (*habitual*) норма. Привычные нормы передаются обычно неосознанно, посредством постоянного общения в рамках определенной группы; академическая норма, явно

или неявно, распространяется властями и учреждениями, призванными следить за сохранением единства языка и адекватной стандартизацией посредством грамматик, словарей и учебников. По мнению М. Седано, в Венесуэле, как и в любой другой испаноязычной стране, действуют как раз «привычные» неакадемические нормы испанского языка.

Помимо мнения ученых, существует также мнение народа, который расценивает свой язык как национальное достояние, их личное богатство. Так, в работе чешского лингвиста З. Эрдосовой проводится исследование восприятия мексиканцами своего языка, в ходе которого выясняется, что уверенность в существовании мексиканского испанского велика, и помимо этого, в трех из четырех случаев информанты заявили, что эта форма языка составляет часть их самоопределения как мексиканцев.

Подводя итоги, можно сказать, что в испаноязычном мире сосуществуют различные точки зрения на природу местных «вариантов» испанского языка и на их классификацию, однако все эти точки зрения сходятся в одном: языки Латинской Америки оказывают огромное влияние не только на этот регион, но и на весь паниспанский мир, отражают в себе все богатство многовековой истории и культуры этих народов, хранят память о различных эпохах и вехах в развитии латиноамериканского общества.

Пушкина А.В.
(Россия, Москва)

Психологические трудности в работе устного переводчика

Безусловно, и письменный, и устный перевод есть процесс перекодирования, перевыражения. Только устный перевод

предусматривают звуковую (вербальную) передачу устного сообщения с одного языка на другой. Устная речь – это обязательно импровизация. Она создается на ходу, в процессе акта коммуникации. Поэтому устная речь тесно связана с таким параметром, который принято называть «неподготовленность». Неподготовленная речь не готовится заранее, но порождается одновременно с ее произнесением. Это не значит, что она хуже подготовленной. Это – особый вид речи. Как и речь подготовленная, она строится по законам того языка, которым «пользуется» говорящий, но применяет их специфически.

Однако, говоря о языковом посредничестве, нельзя забывать о том, что в своей работе устному переводчику приходится преодолевать ряд психологических трудностей. Назовем основные:

1. Однократность восприятия. В процессе устного перевода, в частности, последовательного, переводчик должен извлечь всю информацию лишь при однократном восприятии и исключает возможность возвращения к оригиналу. Здесь большую роль играет концентрация внимания, которая рассматривается в качестве неотъемлемого психологического условия переводческой деятельности. А одним из основных качеств внимания выступает устойчивость – длительность сосредоточения внимания на объектах или деятельности. Иными словами, широкий объем внимания переводчика способствует оптимальному восприятию содержания исходного текста. Результатом восприятия выступает понимание исходного текста. Следует уточнить, что понимание оригинала переводчиком отличается от понимания того же сообщения реципиентом, воспринимающим его без намерения переводить. Последний может довольствоваться приблизительным пониманием отдельных элементов текста. Напротив, переводчик должен точно определить, какое содержание он будет передавать в переводе.

Выделяют три уровня понимания при восприятии речевого сообщения:

- а) понимание основного предмета (о чем?);
- б) понимание смыслового содержания (что?);
- в) понимание мотивов, внутренней логики смыслового содержания (зачем, какими средствами?).

Здесь стоит подчеркнуть, что процесс восприятия исходной информации с учетом данных уровней необходим для успешного выполнения переводческой деятельности.

2. Факторы, усложняющие восприятие. На уровень восприятия исходного высказывания могут оказывать влияние различные факторы: темп говорящего, особенности его произношения, нелогичность речи, ее неправильность (с точки зрения грамматики). Но, независимо от них, переводчик должен обеспечить взаимопонимание между коммуникантами.

3. Ограниченные возможности памяти. Наряду с восприятием исходного сообщения, переводчику приходится постоянно удерживать в памяти большие информационные блоки, с одной стороны, прозвучавшие на иностранном языке, и, с другой стороны, блоки на родном языке, готовые к изложению. Нередко, даже при абзацно-фразовом переводе, начинающий переводчик испытывает стресс из-за неспособности охватить весь объем поступающей информации, поскольку память – это также способность к забыванию. А динамика забывания зависит от эмоционального состояния испытуемого. Среди видов памяти по времени запоминания выделяют мгновенную, кратковременную, долговременную и промежуточную память. В контексте устного последовательного перевода непосредственная роль отводится именно кратковременной памяти. В кратковременной памяти при однократном предъявлении материала

помещается в среднем 7 ± 2 «структурных единицы», т.е. с одного раза человек может запомнить от 5 до 9 слов, цифр, чисел и т.д. Но необходимо отметить, что существует ряд упражнений, направленных на стимулирование запоминания, которые должны быть включены в процесс обучения будущих переводчиков.

4. Переключение с одного языка на другой. Переводческий процесс всегда требует эмоциональных и умственных затрат. При устном последовательном переводе необходимо быстрое и продуктивное переключение с одной языковой системы на другую. Специалисты отмечают, что владение двумя языками еще не гарантирует функционирования переводческого навыка переключения. Владение двумя языками является лишь предпосылкой, необходимым условием становления этого навыка. При этом отметим, что под *навыком переключения* подразумевается умение автоматизированно принять решение на перекодирование предъявленного для передачи отрезка речевой цепи, обозначающего ситуацию или элементы ситуации.

5. Незнакомая тематика. Профессия переводчика предполагает время от времени работу в незнакомой ему области, и недостаточное освоение нового языкового материала также может привести к стрессовому состоянию и негативно отразиться на взаимопонимании между коммуникантами. Обычно тема становится известной за несколько дней, переводчику важно обращаться к различного рода словарям, справочникам, а иногда – и к специалистам в данной области, чтобы достойно осуществить свою деятельность.

Таким образом, в работе с будущими переводчиками необходимо строить процесс обучения так, чтобы он был максимально приближен к реальным условиям переводческой деятельности, и его неотъемлемой составляющей являлось

формирование и развитие всех вышеуказанных качеств будущих специалистов.

Радович М.
(Сербия, Белград)

Ложные друзья переводчика на материале испанского и португальского языков

Ложные друзья переводчика – лингвистический термин, переведенный на русский язык калькой с французского (*faux amis*). В лингвистике это довольно распространенное явление также называют *межъязыковыми омонимами или паронимами*, так как речь идет о паре слов в двух языках, похожих по произношению или написанию, часто с общим происхождением, но отличающихся по значению.

Причины возникновения ложных друзей переводчика могут быть разными, но особенно яркие примеры прослеживаются в случаях, когда лексическая единица в языке начинает развиваться в языках-потомках по разным направлениям, приводя к тому, что в близкородственных языках появляются паронимические единицы иногда даже совсем противоположного значения. В процессе заимствования лексическое значение новой единицы может расширяться либо сужаться, или же обретать в другом языке собственную жизнь. С точки зрения прагматики, данное явление требует особого внимания, поскольку нередко вызывает трудности в акте коммуникации.

Согласно результатам исследований М.Харриса и Н. Винсента, при сравнении лексического материала кастильского испанского и иберийского португальского обнаруживается около 89% однокоренных слов. В случае бразильского португальского, ситуация

выглядит несколько иначе, если учитывать немалое количество заимствований из африканских и индейских языков, в силу демографической разнородности населения. Тем не менее, к «похожести» испанского и португальского языков следует относиться с осторожностью, несмотря на очевидное преимущество, которое ощущают испаноговорящие в процессе изучения португальского.

Колумбийский журналист и писатель Даниель Сампер Пизано в своем рассказе «Я по-португальски не говорю»¹, очень справедливо отмечает некоторые примеры, приводящие к путанице в разговорно-обиходной речи:

“Ya creía que el portugués era el idioma más fácil del mundo. Pero la primera lección que saqué es que resulta peligrosísimo justamente por lo que uno cree que se trata tan solo de español deshuesado. [...]

- Fíjate lo que me pasa por hablar como un loro – traté de disculparme.
- Un *louro* en portugués es un rubio – dijo ella.
- Y rubio seguramente se dirá “papagayo” – comenté yo tratando de hacer un chiste. Glacial, Norma aclaró:
 - *Ruivo* es pelirrojo; y *papagaio* es loro.
 - Perdóname, Norma, pero es que yo hablo mucha basura.
 - *Vassoura*, no. *Lixo*. *Vassoura* quiere decir escoba.
 - Y escoba, ¿significa...?
 - *Escova* significa cepillo.

[...] Me di por vencido. Acepté que el portugués era un idioma difícil y entonces sí se le iluminaron los ojos a Norma. La cuestión era de orgullo. De ahí en adelante no me regañó sino que me mostró todas las diferencias que existen entre palabras homófonas de los dos idiomas.”

¹Pizano, Daniel Samper, “*Postre de Notas*”. Bogotá, Colombia: P & J Editores [1983, 1984].

В то время как различия между данными языками не ограничиваются лексическим ярусом, а прослеживаются еще и на фонетическом (в значительной степени), грамматическом и синтаксическом уровнях, наиболее распространенные ошибки связаны именно с употреблением лексических единиц. Испаноговорящие, попавшие в португалоязычную среду, с трудом привыкают к значению «мы» единицы *a gente*, которая в испанском ассоциируется со значением «люди». То же самое происходит с другими нейтральными словами и выражениями – глагол *bajar* в своей португальской форме *baixar* не употребляется, а его значение передается через форму *descer*. Португальское прилагательное *roxo* – вовсе не обозначает красный, а фиолетовый цвет, в то время как лексическое значение существительного *rato* уже, чем в испанском языке: *Volto num rato* на португальском будет понято исключительно как «Я вернусь на мыши» а не «через минуточку». *Largo* по-португальски не «длинный», а «широкий»; *cadeira* не означает «бедро женщины», а всего лишь «стул».

Количество ложных друзей переводчика в испанском и португальском языках насчитывает сотни единиц, а овладение ими зависит от нескольких факторов, в первую очередь, от приближенности к языковой среде и психологическому подходу к изучению языка. Очевидная схожесть двух языков нередко обманывает и приводит к распространению мнения, что испаноговорящим выучить португальский совсем легко. Однако владение испанским языком при изучении португальского (и наоборот) следует считать как преимуществом, так и недостатком. Это свидетельство того, что любым иностранным языком, каким бы близкородственным родному он ни оказывался, наиболее целостно можно овладеть лишь при изучении его с начального уровня.

Рекош К.Х.
(Россия, Москва)

Французский язык в мультилингвистической Европе

Пространство, в котором живут языки в Европе, в частности, французский язык, получило четкое обозначение в последние десятилетия концептом мультилингвизм, который сформировался на фоне давно существующих понятий: плюрилингвизм, монолингвизм, билингвизм и т.д.

Многоязычие человека – это плюрилингвизм, многоязычие общества – мультилингвизм. Эти ипостаси могут сходиться и расходиться, входить в конфликт друг с другом и с отделами знания. Проводимая в Европе языковая политика привела к институционализации понятия мультилингвизм, особенно со стороны Европейского союза.

С точки зрения распространения языков и их количества в Европе действуют противоположные тенденции: с одной стороны, глобальные процессы globalisation/glocalisation приводят к распространению английского языка (монолингвизму), превращению его в globish, bruxellish, с другой стороны, в связи с миграционными волнами происходит, по выражению У.Эко, babélisation de l'Europe – резкое увеличение количества языков в Европе с разнообразными статусами.

В настоящее время из 50 независимых государств европейского континента 47 являются членами Совета Европы (где используют 2 официальных языка: английский и французский). В 50 независимых государствах около 200 региональных языков и языков меньшинств, поэтому 24 официальных языка ЕС с 60 неофициальными охватывают далеко не все европейские языки в 28 (теперь с Хорватией)

государствах-членах. Однако языковая политика ЕС ощущается в Европе. Поскольку мультилингвизм фактически является принципом ЕС, а в реальности доминирует английский язык, происходит борьба с засильем английского языка путем принятия целого ряда мер: так в 2002г. в Барселоне главы государств и правительств взяли на себя обязательство продвигать изучение двух иностранных языков для всех с самого раннего возраста, причем вторым иностранным языком часто является французский язык.

На фоне глобализации английского языка, международные организации (Международная организация по франкофонии, ООН, ЮНЕСКО) отслеживают положение французского языка, например, в документе: *le Vade-mecum relatif à l'usage de la langue française dans les organisations internationales* (2006, 2010 гг.).

На протяжении своей истории французский язык прошел через разные периоды. Он возник в обстановке множества языков, превратившись из латинского языка в *lingua franca*, так что иногда его даже называли испорченной латынью. Взгляд исследователей на язык также постепенно менялся: сначала исследовали язык как отдельное явление, с позиции монолингвизма, без учета многоязычной реальности. Тогда это было совершенно естественно, так как надо было сначала изучить явление, а затем выходить за его пределы. В наше время французский язык живет в обстановке плюрилингвизма и мультилингвизма, перестав быть *lingua franca*. С изменением ситуации изменилась и позиция ученых: они учитывают ситуацию мультилингвизма и плюрилингвизма и с этих позиций оценивают роль языка. В связи с распространением английского языка возникает вопрос: не стал ли английский язык *lingua franca*, может ли французский язык вновь стать таковым, полезно ли это для него.

Несмотря на то, что французский язык входит в десятку мировых языков, на которых говорят более ста миллионов человек (точнее 222 млн.) в 70 странах мира, многие выражают тревогу по поводу «Апокалипсиса французского языка» (Albert Salon). Однако на национальном уровне наблюдаются разные тенденции: с одной стороны, статус французского языка закреплен (1992 г.) в Конституции (ст. 2: *La langue de la République est le français*), и принят Закон об использовании французского языка (1994 г.), с другой стороны, реформа Fioraso системы университетского образования (2013 г.) – маргинализация французского языка.

Заметная роль французского языка в ЕС объясняется историей вопроса. Когда в 1952 г. создавался Суд ЕОУС, французский язык был государственным языком трех стран из 6 государств-членов: Бельгии, Люксембурга и Франции. Важным фактором избрания его в качестве рабочего (теперь *langue de délibéré*) было также и то, что он был языком континентального права. К чести его следует отметить, что в Западной традиции права он признан идеальным средством выражения правовой мысли. Вместе с ним велико было и влияние континентального права, и сейчас он претендует на то, чтобы стать, по предложению Парламента Франции, «юридическим языком Европы». Французский язык, как раньше латинский, больше всех пригоден для выполнения этой роли. Его грамматика, синтаксис, словарь, способность вербализовать общие дефиниции и абстрактные понятия обеспечивают наибольшие гарантии ясности, точности, правовой определенности и сокращают до минимума противоречивые толкования, поэтому часто предлагается, например, в Суде ЕС, в случае разногласий толкования опираться на французскую версию текста. На это указывал Постоянный секретарь и Почетный член Французской Академии писатель Морис Дрюон в своем

Манифесте в октябре 2004г. В этом смысле у французского языка как рабочего языка Суда ЕС большой опыт. Роль французского языка заметна и сегодня: даже говоря на английском языке, специалисты в Суде ЕС используют французские термины: *acquis*, *juge-rapporteur*, *avocat général* и т.д. Знание французского языка (хотя бы пассивное) является обязательным требованием для всех сотрудников секретариата Суда. Итак, пока упадок французскому языку не грозит, его *réennité* (от лат. *per annum*) обеспечит не *lingua franca*, выхолащивающая внутреннюю форму, а право.

Роголина Е.Э.
(Россия, Москва)

**Коммуникативная значимость цветофразеологизмов в аспекте
межкультурной языковой коммуникации
(на материале испанского языка)**

Определение межкультурной коммуникации следует из названия – это общение между представителями разных культур и, в большинстве случаев, разных языков. Адекватное общение может состояться при условии, что коммуникативная компетенция представителя одного языка соответствует в определенных рамках коммуникативной компетенции представителя другого языка или национального варианта. Другими словами, представитель одного языка должен владеть определенным запасом фоновых знаний, которыми владеет носитель другого языка или национального варианта, что собственно и составляет коммуникативную компетенцию.

Проблеме выявления национально-специфического содержания сопоставляемых языков большое внимание уделяют Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, Г.Д.Томахин, Н.М.Фирсова, А.Д.Райхштейн и др.

«Стремление к коммуникативной компетенции предполагает не только владение соответствующей иноязычной техникой, но и усвоение колоссальной внеязыковой информации, необходимой для адекватного общения и взаимопонимания, поскольку последнее недостижимо без принципиального тождества основных сведений коммуникантов об окружающей действительности».

Язык хранит культуру народа, передает ее последующим поколениям. Таким образом, в идиоматике языка, точнее в том его слое, который по своей сути национально специфичен, хранится система ценностей, общественная мораль, отношение к миру, к людям, к другим народам. Как отмечает Н.М.Фирсова, «националистичность фразеологии легко объяснима, т.к. именно во фразеологии практически преломляется все, что связано со спецификой психического склада того или иного народа, условиями его быта, культурой, историей, географической средой, флорой и фауной, общественным устройством ... пословицы и поговорки – это ступки народного разума, народной мудрости». Нельзя не согласиться с В.Г.Кульпиной в том, что «изучая «цветовую» идиоматику, мы многое узнаем об обычаях страны, об этнических приоритетах, об особенностях восприятия тех или иных явлений».

В двух языках даже обычные, обиходные слова по-разному могут отражать объективную действительность, не говоря уже о терминах цвета, зачастую содержащих глубинную, дополнительную информацию, известную только носителю языка. Именно это и провоцирует определенные трудности межкультурной языковой коммуникации.

Большой коммуникативной значимостью обладают фразеологизмы, в состав которых входит культурный компонент цвета, цветофразеологизмы благодаря своей большой семантической

емкости, экспрессивности, содержат значительно больший объем страноведческой информации, чем содержит ее отдельное цветоименование.

В аспекте межъязыковой национально-культурной специфики между структурно-семантической эквивалентностью соответствующих испанских и русских цветофразеологизмов и их коммуникативной значимостью наблюдается определенная зависимость. Эту зависимость можно представить тремя группами, в которых прослеживается различная степень коммуникативной значимости:

1) Самой низкой коммуникативной значимостью обладают те испанские и русские цветофразеологизмы, структурно-семантическая эквивалентность, которых совпадает. К этой группе, например, относятся интернационализмы и общепринятые понятия:

ser de sangre azul	<i>быть синей крови</i>	быть аристократом, голубых кровей
dar carta blanca	<i>давать белое письмо</i>	предоставить карт-бланш, свободу действий
mercado negro	<i>черный рынок</i>	черный рынок, нелегальный рынок

2) Более высокой коммуникативной значимостью обладают те цветофразеологизмы, у которых структурная эквивалентность совпадает при несовпадении семантической эквивалентности. Как показал отобранный материал, в сфере цветофразеологии пиренейского национального варианта испанского языка таких единиц очень мало. Приведем примеры:

noches blancas	<i>белые ночи</i>	1) природный феномен; 2) ночи без сна;
Ejército rojo	<i>красная армия</i>	1) популярная рок-группа в Испании; 2) армия Советского Союза

3) Самой высокой коммуникативной значимостью обладают фразеологические единицы, структурно-семантическая эквивалентность которых не совпадает. К этой группе относятся цветофразеологизмы, не имеющие эквивалентов в русском языке:

ponerle negro a uno	<i>чернить кого-либо</i>	раздражать, злить кого-либо, приводить в бешенство; обижать, унижать кого-либо;
garbanzo negro	<i>черный (турецкий) горох</i>	позор семьи
farolillo rojo	<i>красный фонарик</i>	– занявший последнее место в соревновании; худший в чем-либо
ponerse morado	<i>становиться фиолетовым</i>	пресытиться, наестся до отвала
ir (estar, ponerse) de punta en blanco	<i>на белом тике</i>	роскошно одеваться, при полном параде, очень тщательно продумав свой туалет, как того требует мода, с иголки
mirlo blanco	<i>белый дрозд</i>	<i>редкость диковина</i>

Как мы видим из приведенных выше примеров, цветофразеологизмы, составляющие 3 группу, представляют определенную трудность для понимания, т.к. эти единицы маркированы собственно национально-культурными особенностями.

По результатам проведенного анализа, мы можем утверждать, что цвет – это не только свойство предметов вызывать определенные зрительные ощущения, но и специфические ассоциации, возникающие у представителей той или иной национально-культурной общности, а цветофразеологизмы, маркированные национально-культурной спецификой, обладают самой высокой коммуникативной значимостью.

При изучении фразеологии и, в частности, фразеологизмов с компонентом цвета, следует опираться на духовные, культурные и

исторические особенности развития народа – носителя данного языка. И чем дальше генетически отстоят языки (родной и иностранный), тем меньше общих образов, лежащих в основе фразеологизмов. И даже в пределах одной языковой общности, каковой являются испаноговорящие страны, наблюдаются значительные расхождения в формировании фразеологизмов.

Садиков А.В.
(Россия, Москва)

К вопросу об этике перевода

Профессиональная этика переводчика имеет два основания: с одной стороны это – принципы общечеловеческой морали, с другой – те, которые характеризуют любого специалиста – разумеется, в зависимости от специфики профессии.

Приведем резюме как бы общепринятых правил поведения переводчика, приводимых в работе И.С. Алексеевой /1/:

«1. Переводчик не собеседник и не оппонент клиента, а *транслятор*, перевыражающий устный или письменный текст ...

2. Из этого следует, что *текст* для переводчика *неприкосновенен*. Переводчик не имеет права по своему желанию изменять смысл и состав текста при переводе, сокращать его или расширять ...

3. ... Переводчик ... всегда стремится в максимальной мере передать *инвариант* исходного текста, ориентируясь на функциональные доминанты подлинника.

4. В ситуации перевода переводчик обязан соблюдать этику устного общения, уважая свободу личности клиента и не ущемляя его достоинства ...

5. В некоторых случаях ... переводчик оказывается лицом, облеченным также и *дипломатическими полномочиями* ... Если эти дипломатические полномочия за переводчиком признаны, он имеет право погрешить против точности исходного текста, выполняя функцию вспомогательного лица в поддержке дипломатических отношений ...

6. В остальных случаях переводчик не имеет права вмешиваться в отношения сторон, так же как и обнаруживать собственную позицию по поводу содержания переводимого текста» /Алексеева: 29-30/.

Как оценить эти принципы? Первое: они ясны и логичны, что создает хорошую основу для последующей дискуссии. И второе: они воплощают идеальные представления участников межъязычного общения, но не вполне соответствуют реальному опыту переводчика.

Что можно противопоставить процитированным положениям? Сделаем это по возможности кратко, в виде тезисов.

1. Переводчик не транслятор, если понимать под этим устройство, осуществляющее механическую функцию подбора эквивалентов. Переводчик учитывает многие личностные характеристики участников общения, и прежде всего – коммуникативное намерение говорящего, чего до сих пор не удавалось ни одному компьютеру.

2. Текст был бы неприкосновенен, если бы он был, во-первых, на 100 % *определенным* (формализованным и недвусмысленным), а во-вторых, *идеальным*, т.е. порожден идеальным носителем языка, во-первых, не совершающим ни ошибок с точки зрения языковой нормы, ни фактических ошибок, и компенсирующим в своей речи все случаи неопределенности и вероятностного характера самого языка.

3. Инвариант – это то, что всегда принимают за данное, хотя на проверку оказывается, что инвариантом каждый критик перевода склонен считать именно свою версию смысла данного текста или

любого его отрезка. На самом деле, смысл текста – это его интерпретация каждым из участников многоязычного общения (равно как и одноязычного), в основе чего лежит аморфная природа самого языка, формализовать который человечество пытается уже не одну сотню лет.

4. Пункт 4-й совершенно верен, но верно и обратное ему: то же самое правило должны соблюдать по отношению к переводчику другие участники ситуации общения, что они делают далеко не всегда, создавая переводчику массу помех в различных аспектах его работы и заставляя его разрабатывать особую тактику поведения.

5. Пункт 5-й в целом верен, поскольку в нем ставится вопрос о принципах действия переводчика в случае ошибочного поведения говорящего, способного нанести ущерб и его стороне, и ему самому. Но почему это касается лишь ситуации *дипломатического* общения? А в других ситуациях? Помимо прочего, переводчику приходится учитывать, что, в силу объективных причин, ошибка клиента будет чаще всего поставлена в вину самому переводчику.

6. Дискуссия об этике перевода только начинается и пока не вышла за границы простых формул-аксиом, которые не могут объяснить очень сложную реальность, в основе которой лежит, как мы уже говорили, сама природа человеческого общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004.
2. Перевод и коммуникация. Коллектив авторов. М.: ИЯз РАН, 1996.

Синицина А.М.
(Россия, Москва)

Фразеологизмы с компонентами животного мира в перуанском национальном варианте испанского языка

Понятия языка и культуры неразрывно связаны между собой, они взаимодействуют, оказывают друг на друга влияние и потому постоянно меняются, стремясь при этом к стабильности, что закрепляется в самом языке. Эти старые «зацепки» можно увидеть практически в любом слове, если заняться его этимологией и морфемным разбором, однако наиболее ярко они выражены в разговорной речи.

Влияние культуры языка отчетливо проявляется в менталитете его носителей, в особенностях их речи. Картина мира у каждого народа своя, градация понятий и представлений о базовых вещах также различна. Фразеологизмы присутствовали и будут сохраняться в языке на протяжении всей его истории, передавая культурные ценности народа от поколения к поколению.

Языковую картину мира наиболее ярко позволили определить исследования в области истории, культуры, психологии и социологии.

В рамках нашего исследования мы рассматриваем фразеологизмы с компонентами животного мира в перуанском национальном варианте испанского языка.

В представлении перуанцев между человеком и природой существует почти сакральная связь, они сосуществуют в гармонии. А сама фауна – животный мир – необычайно богата и разнообразна, и, конечно, это оставило свой след в языке.

Зооморфизм продуктивно создает оценочные номинации. Сравнение человека и животного универсально: черты, присущие

какому-либо животному можно с легкостью обнаружить в характере, внешности или поведении человека. Животное во фразеологизмах – это своеобразное зеркало физических и нравственных человеческих качеств. Используются названия классов животных, как домашних, так и диких, пресноводных, птиц, насекомых и млекопитающих.

Конечно, в первую очередь, в язык вошли те представители фауны, которые были наиболее близки к человеку. Так, из числа домашних животных в Латинской Америке наиболее часто используется слово *chanchó* (Ам., свинья, поросенок). И в фольклоре, и в речи бытует представление о свинье как о грязном, прожорливом животном. И при рассмотрении фразеологизмов можно заметить, что дается не только общая оценка, исходящая из семантического компонента «грязный», но и эстетическая – «неряшливый, неотесанный человек» или этическая – «грубый, подлый». Общее представление о градации оценки можно получить из нижеприведенных примеров:

1. Cada *chanchó* a su estaca (букв.: каждую свинью на свое место). – Всяк сверчок, знай свой шесток.
2. *Chanchó* embarrado quiere embarrar a los demas (букв.: свинья, испачкавшая в глине хочет запачкать остальных). – Виноватый найдет, кого обвинить.
3. *Chanchó* limpio nunca engorda (букв.: чистая свинья никогда не толстеет). – Честный никогда не будет богатым. = От трудов праведных не наживешь палат каменных.
4. No es el amor al *chanchó*, sino a los chicharrones (букв.: не столько из-за любви к свинье, сколько к шкварке). – Не даром, не за красивые глаза.
5. Ser *chanchó* que no da tocino (букв.: свинья, которая не дает сала). – Быть эгоистом, быть плохим другом.

Фразеологические единицы, в составе которых имеются слова с обозначением диких или домашних птиц, преимущественно употребляются для формирования отрицательной оценки. Внешность

индюка вызывает отвращение. Негативная окраска связана с семантическим ореолом индюка. К примеру:

1. *Comer pavo* (букв.: Съесть индюка). – Опозориться.
2. *Salga pato o gallareta* (букв.: выйдет утка или лысуха). – Будь что будет.
3. *Cabeza de pollo* (букв.: куриная башка). – Голова садовая, пустая башка.
4. *Como gallo con moquillo* (букв.: Как петух с типуном (болезнь у кур)). – Неловкая ситуация среди незнакомых людей.

Фразеологизмы являются ярким примером так называемого «плетения словес», используемого с самых давних пор как в фольклоре, так и в художественных текстах. Смысл данного тропа заключается в нагромождении смыслов вокруг одной фразы или слова. Таким образом, семантика простой лексемы *perro* (собака) значительно расширяется. Это обусловлено и изначальным значением самой лексемы: на протяжении тысячелетий собака была наиболее приближенным к человеку животным, опорой в быту, надежной охраной. Отрицательная коннотация собаки отсылает нас в древность, к представлениям о смерти и загробной жизни (Пес Цербер) или к дьявольским превращениям в разных странах. Например:

Ni en pelea de perros П., Ч. (букв. и не в драке собак) – В глаза не видел, знать не знаю. *Nacerse el perro renco* П. (букв. притворяться хромым псом). – Прикидываться дураком.

В русском языке для характеристики никчемной, ужасной жизни используется выражение *Собачья жизнь*, в то время как в Боливии, Чили и Перу ссылаются на кота. *Para el gato* (букв. для кота). *Bueno para el gato* Бол. (букв. хорошо для кота). – Никуда не годный (никудашный).

Символика слова *лошадь* необычайно сложна, она символизирует интеллект, мудрость, знатность, свет, динамичную

силу, проворство, быстроту мысли, бег времени. Это – типичный символ плодородия, мужества и мощной власти. Соответственно, прилагательное с отрицательной оценкой дает негативную коннотацию. *Caballo loco* Ник., Кол., П. (букв. сумасшедшая лошадь). – Импульсивный человек.

Обычно символ обезьяны в испанском языке имеет негативный характер. К примеру, *soso de mono* П., Ч. (букв. кокос обезьяны). – Что марьяшке очки.

Фразеологизмы с насекомыми имеют пласт негативной характеристики. Лексема *mosca* (муха) обозначает «прилипчивость». Например, *pegarse como la mosca a la nata del saguiye* Бол. (букв. приклеиться как муха к сливкам каши). – Пристать как банный лист.

Данная тема требует многочисленных специальных исследований.

Тамбовцева К.Д.
(Россия, Москва)

Лексико-семантические поля американского молодежного сленга

Как и лексический состав любого языка, молодежный сленг образует совокупность лексико-семантических и тематических полей, которые объединяют общность лексического значения и отнесенность к определенной тематической группе.

Лексико-семантическое поле — понятие весьма емкое. Здесь перекрещиваются главные проблемы лексикологии — проблемы синонимии, антонимии, полисемии, проблема соотношения слова и понятия.

Единицы лексико-семантического поля характеризуются одной понятийной соотнесенностью.

Лексико-семантическое поле имеет ядро, в котором находится имя поля. Тесно связанное с ним видовое имя, синонимы и родовое имя, а также антонимы. Выбор лексемы или группы лексем для роли имени поля очень важен.

Так, существуют определенные приемы для поиска лексем, перспективных для выявления большого лексико-семантического поля, которые характеризуются следующими признаками:

1. Они достаточно просты по морфологическому составу
2. Обладают достаточно широкой сочетаемостью.
3. Обладают психологической важностью.
4. Не являются недавними заимствованиями.
5. Семема такой лексемы обладает большим числом признаков, она не уже любого другого слова в поле, кроме имени темы поля.

В лексико-семантической системе языка вычленяются следующие основные типы лексико-семантических парадигм, находящихся в семантических отношениях иерархии: I — лексико-семантические поля; II — лексико-семантические группы; III — тематические ряды (лексико-семантические подгруппы); IV — многозначные слова, синонимические ряды, антонимические ряды. Основанием для классификации сленговых единиц является общность центрального, ядерного компонента в семантической структуре сленгизма.

В американском молодежном сленге можно выделить следующие семантические поля: «человек», «деньги», «наркотики», «алкоголь», «секс», «проблемы», «одежда», «автомобиль», «еда», «мошенничество», «бездельничество», «смерть», «влюбленность», «дружба», «вечеринки», «полиция», которые в свою очередь делятся

на семантические микрополя, которые состоят из понятийных классов, подклассов и групп.

Так, например, семантическое поле «человек» делится на микрополя: «части тела», «пол», «положительные и отрицательные качества», «профессии», которые также делятся на понятийные классы.

Микрополе «положительные качества» делится на понятийные классы: «классный», «красивый», «умный», «богатый», «модно одетый», «уверенный в себе», и др.

Микрополе «отрицательные качества» делится на понятийные классы: «тупой», «придурак», «деревенщина», «урод», «слабак», «чокнутый», «болтун», и др.

Для выявления семантических полей применяется метод компонентного анализа, метод контекстного анализа, метод ассоциативного эксперимента и др.

Тихонова М.П.
(Россия, Смоленск)

Формы игры со звуком в творчестве французских детских поэтов

Как известно, звуковая сторона стиха является активным проводником смысла. Это – неотъемлемая, глубоко органичная часть в системе средств поэтической коммуникации. Можно предположить, что в детской поэзии звуковой аспект играет более значимую роль, чем в поэзии для взрослого читателя. Это связано со специфическими физиологическими и психическими особенностями ребёнка, с его особым восприятием окружающей действительности, реально-предметным складом мышления.

Для ребёнка, осваивающего язык, характерна страсть к игре звуками, их соединение в разные комбинации, повторы, «обкатывание» звуков. Такой игре дети могут предаваться бесконечно, получая огромное удовольствие от своих «фонетических упражнений» (вспомним работу французского писателя и поэта Андре Спиря о поэтическом и мышечном удовольствии «*Plaisir poétique et plaisir musculaire*»). Российский исследователь литературы С.Б. Рассадин говорит о «материальном ощущении звука», свойственном ребёнку: любое сочетание звуков может для него реализовываться во что-то зримое, осязаемое («Так начинают жить стихом»).

Авторы, пишущие для детей, безусловно, учитывают указанную специфику. Детская поэзия прежде всего предназначена для чтения вслух. Слуховая, фонетическая оболочка детского стихотворения рассчитана на ребёнка-слушателя в большей степени, чем на ребёнка-читателя. Главная ценность таких произведений иногда может заключаться именно в музыкальности, в звучной фонетике.

По нашим наблюдениям, людическая функция является одной из форм развития творчества большинства современных французских поэтов, пишущих для детей. В их стихотворениях мы встречаем разнообразные формы игры со звуком, начиная от распространённых, таких как аллитерации, ассонансы, ономапоеи, и заканчивая более редкими, близкими к так называемой «прикладной» поэзии.

Насыщая текст различными гласными и согласными, имеющими какой-то конкретный звуковой прообраз, поэты передают звучание природы (например, шум ветра в стихотворении Жан-Люка Моро: *Le vent fou dans l'herbe folle / Batifole, / Batifole <...>*), воспроизводят звуки, создаваемые людьми, животными, всевозможными механизмами. Приём ономапоеи очень распространён в детской поэзии, а наиболее употребительными звуковыми имитациями

являются те, которые подражают тиканью и бою часов (*tic-tac, bim, bam, bom*), голосам зверей и птиц (*coin-coin, quoi-quoi, coucou, ouah-ouah*), восклицаниям человека (*oh, ah, ha-ha, hou-hou, oh là là*), работе машин и прочих механизмов (*jiki-jiki, zim, zoum, teuf-teuf, toc-toc, tape-tape*), падающим каплям дождя (*plic-ploc, floc*).

Среди раритетных и очень ярких игровых фоностилистических приёмов в детской поэзии встречаются таутограмма, панграмма, липограмма, панторифма (голорим), анаграмма, контрапетрия, палиндром и некоторые другие. Эти приёмы представляют для автора определённую трудность и в то же время создают ситуацию игрового азарта и удовольствия в преодолении искусственно созданного препятствия. По мнению французского исследователя Анри Сюами («*La Poétique*»), подобные поэтические формы заставляют поэта манипулировать звуками, буквами, слогами, словами, проявляя акробатическое мастерство.

Приведём в качестве примера стихотворение-панграмму Жака Шарпантро «*Poésie fleurie*». Все слова этой похожей на скороговорку считалки включают букву *i*:

Si Sylvie vient ici

Dis-lui bien qui sourit :

Six petites souris

Cultivent six soucis.

Исследованный нами материал показывает, что современная французская детская поэзия даёт нам множество интересных примеров различных сочетаний звуков, которые используются как особый художественный приём с явным людическим эффектом.

Тищенко М.А.
(Россия, Москва)

Языковая политика Квебека

Языковая политика представляет собой совокупность законодательных мер, принимаемых государством и призванных регулировать языковые нормы, отстаивать интересы национального языка, способствовать установлению стабильной языковой среды в том или ином регионе, или в стране в целом.

Наиболее детально понятие «языковая политика» рассматривается в научных исследованиях Е.Б. Гришаевой: *«Составными частями процесса языковой политики являются: изучение языковой ситуации и определение основных принципов языковой политики; кодификация языковых норм; разработка путей совершенствования общественных функций языка; практическое воплощение целей данной языковой политики и запланированной программы действий».*

Исторически Квебек, изначально заселенный выходцами из Франции, в силу экономических и политических причин, находился под сильным влиянием англоязычной Канадой и США. Однако в 1969 году был принят закон «Об Официальных языках», который устанавливал равноправие двух языков в государственных учреждениях. Позднее в провинции усилилась борьба за повсеместное использование французского языка в общественной и государственной жизни. Новая языковая политика предполагала не просто защиту квебекского национального варианта французского языка, но и ограничение влияния английского языка в обществе, создание благоприятной франкоязычной среды, а также принятие мер по присвоению двуязычия англоговорящему населению Квебека.

В 1977г. Национальная ассамблея Квебека создала Хартию французского языка (la Charte de la langue française), которая способствовала принятию закона № 101 (la loi 101), согласно которому французский язык приобрёл статус единственного официального языка в провинции Квебек.

В 80-ые годы XX века одна из приоритетных задач правительства Квебека заключалась в разработке и применении эффективных мер по защите своего официального языка. В первую очередь, институты государственной власти были ориентированы на активную борьбу с англицизмами, так как считалось, что английские заимствования разрушают единство французского языка в Квебеке. Иначе говоря, осознание угрозы со стороны английского языка проявляется не только в общественном сознании, но и на государственном уровне. Языковая политика предусматривала принятие законов, ограничивающих количество англо-американизмов, создание условий для преобладания французского языка над английским; создание лексических ресурсов для наименования новых реалий, как, например, слова «*courriel*» (электронная почта) и «*pourriel*» (спам). Активно разрабатывались и осуществлялись программы «офранцузивания» лексики в финансовых, торговых и промышленных сферах. Например, задача специальных комиссий по терминологии, появившихся после принятия декрета «Об обогащении французского языка» заключалась в ведении в употребление французских неологизмов для замены англоязычных реалий. В газетах периодически публиковались списки подобных слов: *ingénierie* (проектирование) заменяет *engineering*, *dopage* (прием допинга) – *doping*, *logiciel* (софт) – *software*, *palmarès* (список лауреатов) – *hit-parade*, *crédit-bail* (кредитование кредитных операций) – *leasing*,

gestion (управление) – management, parc de stationnement (парковка) – parking lot.

Более того, согласно «Декларации о ценностях Квебека» (*Déclaration des valeurs québécoises*), необходимо «говорить и жить по-французски» (*parler et vivre en français*). Таким образом, школьное обучение на всей территории провинции Квебек осуществляется только на французском языке. Французский язык стал рабочим языком в крупных международных организациях. Реклама, афиши, и вывески должны быть написаны на французском. За несоблюдение этих правил налагаются штрафы. За всем этим следит специальная организация, которая называется L'Office québécois de la langue française.

Несмотря на то, что действующая языковая политика Квебека не может полностью остановить использование английских заимствований, отказ от англицизмов в этой провинции в настоящее время считается языковой нормой. Официальная языковая политика Квебека способствует сплочению общества и сохраняет культурную самобытность квебекцев.

Тупейко Д.В.
(Россия, Белгород)

Особенности употребления местоименных глаголов во французском языке Марокко

Языковая картина современного Марокко отличается обилием языков и их вариантов, используемых в различных сферах различными слоями населения. Более полувека назад на главенствующие позиции был выдвинут арабский язык, его влияние существенно увеличилось, что ощутимо сказалось и на французском

языке, который не исчез бесследно из жизни марокканцев и по сей день. Его использование продиктовано рядом особенностей политики Марокко и необходимостью интеграции страны на мировой арене. Роль французского языка сохраняет свою важность, как в устной речи, так и в письменном языке королевства. Тем не менее, языковая политика Марокко складывается таким образом, чтобы заменить французский язык арабским во всех возможных областях.

В связи с этим французский язык испытывает сильное влияние со стороны арабского языка, которое отражается на всех уровнях, но в данной статье мы хотели бы сконцентрировать наше внимание на морфо-синтаксических особенностях французского языка Марокко, на примере отклонений, возникающих при использовании местоименных (возвратных) глаголов.

Местоименные (возвратные) глаголы во французском языке отличает наличие частицы возвратного типа *se*, которая способна изменяться по числам и родам и которая стоит отдельно от глагола.

Все случаи отклонения от норм классического французского языка можно разделить на три группы:

1) Опущение частицы:

Mais pour les six mois je suis adapté à cette situation вместо *mais pour les six mois je me suis adapté à cette situation* – «но в течение шести месяцев я привыкал к этой ситуации»;

Nous connaissons bien ce que déroule dans les different services вместо *nous connaissons bien ce que se déroule dans les different services* – «мы хорошо знаем, что происходит в различных отделах»;

Nous avons demandé au monitrice qui occupait de ce service de nous permet d'entrer à la salle d'accouchement вместо *nous avons demandé au monitrice qui s'occupait de ce service de nous permet d'entrer à la salle*

d'accouchement – «мы попросили у медсестры, которая занимается этим отделением, позволить нам пройти в родильный зал».

2) Добавление частицы:

Vous n'avez pas le droit d'arrêter un moniteur qui s'accélère dans le rythme de la dictée вместо *vous n'avez pas le droit d'arrêter un moniteur qui accélère dans le rythme de la dictée* – «у вас нет права останавливать оператора, который ускоряется в ритме диктовки».

И наиболее часто встречающийся вариант –

3) несогласование с подлежащим:

J'essayais de s'arrêter d'un temps à l'autre вместо *j'essayais de m'arrêter d'un temps à l'autre* – «я пробовал остановится время от времени»;

Au début j'ai trouvé des difficultés de s'adapter avec les malades вместо *au début j'ai trouvé des difficultés de m'adapter avec les malades* – «по началу я испытывал трудности, привыкая к больным»;

Nous avons changer le lieu pour se diriger vers un service qui est différent вместо *nous avons changer le lieu pour nous diriger vers un service qui est différent* – «мы поменяли место, чтобы направиться к отделу, который отличается».

Все данные случаи употребления местоименных глаголов являются ошибочными, потому что глаголы *arrêter*, *adapter* и *diriger* требуют соответствия между клитикой формы *se* и подлежащим.

По причине того, что в арабском языке отсутствуют местоименные глаголы, арабоязычные жители рассматривают эти глаголы во французском языке как единое целое – *se + глагол*, тем более, что все приведенные отклонения от нормы затрагивают только глаголы в форме инфинитива.

В данной статье были затронуты морфо-синтаксические особенности французского языка в Марокко на примере употребления

местоименных (возвратных) глаголов. Все отмеченные факты отклонения от нормы во французском языке Марокко говорят о сильном влиянии на него со стороны арабского языка, о существенном изменении роли французского языка в образовании, уменьшении его значения. Именно поэтому происходит упущение некоторых грамматических правил и появление подобных отклонений, позволяющих нам говорить о выделении марокканского варианта французского языка.

Тугова Е.В.
(Россия, Москва)

Переключение лингвистического кода как неотъемлемая часть процесса языковых контактов

Языковые контакты – это взаимодействие и взаимовлияние языков, возникающие в результате контактирования индивидов, говорящих на этих языках. Эти явления обычно происходят в определенных географических ареалах и обусловлены этническими, историческими и социальными факторами.

Серебренников Б.А. утверждает, что языковые контакты представляют собой «сложный и многоступенчатый процесс, тесно связанный с развитием общества». Каждый язык тесно связан с психологией и с национальной самобытностью народа, поэтому билингвы достаточно часто выражают свои мысли на нескольких языках, чтобы решить ту или иную коммуникативную задачу проще. Последние исследования показывают, что относительно часто смены языковых кодов используются как средство стратегии общения для передачи социальной и лингвистической информации. Переключение кода можно отграничить как отдельное

стилистическое явление от билингвизма, благодаря тому, что для этого процесса не обязательно быть билингвом. Люди, владеющие парой фраз на другом иностранном языке, тоже могут применять этот процесс в действии.

Сменой кода является переход с одного языка на другой в рамках одного высказывания. Переключение кода всегда мотивировано.

Достаточно часто переключение кода выполняет текстообразующую функцию, заполняя лексический пробел в языке реципиенте, связанный с отсутствием в нем того или иного понятия. Если рассмотреть заголовки из публицистического текста на английском языке, мы сможем наглядно увидеть этот процесс: *“Nothing like a neighborhood complaint **in lieu of** a welcome party.”*

В этом примере мы видим, как французское слово «**lieu** (место)» ассимилируется в общий текст с предлогом «in» вместо французского «à» и переводится как «вместо» (au lieu de=in lieu of). Здесь кодовое переключение реализуется внутри синтаксической конструкции. Переключение кода подчиняется грамматическим нормам английского языка. Конечно, вместо этого выражения вполне вписался бы предлог “instead”, но французский эквивалент звучит более помпезно и, тем самым, смягчает смысл этого заголовка.

*«Today she’s a walking billboard for **au naturel** beauty, wearing minimal make-up, a simple black tee, jeans and heels.»* (Сегодня она является настоящим отражением натуральной красоты, нанося минимум макияжа, она надевает черную футболку, джинсы и туфли на каблучке). В этом примере мы видим, как фраза **au naturel** заменяет английское слово **natural**, которое подходит по смыслу в этом предложении. Говорящий пытается воспользоваться этим

лексическим приемом, чтобы подчеркнуть всю красоту и изящность образа актрисы.

Функционально-прагматический потенциал переключения кода в контексте глобализации повышается, оно выступает как один из приемов обращения к различным аудиториям по всему миру. Частое применение элементов другого языка в тексте является проявлением глобализационных процессов и направлено на оптимизацию построения общения в рамках языковых контактов.

Улюмджиева В.Э., Мишин А.П.
(Россия, Москва)

**Межкультурная коммуникация: к вопросу о формировании
социокультурной компетенции**

Формирование способности студентов к участию в межкультурной коммуникации занимает центральное место в учебном процессе. Это особенно важно сейчас, «когда смещение народов, языков, культур достигло невиданного размаха — и как всегда остро встала проблема воспитания терпимости к чужим культурам, пробуждения интереса и уважения к ним, преодоления в себе чувства раздражения от избыточности, недостаточности или просто непохожести других культур. Именно этим вызвано всеобщее внимание к вопросам межкультурной коммуникации».

Под межкультурной коммуникацией мы понимаем адекватное взаимопонимание двух или более участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам. Именно расхождение культур зачастую является причиной непонимания друг друга, даже если люди владеют одним и тем же языком. Актуальность приобретает межкультурная коммуникация в сфере повседневного

общения — знание моделей общения, культурных стереотипов, ценностных ориентиров, образов и символов культуры.

Результатом знакомства с культурой страны изучаемого языка и овладения способами межкультурного общения является формируемая у студентов социокультурная компетенция как составная часть коммуникативной компетенции. Термин «социокультурная компетенция» подразумевает знание студентами национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка, их обычаев, этикета, социальных стереотипов, истории и культуры, а также способов пользования этими знаниями в процессе общения. П.В.Сысоев в социокультурную компетенцию включает знание социокультурного компонента, а также опыт общения и использование языка в различных социокультурных ситуациях. Немаловажную роль в формировании представлений о культуре страны изучаемого языка играют также факторы родной социокультурной среды. В состав социокультурной компетенции входят страноведческая и лингвистическая информация. Лингвострановедческие знания включают сведения о безэквивалентной и фоновой лексике и способах её передачи на родном языке, культурологическую составляющую аутентичных текстов, речевой этикет носителей языка. Социокультурные знания, умения, навыки, формируются в процессе работы над текстами, в ходе устно-речевого и письменного общения.

Язык и культура тесно связаны между собой в процессе общения. Язык является хранителем культурных ценностей, запечатленных в единицах языка, в устных и письменных текстах. Будучи носителем культуры, язык одновременно является и передатчиком культурных ценностей от одного поколения к другому. Овладевая родным языком, человек усваивает вместе с ним и обобщенный культурный опыт

предшествующих поколений, говоривших на этом языке. Знакомство с иностранным языком позволяет овладеть не только новым языковым кодом, но и присущим его носителям образом жизни, обычаями, достижениями культуры. Язык не существует вне культуры и, будучи одним из видов человеческой деятельности, является составной частью культуры. Из этого следует, что культура — это один из объектов обучения (наряду с языком, речью, речевой деятельностью). В результате знакомства с культурой страны изучаемого языка обучающиеся приобретают знания, умения и навыки, обеспечивающие возможность межкультурной коммуникации, т. е. способность к взаимопониманию участников коммуникации, принадлежащих к разным национальным культурам.

Социокультурная компетенция обеспечивает возможность не только участвовать в межкультурной коммуникации, но и пользоваться языком на уровне его носителя, т.е. стать языковой личностью, умеющей организовывать своё речевое поведение в соответствии не только с нормами изучаемого языка, но и с культурой его носителей.

Поэтому социокультурная компетенция позволяет говорящим на иностранном языке чувствовать себя практически на равных с носителями языка (в отношении культуры), что является шагом к адекватному владению иностранным. Конечным этапом социокультурной компетенции является способность обучающихся оперировать необходимыми знаниями-концептами и адаптировать (если это необходимо) свое поведение к поведению, адекватному или близкому к носителям языка. Следовательно, знания культуры страны изучаемого языка являются не просто важными и значимыми, они играют определяющую роль при использовании языка и тем самым влияют на иноязычную коммуникативную компетенцию обучающихся.

Усманова З.А.
(Россия, Москва)

Французский язык как детерминант квебекского самосознания

В настоящее время охватившие мир процессы глобализации и мультикультурализма вызывают серьезную угрозу размывания национальной идентичности, языковой ассимиляции и разрушения лингвокультурного пространства. Исследователи различных областей науки все чаще обращаются к так называемому «квебекскому опыту», который стал широко известен не только резким подъемом национального самосознания в Квебеке, но и последовавшими резкими изменениями во всех государственных сферах Канады.

Феномен проводимой канадской языковой политики заключается в том, что франкофонное меньшинство не только не утратило свою идентичность, язык и культуру, но и упрочило свои позиции в политической и социально-экономической жизни страны. Франкофонный Квебек с почти 8 млн. населением составляет несопоставимо малую часть Канады, однако его политические силы имеют мощное влияние в стране и за ее пределами. Доказательством тому является наличие собственного флага, герба и двух вариантов гимна (неофициальных, но популярных в Квебеке), а также тот факт, что на протяжении последних пятидесяти лет должность премьер-министра в основном занимали франкоканадцы. Более того, квебекцам удастся на протяжении многих лет сохранять за собой право решать иммиграционные вопросы, касающиеся въезда и проживания в Квебеке, и, таким образом, влиять на общую интеграционную политику, проводимую правительством Канады.

Проблема влияния французского языка на сохранение национальной идентичности квебекского общества является

чрезвычайно актуальной. В рамках доклада планируется продемонстрировать определяющую роль французского языка в укреплении и сохранении самоидентичности квебекцев. В качестве языкового материала привлекались материалы из СМИ и данные проведенных нами интервью и анкетирования.

Наряду со стремлением квебекцев сохранить и укрепить позиции французского языка в масштабах государства наблюдается стойкая тенденция к самоидентификации квебекского общества. По нашим данным, около 90% информантов на вопрос о национальности ответили *Québécois(e)* (т.е. из Квебека), а не канадец/канадка. Как пишет квебекская журналистка Валери Бурдо в статье «Как определить, что Вы из Квебека», *если вы квебец, вы не француз и весьма вероятно, что вы не идентифицируете себя с канадцем, независимо от того, что вы думаете насчет суверенитета. Вы определено квебец.*

Результаты проведенного нами социолингвистического исследования показали, что жизнеспособность французского языка в Канаде не вызывает у квебекцев ни малейшего сомнения. На вопрос «Считаете ли вы, что французский язык сохранится в Квебеке?» 100% респондентов ответили утвердительно. Интересно, что в интервью наши респонденты выражали желание и надежду на упрочнение геополитических позиций Квебека в будущем: *une majorité de jeunes québécois ne se reconnaît plus dans le Canada actuel et souhaite fonder un nouveau pays de langue française sur le continent nord-américain / подавляющее большинство квебекской молодежи не считает себя частью современной Канады и желает создать на североамериканском континенте новую франкоговорящую страну.*

Рассуждая о проблемах бикультурализма в Канаде, 75% информантов подчеркнули, что для них не существует проблемы

размывания национальной идентичности или, как образно выразился один респондент, «проблемы плавильного котла, как у американцев», поскольку один язык и одна культура «говорят» в них больше, чем другая. Иными словами, большинству квебекцев не свойственен поиск аутентичного «я» в этническом аспекте.

Результаты исследования свидетельствуют о существовании тревоги и озабоченности квебекцев относительно асимметричности использования английского и французского языков в Канаде. Несмотря на официальный статус равенства обоих языков, многие респонденты отмечали наличие проблем при обращении в государственные инстанции, находящиеся за пределами Квебека, т.е. часто официальные лица госструктур не владеют французским языком. По словам нашего информанта, «защита французского языка важна еще и потому, что мы просто утонули в англоязычной стране. И если прибавить 300 миллионов соседствующих с нами англофонов из США, я понимаю, почему государство не сильно беспокоит эта проблема. Их языку ничто не угрожает».

Отсутствие равновесия в билингвизме представляет серьезную проблему для франкофонов Канады, которые видят решение данного вопроса в интеграции новых жителей Квебека. Одним из обязательных условий иммиграции в Квебек является готовность новых граждан «жить и говорить на французском языке». Как сказано в «Энциклопедии народов Канады», язык – это «не только индикатор принадлежности к определенной этнической группе, он также является средством участия в жизни всего общества».

Устинова О.В.
(Россия, Москва)

Городское просторечие в Канаде

Языковая ситуация в Канаде характеризуется сосуществованием двух языковых систем – системы высокой книжной речи и «некнижной» разговорной речи. Такая диглосная ситуация характеризуется устойчивым функциональным балансом и большой стабильностью. Основной чертой выступает существенная дистанция, обнаруживаемая во французском языке Канады между книжной формой речи, ориентированной на норму французского языка Франции, и унифицированным квебекским узусом, развивающимся самостоятельно. Устная речь франко-канадцев представлена двумя разновидностями: сельским просторечием (*français populaire*) и городской формой речи (*joual*), последняя в течение длительного времени подвергалась существенной английской ассимиляции на всех уровнях языка. В настоящее время в речи образованных франко-канадцев элементы городского просторечия обнаруживаются довольно регулярно.

Лингвисты отмечают, что франко-канадцы вне зависимости от уровня образования в различных коммуникативных ситуациях могут прибегать к различным языковым регистрам. Прежде всего, есть стандартный французский, он приближается по всем параметрам к французскому языку Франции. Им пользуются, прежде всего, образованные люди и элита, дикторы и комментаторы радио и телевидения, это язык, который употребляется при официальном общении. В неофициальных обстоятельствах образованные люди и элита говорят на разговорно-фамильярном языке «*langue familière*», свободно переходят на городское просторечие жуаль. С точки зрения

канадских лингвистов, те франко-канадцы, которые говорят на стандартном французском языке, являются билингвами, поскольку в силу своей образованности владеют и стандартным французским языком метрополии, и городским просторечием.

Сам термин «жуаль» произошел от французского *joual* (досл. *cheval* «лошадь»), получил распространение в 60-е годы XX в. благодаря Андре Лорендо (André Laurendeau), главному редактору ежедневной газеты *Le Devoir*, и Жан-Полю Дебьену (Jean-Paul Desbiens), автору произведения «*Insolences du frère Untel*». Они сравнивают «жуаль» с «болезнью» канадского общества, говорят о его пагубном влиянии на общественную жизнь, которое все больше и больше отдалается от нормы французского языка Франции. Вот как описывает жуаль Жан-Поль Дебьен (Jean-Paul Desbiens): «...говорить на жуаль все равно, что говорить на французском языке как лошадь». Мишель Трамбле (Michel Tremblay), канадский писатель, напротив, утверждал, что стыдиться «жуаль», \ все равно, что стыдиться своего происхождения. В 1968 году выходит в свет его пьеса «*Невестки*» («*Belles Soeurs*»), написанная на жуаль. Громкий успех пьесы в 1968 году выводит жуаль на авансцену всех дискуссий о квебекском варианте французского языка. Попытки объявить его маркером квебекской идентичности не встретили одобрения в франкофонном обществе Канады, обнаружив со всей очевидностью различные направления по обустройству (*aménagement*) французского языка в Канаде.

Своим происхождением жуаль обязан трем факторам: лингвистической изоляции Канады с середины 1760 года, сильному англоязычному влиянию, а также значительной социальной сегрегации между англо-канадцами (и другими англофонами), занявшими доминирующие посты в политике и экономике, и

франкофонами, которые составили большинство квебекского крестьянства провинции Квебек, а с началом массовой урбанизации также и рабочего класса Монреаля.

Жуаль в Канаде обладает рядом отличительных характеристик. На уровне фонетики отмечены элизия (выпадение звука в слове или фразе с целью облегчения произношения для говорящего) и ассимиляция (уподобление звуков друг другу в пределах одного слова или словосочетания): употребление *té* вместо *tu es*, *ben* вместо *bien*, *chu* вместо *je suis*, *tsé* вместо *tu sais*. На уровне лексики выявлены примеры неизменяемых англицизмов: *une couple de* (Канада), *a couple of* (Великобритания), *quelques* (Франция); *prendre une chance* (Канада), *take a chance* (Великобритания), *prendre un risque* (Франция). Частотно употребление междометия *hein?* в канадской разговорной речи: *C'est ben pour dire, hein?* На уровне грамматики наиболее типичными ошибками являются, например, неправильное употребление рода существительных: *un ambulance*, *un escalier*, а также неследование правилам употребления вспомогательных глаголов *avoir* и *être*: *Je m'ai fait mal!* (*Je me suis fait mal*).

Внутренняя диглоссия в Канаде носит континуальный характер, проявляющийся, главным образом, в отсутствии резких границ между литературной и просторечной формами. Важным условием при существовании такой диглоссии является то обстоятельство, что говорящие делают сознательный выбор между разными коммуникативными средствами и используют те из них, которые наилучшим образом способны обеспечить успех коммуникации.

Uthai R.
(Thailand, Pattani)

Monosyllabic loan words in Pattani Malay

1. Introduction

Patani Malay is a dialect of Malay language which classified as a member of Austronesian family. One of linguistic features of the languages in this family is polysyllabic. However, many monosyllabic words are founded in Patani Malay Dialect. This phenomena was caused mainly by linguistic contact. Patani Malay dialect had contacted with other languages influencing to it (for the details see Uthai (2011)). This research aimed to identify monosyllabic loan words found in Patani Malay. The main data were collected from dictionaries and word lists. Additional data were drawn from the researcher's knowledge as native speaker of Patani Malay dialect. Moreover, the data were checked with informants to ensure the accuracy. The result of study showed that monosyllabic loan words in Patani Malay dialect were borrowed mainly form Mon, Khmer, Arabic, English and Thai language.

2. Monosyllabic Words Loaned from Mon Language

Some of monosyllabic words in Patani Malay dialect were loaned from Mon language as shown in the table below.

No.	Patani Malay	<u>Mon</u>
1	/mE// 'mother'	/mi-:/'mother'
2	/peN/ 'kind of food'	/p<->:N/ 'kind of food'
3	/di// 'very silence'	/dit/ 'very silence'

3. Monosyllabic Words Loaned from Khmer Language

There is a number of monosyllabic words in Patani Malay dialect which were loaned from Khmer language. See the table below.

No.	Patani Malay	Khmer
1	/s□// 'placenta'	/sok/ 'placenta'
2	/kkEN/ 'jaw'	/tHkiam/ 'jaw'
3	/pp□N/ 'small metal tin'	/kAmp□N/ 'tin'
4	/tah/ 'basin'	/tHa:t/ 'basin'
5	/yo// 'jail'	/kuk/ 'jail'
6	/c□// 'hoe'	/cA:p/ 'hoe'
7	//□// 'endure'	//At/ 'endure'
8	/y□h/ 'rap'	/kuEh/ 'rap'
9	/cHo// 'cancel'	/b□/cHok/ 'stop'
10	/dE/ 'catch up with'	/t□↔n/ 'catch up with'
11	/ko// 'howdah'	/koup/ 'howdah without roof'
12	/la/ 'ask to leave'	/li↔/ 'ask to leave'
13	/yoN/ 'throw'	/caol/ 'throw'
14	/ti// 'condemn'	/teh/ 'condemn'
15	/na// 'market fair'	/nat/ 'appointment'
16	/cHaN/ 'technician'	/ci↔N/ 'technician'
17	/woN/ 'circle'	/wu↔N/ 'circle'
18	/cE/ 'remember'	/cAm/ 'remember'
19	/□□// 'able to'	/ru↔c/ 'able to'
20	/soN/ 'suitable'	/s□m/ 'suitable'
21	/c□// 'to park'	/c□:t/ 'stop'
22	/c□// 'end'	/cA:p/ 'end'

4. Monosyllabic Words Loaned from Arabic Language

Some monosyllabic words in Arabic language were borrowed to Patani Malay dialect. See words in the table below¹.

No.	Patani Malay	Arabic
1	/s□// 'doubt'	/Σakk/ 'doubt'
2	/dE/ 'damages (in Islamic context)'	/dām/ 'damages (in Islamic context)'
3	/s□h/ 'valid'	/s ^v ah@/ 'valid'
4	/ba// 'chapter'	/baab/ 'chapter'
5	/sah/ 'row'	/s ^v af/ 'row'
6	/za// 'substance'	/Δaat/ 'substance'
7	/loh/ 'writing board'	/lau□/ 'writing board'
8	//ae// 'shame'	/√aib/ 'shame'
9	/roh/ 'soal'	/ruu□/ 'soal'
10	/tto// 'long robe'	/Ilaub/ 'long robe'
11	/ha/ 'metter'	/□aal/ 'metter'
12	/h□// 'right'	/□aθ/ 'right'

5. Monosyllabic Words Loaned from English Language

Some of English loan words in Patani Malay are monosyllabic. See the table below.

¹ The source of Arabic loan words in Patani Malay is from Kaseng (2011)

No.	Patani Malay	English
1	/beN/ 'bank'	<bank>
2	/bo// 'book'	< book>
3	/bo// 'boot'	< boot>
4	/be// 'bag'	< bag>
5	/b□N/ 'bomb'	< bomb>
6	/cH□// 'shock'	< shock >
7	/cHEN/ 'champ'	< champ>
8	/fiN/ 'film'	< champ>
9	/γEN/ 'gang'	< gang>
10	/jE// 'jack'	<jack>
11	/je/ 'jail'	<jail>
12	/jeN/ 'jam'	< jam>
13	(/boəsi) jeN/ 'zinc'	< zinc>
14	/jiN/ 'jean'	< jean>
15	/luh/ 'loose'	< loose>
16	/si// 'zip'	< zip>
17	/cah/ 'charge'	< charge>

6. Monosyllabic Words Loaned from Thai Language

Some monosyllabic words in Patani were loaned from Thai Language. See words in the table below¹.

No.	Patani Malay	Thai
1	/bE// 'fesyen'	/bE↑:p/ 'fesyen'
2	/s□N/ 'brothel'	/s□↓N/ 'brothel'
3	//u/ 'garage'	//u↑:/ 'garage'
4	/pE/ 'kick a ball'	/pE:/ 'kick a ball'
5	/tHE@// 'touch'	/tE↑// 'touch'
6	/pHu// 'practice'	/fœ↑k/ 'practice'
7	/moN/ 'hit (a ball) with head'	/mo↑N/ 'hit (a ball) with head'
8	/s□// 'exam'	/s□↑:p/ 'exam'
9	/c□N/ 'to book'	/c□:N/ 'to book'
10	/yu/ 'pair'	/kHu↓:/ 'pair'
11	/b□/ 'enough'	/pH□:/ 'enough'
12	/wa/ 'kite'	/wa↓w/ 'kite'
13	/tHa/ 'action'	/tHa↓:/ 'action'
14	/cEN/ 'inform'	/cE↓:N/ 'inform'
15	/ci/ 'rob'	/ci↓:/ 'rob'
16	/bu// 'trespass'	/bu↑k/ 'trespass'
17	/j□N/ 'give in'	/y□:m/ 'give in'
18	/dE/ 'immigration office'	/da↑:n/ 'immigration office'
19	/j□// 'round (for boxing)'	/yo↔k/ 'round (for boxing)'
20	/r□// 'round'	/r□↓:p/ 'round'

7. Conclusion

In phonological aspect, some sounds, both vowels and consonants, of monosyllabic loan words in Patani Malay are same as appear in original

¹The source of Arabic loan words in Patani Malay is from Uthai (1999)

language, some are different. In semantic aspect, most monosyllabic loan words in Patani Malay carry the same meaning with their cognates in original languages. Only few of them are different. Monosyllabic loan words in Patani Malay are increasing nowadays. Their main source is Thai language. As a majority, official and national language of Thailand, Thai language has much influence on Patani Malay.

References

1. Uthai, R. 1999. Etymology of Pattani Malay: the Source from Tai-Kadai and Austroasiatic. Ph.D. dissertation. Universiti Kebangsaan Malaysia.
2. Kaseng, A. 2001. Arabic Loan Words in Patani Malay. M.A. Thesis. Chulalongkorn University. Bangkok.
3. Uthai R. 2011. *The Distinction of Pattani Malay Dialects*. Bangi: Penerbit Universiti Kebangsaan Malaysia.

Уютова Е.В.
(Россия, Москва)

Об организации самостоятельной работы студентов в неязыковом вузе

Современная тенденция к гуманизации сферы образования предполагает внесение определенных изменений как в структуру образования и обучения как его составляющей, так и в систему взаимодействия между участниками образовательного процесса. Это, прежде всего, касается системы вузовского образования, в которой студент как взрослый обучающийся принимает на себя роль организатора и регулятора процесса собственного учения, а преподаватель выступает в роли тьютора или консультанта. При этом одной из важнейших задач последнего является способность включить обучающегося в качестве активного участника образовательной деятельности в групповое взаимодействие на основе творчески организованной профессиональной коммуникации. Данная

модель современного образования настолько же ясна, насколько неясными являются методы ее достижения.

Изначально следует отметить тот факт, что социальный заказ общества – подготовить в короткий срок специалиста, хорошо владеющего иностранным языком – редко согласуется с требованиями учебной программы неязыкового вуза и минимальным количеством часов в действующем учебном плане. Современная высшая школа справляется с языковой подготовкой настолько, насколько она в состоянии решать следующие проблемы:

1. различия в уровне владения иностранным языком среди абитуриентов являются существенными – от начального до продвинутого;

2. количество обучающихся в группе часто превышает общепринятые стандартные нормы;

3. на фоне неровного и, в общем, довольно низкого уровня языковой подготовки абитуриентов неязыковых вузов число аудиторных часов, выделенных учебным планом на иностранный язык, является недостаточным. В частности, за весь курс бакалавриата государственный стандарт предусматривает от 170 до 380 часов;

4. по традиции языковой подготовки студентов неязыковых вузов, унаследованной от советской высшей школы, основное внимание уделяется освоению профессионально-ориентированной лексики, чтению и переводу текстов профессиональной направленности. Вместе с тем, отработка других, не менее значимых навыков ведется по остаточному принципу.

Анализируя проблемы, возникающие сегодня перед преподавателем иностранного языка в неязыковом вузе, мы приходим к твердому убеждению в том, что добиться поставленной цели, а именно, научить студента в течение ограниченного учебными

рамками временного периода говорить о проблемах своей специальности и понимать речь носителей языка – можно, сочетая традиционные и инновационные методы обучения, делая решительный упор на интенсификацию учебного процесса и самостоятельную работу студентов.

Для эффективной организации самостоятельной работы студентов следует уже на начальном этапе обучения познакомить их со всем многообразием возможностей компьютерных технологий, включая использование ряда Интернет-сайтов; применение скайпа; поиск дополнительной информации в Интернете по заданию преподавателя; использование блогов в самостоятельном изучении английского языка.

Однако перечисленные способы будут работать лишь при высоком уровне учебной мотивации. Как известно, активность в учении не принадлежит к врожденным качествам личности. Она формируется в процессе познавательной деятельности и характеризуется стремлением к познанию, умственным напряжением и проявлением нравственно-волевых качеств обучающихся. Задача преподавателя, начиная с самого первого занятия – помочь своим студентам повысить мотивацию к изучению иностранного языка. *“Well begun is half done”*, – гласит английская пословица. Многое зависит от того, как преподаватель начнет свой курс. Целесообразным представляется познакомить студентов с рядом понятий из области психологии мотивации, методики планирования самостоятельной работы, в частности:

- 1) обсудить причины феномена «лингвистической тревожности», возникающей на занятиях по иностранному языку;
- 2) познакомить с понятием «учебной автономии»;

3) познакомить с теорией «множественного интеллекта», предложить пройти несложный тест “*What kind of learner are you?*” с целью определения типа интеллекта;

4) обсудить вопросы, связанные с обязанностями обучающегося как активного участника образовательного процесса (active learner). На этом этапе можно задать студентам вопросы типа “*How much time can you realistically spend on learning foreign language in your free time?*”; “*What do you think you could do to make the most of your classroom time?*” “*How would you like your teacher to help you?*” В завершении данного обсуждения можно предложить студентам составить так называемый *study contract* – учебный контракт, успешная реализация которого станет общей целью обучающегося и преподавателя.

Червякова Л.Д., Масленникова А.А.
(Россия, Москва)

Использование мультимедийных технологий в дистантном образовании на очно - заочной форме обучения

Главной образовательной системой XXI века специалисты по стратегическим проблемам образования признают дистанционную (дистантную) форму обучения. Ей придается огромное значение, так как результаты общественного прогресса в эру информатики, ранее сосредоточенные в сфере технологий, концентрируются в информационной сфере. Этап развития, который в настоящий момент можно охарактеризовать как телекоммуникационный, это – область общения, информации и знаний.

Специалисты и пользователи дистанционного обучения постоянно сталкиваются с «терминологической» проблемой: дистанционное обучение или дистантное обучение.

Термин «дистантный» происходит от английского слова distant, одно из значений которого «безразличный», в нашем случае безразличный к расположению субъектов и объектов во времени и пространстве. Кроме того, до 1993г. преимущественно этот термин использовался в научных и официальных источниках. С этих позиций употребление термина «дистантный» более целесообразно.

Технологии дистантного образования, как правило, толкуют двояко:

- это – технологии расширения образовательного пространства за счет обеспечения возможности включения в образовательное поле людей, находящихся в периферийных регионах, и создания новых образовательных услуг для самообразования; оно подразумевает только возможность самообразования;

- это – предоставление возможности получения престижного образования с соответствующим дипломом и сертификатом; оно требует создания развитой системы оперативного управления образовательными процессами, обеспечивающего соответствие уровня получаемых знаний, умений и навыков образовательному стандарту РФ и соответствующую систему сертификации этих знаний.

Основными технологиями дистантного образования являются: кейсовая технология, телекоммуникационная технология и интернет-технологии: web-ресурсы, flash - технологии, блоги, сайты, wiki - ресурсы, системы контроля (scorm /aicc пакеты), программа для дистантного обучения moodle и т.д.; допускается сочетание основных видов технологий обучения.

Не следует отождествлять дистантную форму с заочной формой обучения, так как первая предусматривает постоянный контакт с преподавателем, с другими учащимися киберкласса, имитацию всех видов очного обучения, но специфичными формами.

Серьезные научно-исследовательские работы, экспериментальные проверки и теоретические исследования направлены на разработку курсов дистантного обучения и методики их использования для различных целей базового, углубленного, дополнительного образования.

Модульная объектно-ориентированная динамическая среда (moodle) открывает широкие возможности для коммуникации в дистантном обучении, что является одной из самых сильных сторон этой программы.

Moodle ориентирована на совместную работу. В системе для этого предусмотрена масса инструментов: вики, глоссарий, блоги, форумы, практикумы. При этом обучение можно осуществлять как асинхронно, когда каждый студент изучает материал в собственном темпе, так и в режиме реального времени, организовывая он-лайн лекции, семинары, форумы и чаты.

Система поддерживает обмен файлами любых форматов, как между преподавателем и студентом, так и между самими студентами.

В форуме можно проводить обсуждение по группам, оценивать сообщения, прикреплять к ним файлы любых форматов; а в личных сообщениях и комментариях – обсуждать конкретную проблему с преподавателем лично; в чате обсуждение происходит в режиме реального времени.

Рассылки оперативно информируют всех участников курса или отдельные группы о текущих событиях: не нужно писать каждому

студенту о новом задании, группа получит уведомления автоматически.

Moodle создает и хранит портфолио каждого учащегося: все сданные им работы, оценки и комментарии преподавателя, сообщения в форуме. Программа позволяет контролировать «посещаемость» – активность студентов, время их учебной работы в сети.

В итоге, преподаватель использует свое время более эффективно. Он собирает статистику по студентам: кто что скачал, какие домашние задания сделал, какие оценки по тестам получил. Таким образом, понимая насколько студенты разобрались в теме, с учетом этого ведущий курс может предложить материал для дальнейшего изучения.

На очно – заочном отделении, направление «Лингвистика», филологического факультета РУДН разрабатывается программа moodle по трем курсам: «Основы теоретической грамматики английского языка»; «Основы теории перевода английского языка»; «Язык делового общения».

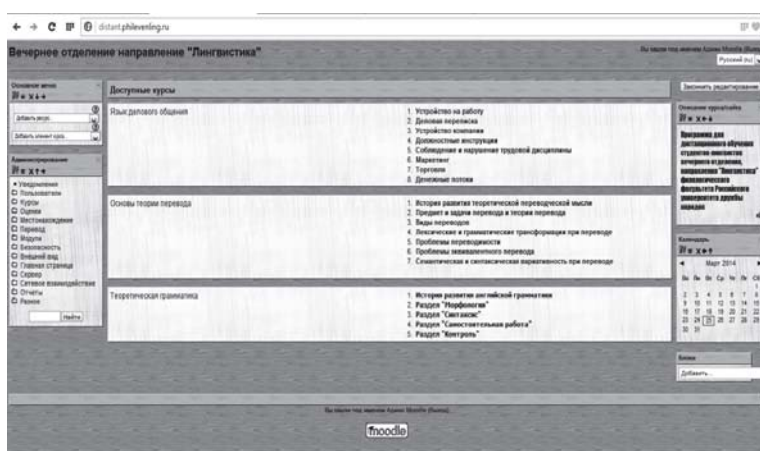
Созданные курсы в дистантной программе moodle позволяет **студентам** учиться в любое время, в любом месте, в удобном темпе и тратить больше времени на глубокое изучение интересующих их тем.

Используя эту программу moodle по трем разработанным курсам **преподаватели** имеют возможность поддерживать курс в актуальном состоянии; менять порядок и способ подачи материала в зависимости от работы группы; тратить больше времени на творческую работу и профессиональный рост; поддерживать обратную связь с учениками, в том числе и после окончания учебы.

Администрация очно-заочного отделения получает возможность эффективно распределять нагрузку преподавателей; анализировать

результаты обучения и снижать затраты на управление учебным процессом.

Программа moodle предлагает решения для всех возможных задач управления учебным процессом. Если же готового решения пока нет или оно несовершенно, функционал системы можно легко расширить.

Шейпак С. А.
(Россия, Москва)

Медиадискурс в современной таксономии дискурсов

В современных СМИ в последнее время появились новые понятия медиатекст и медиадискурс, которые должны быть включены в уже существующую таксономию дискурсов.

Анализируя теоретические проблемы, связанные с классификацией дискурсов, А. А. Кибрик отмечает, что в дискурсивном анализе более подробно разработаны вопросы глобальной и локальной структуры дискурса, а также связи дискурсивных явлений с другими языковыми явлениями,

морфосинтаксическими, лексическими, фонетическими. Однако таксономия дискурса, считает он, разработана значительно слабее. Он предлагает при разработке его таксономии учитывать, по крайней мере, четыре параметра, наиболее общий из которых Кибрик определяет как модус. Базовым модусом, по его мнению, является устный, которому соответственно противостоит письменный. При этом подчеркивается традиционно закрепленный в лингвистике большой интерес к письменной форме, которая от устной отличается синтаксическими структурами; маркерами взаимодействия коммуникантов, присутствующими на всех языковых уровнях, от просодии до синтаксиса. Технические средства коммуникации, по мнению Кибрика, определяют разновидности дискурса – подмодусы. Одним из них является электронный дискурс, который в силу его чрезвычайной распространенности в современном мире он предлагает выделить в особый модус наравне с письменным и устным. Также как и R. Panckhurst (2007), изучающая особенности электронного дискурса в сопоставлении с устным и письменным, Кибрик утверждает, что можно говорить об устойчивых отличиях электронных текстов от уже закрепленных форм письменной и устной коммуникации. Можно предположить, таким образом, что медиадискурс становится сегодня самостоятельным модусом, в котором своеобразным образом будут пересекаться черты уже существующих модусов, письменного и устного.

Вторым параметром при таксономии дискурсов может стать их жанровая атрибуция, которая основывается на концепции жанра, предложенной М. М. Бахтиным. В ее основе лежит тематическое содержание, стиль и композиционное построение высказывания, определяемое сферой общения. В качестве экстралингвистического критерия отнесенности текста к определенному жанру Дж. Суэйлс

предлагает рассматривать принадлежность к дискурсивному сообществу. Лишь вошедший в определенное дискурсивное сообщество владеет правилами создания дискурса этого жанра. Критерий Суэйлса будучи верным по сути, становится фактически неприменимым из-за отсутствия механизмов формализации. Однако, когда Бахтин говорит о «типической концепции адресата», реализация которой в высказывании и создает речевой жанр, он предполагает, что автор высказывания моделирует апперцептивный фон восприятия его речи адресатом высказывания. Этот фон включает в себя о знания данной культурной области общения, знания о ситуации общения, взгляды, убеждения и предубеждения адресата, его симпатии и антипатии. Очевидно, что высказывание, построенное с учетом данного фона, должно удовлетворять критерию Суэйлса, поскольку будет адаптировано для восприятия адресатом, если под адресатом понимать сообщество, разделяющие определенные культурные знания, ценности и нормы.

Та характеристика дискурса, которая может быть выведена по Бахтину из апперцептивного фона восприятия дискурсивного сообщества, к которому принадлежат одновременно автор и адресат высказывания в когнитивной модели дискурса, сформулированной Ван Дейком, определяется как макроструктура. Макроструктура формируется по Ван Дейку, благодаря общим принципам восприятия, которые разделяют автор и адресат, основанным на общих знаниях, убеждениях, мнениях, установках, целях, стратегиях интерпретации. Макроструктуры дискурса определяют в данной модели макростратегии его понимания, разработка которых основывается, в первую очередь, на культурно обусловленных знания о мире. Следующий этап выработки макростратегий опирается на «тематические репертуары» дискурса. Они выявляются на уровне

макроструктур, определяющих, что «будет или может быть сказано, кем и в какой ситуации». Подчиняющийся иерархии по степени вероятности и приемлемости в реальной коммуникации, репертуар тем будет определять контекстуальные стратегии, которые строит читающий или слушающий. Тематические репертуары, как подчеркивает Ван Дейк, ограничиваются культурными нормами, социальной ситуацией, спецификой коммуникативного события, социальными и личностными характеристиками говорящего или пишущего.

Можно предположить, что в жанровом отношении особенности медиадискурса будут зависеть от того, насколько электронные тексты, создающиеся в медийном пространстве, будут адаптироваться к изменившейся для них коммуникативной ситуации, опосредованной этим пространством. Поскольку остальные характеристики, которые Бахтин и Ван Дейк выделяют как жанровообразующие, опосредованные общими культурными знаниями коммуникантов, в медиадискурсе меняться не будут.

Третьим параметром в таксономии дискурсов Кибрик называет функциональный стиль. Очевидно, все функциональные стили, бытовой, научный, официальный, публицистический, художественный, также как их подстили, например юридический, коммерческий или криминальный, могут и будут присутствовать в медийном пространстве. Вопрос лишь в том, каким образом они будут взаимодействовать между собой в медиадискурсе, насколько станут подвижнее границы между ними и глубже степень их взаимопроникновения.

Последним таксономическим параметром является формальность, степень которой будет серьезным образом нарушаться

в медийном пространстве в зависимости от жанровой атрибуции текста.

Шемякина Г.А.
(Россия, Москва)

Речевой этикет как основа успешной коммуникации

Речевой этикет – понятие одинаково важное как для языка, так и для культуры. Для успешного речевого общения необходимо владение всеми составляющими коммуникативной компетенции, знание норм и правил речевого этикета языка, правильное, подобранное к месту и времени использование тех или иных его единиц и форм.

Человек живет в социуме, в определенном обществе. И каждое общество выдвигает те или иные правила жизни, правила поведения в данном обществе, которые все его представители должны выполнять. Это касается не только прописанных государством законов, но и того, что зачастую просто становится принятым, складывается в процессе становления, дальнейшего развития общества и взаимодействия его индивидов.

Способы и формы языковой реализации вежливости, представляющие оценку социального поведения человека в соответствии с общепринятыми нормами, основу, которой составляет уважение и учтивость в отношении другого лица, в речевом общении в лингвистике обозначают терминами «речевой этикет» и «культура речи».

Результатом культуры речи является конкретный речевой акт. Решить хорошая или плохая данная речь, можно исходя из ряда признаков.

Основные критерии хорошей речи:

- Целесообразность

- Современность.
- Понятность
- Оригинальность

Национальный характер определяет как поведенческий этикет, так и речевой этикет. Речевой этикет есть не что иное, как принятая в данной культуре совокупность требований к форме, содержанию, порядку, характеру и ситуативной уместности высказываний.

Изучение речевого этикета занимает особое положение на стыке лингвистики, теории и истории культуры, этнографии, страноведения, психологии и других гуманитарных дисциплин.

В широком смысле слова речевой этикет характеризует практически любой успешный акт коммуникации, поэтому речевой этикет связан с так называемыми постулатами речевого общения, которые делают возможным и успешным взаимодействие участников коммуникации.

Специфика речевого этикета в том, что он характеризует как повседневную языковую практику, так и языковую норму. Элементы речевого этикета усваиваются настолько глубоко, что они воспринимаются как часть повседневного, естественного и закономерного поведения людей. Незнание же требований речевого этикета и, как следствие, их невыполнение, воспринимается, как желание оскорбить или как невоспитанность.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что нормы помогают литературному языку сохранять свою целостность и общепонятность. Они защищают литературный язык от потока диалектной речи, социальных и профессиональных жаргонов, просторечия. Это позволяет литературному языку выполнять одну из важнейших функций – культурную.

Речевой этикет и культура речи – это то, что сопровождает любого носителя данного языка, культуры и традиций и существует независимо от нас. Но так как носителем речи является человек, то именно его влияние позволяет говорить о развитии и изменении в сфере речи и речевого этикета в частности.

Шершукова О.А.
(Россия, Москва)

**Португалоязычная пресса глазами русского читателя:
количественный аспект**

Анализ количественных отношений на основе португалоязычного газетно-публицистического дискурса выбран нами не случайно. Особенностью грамматического числа является не только передача количественных различий между единичным объектом или множественным, между дискретным множеством или недискретным, но и выражение стилистических значений с помощью числовых форм. Данной проблематике были посвящены работы Фирсовой Н.М. по грамматической стилистике испанского языка, в которых автор исследовал стилистические возможности форм единственного и множественного числа имен существительных. Для газетно-публицистического дискурса изначально характерна прагматическая направленность, поскольку его главной задачей является воздействие не только на сознание, но и на подсознание массового читателя.

Особую специфику в португальском языке имеют конструкции с квантификаторами неопределенно большого количества *muito* и неопределенно малого количества *pouco*, которые свободно сочетаются с существительными различных лексико-грамматических

разрядов, при этом они могут употребляться как в дистрибутивном, так и собирательном значении. Стилистический эффект характерен для квантифицируемых именных групп в собирательной интерпретации: Depois lá virá mais uma campanha da Prevenção Rodoviária, com *muita lágrima na voz e no olho*; Nesta zona sempre houve *muita casa daquelas, muito Bataclan*; Já temos bastante experiência da linguagem de 'bluffs' dos árabes, que consiste em *muita conversa e pouca acção*, escreveu o jornal; Na opinião de António Valentim, *muita azeitona* terá este ano ficado nos olivais; Hernâni Moas, comandante da GNR do Alentejo e Algarve, disse, ontem, numa conferência de imprensa, que há *muita droga na região alentejana*. Употребление квантитативных конструкций в собирательном значении придает газетному тексту, с одной стороны, живость, даже некую фамильярность, а с другой, за счет собирательной конструкции усиливается оценочный компонент. Собирательную интерпретацию имеют также квантитативные конструкции с собственными именами: Em Milão, onde vivo, há casas medievais, *poucas ruínas romanas, pouca Renascença* e *muito século XIX (escritórios e igrejas)*; Pode ser que consiga evitar o naufrágio, mas vai precisar de *muita sorte* e *muita Europa*; A TV fala-nos de *muita Bósnia, muita fome em Moçambique, muita guerra em Angola*, terremotos, miséria ...

Для газетно-публицистических текстов характерно использование большого количества абстрактной лексики, в которых квантификаторы *muito* и *pouco* выступают в качестве интенсификатора признака: O trabalho não fica por aqui, pois são ainda necessários os acabamentos e pequenas peças, como asas e bicos, que exigem *muita destreza das mãos de José Diogo*; Com *pouca adesão* em Setúbal, a greve teve impacto em Lisboa; No domínio do planeamento estamos na fase de aprendizagem, com *muita teoria* e *pouquíssima*

prática; João Rodrigues salientava o facto de a emoção no campeonato ter durado até ao fim, embora reconhecendo que houve *muita guerra verbal*. Именные группы с абстрактными именами могут передавать также количественное значение, при этом стилистический эффект достигается за счет транспозитивного употребления абстрактного имени: Segundo o Sindicato dos Pescadores de Peniche, há *muita pesca ilegal*; A emissão da manhã ganhará uma nova dinâmica, com *muita reportagem* e um convidado todos os dias; Aparentemente há *muita indisciplina* e *pouca corrupção* na Câmara de Lisboa.

Стилистическую окрашенность тексту придают различные комбинации квантитативных конструкций не только с существительными, но и прилагательными, наречиями и глаголами, выстроенными в один линейный ряд, что производит более сильный эффект на читателя: Era um velho bairro operário, *muito belo*, em que havia *muita pobreza* mas também *muito calor humano*, uma vida social intensa; É deficiente a dicção de *muitos dos (muito jovens) jornalistas*; Em 1974 os portugueses falavam *pouco* ao telefone, andavam *pouco* de automóvel e viam *pouca televisão*. Стилистический прием антитезы на основе квантификаторов *muito* и *pouco* часто использует в заголовках статей для привлечения внимания читателя: Feira com *muito cavalo e pouca uva* (Público); *Pouca festa e muita luta* no Porto (Público); *Muitos projetos, pouco resultado* (Veja); *Muita retórica, pouca ação* (Veja); *Muita pena e um pouquinho de vergonha* (Veja).

Яковлева С.А.
(Мексика, Мехико)

Лексическая вариативность концепта «дождь» в мексиканском национальном варианте испанского языка

Когнитивная лингвокультурология является одним из новых направлений в изучении целостно-познавательного пространства ЯКМ. В рамках этой дисциплины особое внимание уделяется практическим ценностям как культурологическим категориям. В настоящей работе рассматриваются лексические единицы (ЛЕ) испанского языка, относящиеся к концепту «дождь» с позиций лексической вариативности, т.е. одной из оснополагающих характеристик современного полинационального испанского языка.

Выбор данного концепта для лексикографического исследования аргументируется высокой частотностью употребления (как в дискурсе, так и в литературных произведениях), принадлежностью к долговременной фоновой информации, а также к базовой (в дидактическом смысле) лексике. Кроме того, исследуемый концепт позволяет наглядно сопоставить нормативные лексические единицы с лексико-семантическими вариантами в диатопном и диафазном аспектах.

Материал для исследования заимствован из электронного ресурса www.diccionario.ru, поскольку данный вебсайт представляет собой наиболее полное на сегодняшний день электронное собрание двуязычных русско-испанских и испанско-русских словарей, опубликованных в России, а это значит, что им пользуется значительное количество учащихся и профессионалов, работающих с испанским языком. Так насколько же можно ему доверять?

При консультировании данного ресурса нами не было обнаружено возможности точно установить выходные данные

используемых словарей, а именно: авторов, год и место издания и т.п., о чем был сделан запрос администратору сайта, но ответ до сих пор не получен.

Общее количество ЛЕ, выражающих концепт «дождь» по данным 7 словарей исследуемого электронного ресурса (Общелексический словарь (испанско-русский) /ОЛСИР/; Общелексический словарь (русско-испанский) /ОЛСРИ/; Словарь современного употребления /ССУ/; Латиноамериканизмы /ЛАТАМ/; Медицинский словарь (русско-испанский) /МСРИ/; Медицинский словарь (испанско-русский) /МСИР/; Географический словарь /ГС/) – 65 ЛЕ. При этом, анализ диатопных помет показал, что 5 ЛЕ имеют диатопную помету «М.» (Мексика); 3 ЛЕ помечены, как употребляющиеся в «Ам.» (Америке); 11 ЛЕ указаны с диатопной пометой какой-либо страны стран или региона Испаноамерики (кроме «М.»), а 33 ЛЕ не имеют каких-либо диатопных помет.

В рамках доклада представляются первичные результаты лексикографического и переводоведческого исследования лексической вариативности концепта «дождь» в испанском языке, а именно, анализ ЛЕ с диатопной словарной пометой «М.» на основе данных представительных толковых словарей испанского языка Мексики с учетом хронологического параметра: *Diccionario de Mejiçanismos* [Santamaria, 1959] – (DM-1959), *Breve diccionario de mexicanismos* [Goméz de Silva, 2001] – (BDM-2001), *Diccionario Español de México* [Lara, 2010] – (DEM-2010), *Diccionario de mexicanismos* [Company, 2010] – (DM-2010).

ЛЕ с диатопической пометой «М.»:

1. [12] lluvia elotera ОЛСИР М. мелкий продолжительный дождь, изморось; 2) дождевая вода. DM-1959: нет; BDM-2001: нет; DEM-2010: нет; DM-2010: нет.

2. [26] *cañañuela* f ОЛСИР f 5) *М.* зимний дождь. ЛАТАМ 3) *М.* зимний дождь; мелкий слепой дождь, мелкий грибной дождь, изморось. DM-1959: в этом значении нет; BDM-2001: в этом значении нет; DEM-2010: нет; DM-2010: нет.

3. [44] *lapalada* f ЛАТАМ *М.* *ненормат.знач.*; = *lapalara* мелкий дождь. DM-1959: “*vulgarismo oajaqueño, por llovizna*”; BDM-2001: нет; DEM-2010: нет; DM-2010: *rur.* En el Sur, lluvia fina (т.е. стилистически немаркированное значение).

4. [45] *lapalara* f ОЛСИР *М.* *ненормат.знач.* мелкий дождь. DM-1959: нет; BDM-2001: нет; DEM-2010: нет; DM-2010: нет.

5. [49] *luvia* f ЛАТАМ 1) *М.*; *устар.* дождь. DM-1959: “Disparate recogido por el DRAE y, lamentablemente, atribuido sin razón alguna a Méjico”; BDM-2001: нет; DEM-2010: нет; DM-2010: нет.

Как видно, 4 ЛЕ, атрибуированные испанскому языку Мексики, таковыми не являются. Что касается ЛЕ «*lapalara*», то в случае включения ее в словарь, необходимо, во-первых, заменить диафазную помету «*ненормат.знач.*» на «*простореч.*» и «*сельск.*», поскольку «*vulgarismo*» понимается именно в таком значении, и, во-вторых, добавить диатопную помету «Юг Мексики», либо, как отмечает Сантамария, «штат Оахака», но это только после проведения полевого анкетирования с целью подтвердить употребление данной ЛЕ в настоящее время.

Содержание

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

Доклады на дневном пленарном заседании

1. **Чельшева И.И.** (Россия, Москва) Лингвистическое законодательство в странах романской речи и сдвиги в современной языковой ситуации.....3-5
2. **Ивановский З.В.** (Россия, Москва) «Социализм XXI века» и некоторые особенности современного венесуэльского варианта испанского языка5-8
3. **Гусман Тирадо Р., Соколова Л.В.** (Испания, Гранада) «Россия и Испания: диалог культур»: интерактивный учебный комплекс по чтению и развитию речи для испаноязычных студентов9-12
4. **Михеева Н.Ф.** (Россия, Москва) Билингвальное обучение и обучение иностранным языкам.....12-15
5. **Еленевская М.Н.** (Израиль, Хайфа) Двужычный юмор мигрантов – мост между культурами.....15-18
6. **Ларина Т.В.** (Россия, Москва) Культурная грамотность как необходимое условие межкультурной коммуникации.....18-21
7. **Оболенская Ю.Л.** (Россия, Москва) Стилистика испанской речи и особенности иберийской модели речевого поведения.....21-25
8. **Раевская М.М.** (Россия, Москва) Лингвистическая идеология как важнейшая составляющая этоса культуры.....25-29
9. **Чеснокова О.С.** (Россия, Москва) Художественный текст как источник познания национального характера: «Араукана» Алонсо де Эрсилья-и-Суньига.....29-32
10. **Чекулай И.В., Прохорова О.Н.** (Россия, Белгород) Диахронический аспект стилистических транспозиций глагола в английском языке.....32-35

Доклады на вечернем пленарном заседании

1. **Моисеенко Л.В.** (Россия, Москва) Персуазивные стратегии в латиноамериканском рекламном тексте.....36-38
2. **Малюга Е.Н.** (Россия, Москва) Лингвокультурная специфика профессионально-деловой коммуникации.....39-41
3. **Полякова А.А.** (Россия, Сочи) К проблеме коммуникативной «сложности языка».....41-42
4. **Багана Ж.** (Россия, Белгород) Соматизмы с лексемой «голова» в составе фразеологических африканизмов.....43-45

5. **Карповская Н.В.** (*Россия, Ростов-на-Дону*) К вопросу о словарных соответствиях и текстовых эквивалентах компонентов лингвопрагматических категорий.....45-49
6. **Сапрыкина О.А.** (*Россия, Москва*) «Завещание» Афонсу II: к 800-летию первого документа на португальском языке.....49-52
7. **Ретинская Т.И.** (*Россия, Орёл*) О понятии «французское общее аргю»52-55
8. **Гавриленко Н.Н.** (*Россия, Москва*) Институциональная обусловленность французского специального дискурса.....55-59
9. **Цыбова И.А.** (*Россия, Москва*) О вариантности и синонимии в словообразовании.....59-62
10. **Романов Ю.В.** (*Россия, Москва*) «Сказка о золотом петушке» и испанская тема в творчестве А.С.Пушкина.....62-65

Доклады по секциям

1. **Абкадырова И.Р.** (*Россия, Ростов-на-Дону*) О роли слов-реалий в отражении гетеростереотипов в художественном дискурсе (на материале А.-П. Реверте “La Reina del Sur”, Д. Уинслоу “The power of the dog”).....66-69
2. **Ахмедова Ф.А.** (*Россия, Москва*) Значение стереотипных особенностей в свете русской, английской и таджикской лингвокультур.....69-72
3. **Baghdasarián H.G.** (*Armenia, Ereván*) Sobre algunos problemas de la traducción como el acto de comunicación intercultural.....72-74
4. **Бекеева А.Р.** (*Россия, Москва*) Эволюция научных представлений о новозеландском национальном варианте английского языка.....75-77
5. **Боброва С.Е.** (*Россия, Москва*) Некоторые вопросы методики преподавания перевода: коммуникативное приравнивание речевых единиц в содержательном и структурном планах.....77-82
6. **Борисова А.А.** (*Россия, Москва*) Языковая ситуация Нигерии.....83-86
7. **Борисова А.С.** (*Россия, Москва*) Процесс феминизации профессиональных наименований в квебекском национальном варианте французского языка: социолингвистический аспект.....87-90
8. **Бородин М.А.** (*Россия, Москва*) Медицинский контекст в английских пословицах и поговорках.....90-93
9. **Быкова И.А.** (*Россия, Москва*) Опосредованный дискурс сквозь призму национально-культурной специфики взаимодействующих языков94-97

10. **Васильева И.И.** (*Россия, Москва*) К вопросу об адекватности перевода названий должностей и подразделений иностранных компаний.....97-100
11. **Ведехина В.В., Завадская О.А.** (*Россия, Москва*) Некоторые вопросы организации дистантного обучения с использованием мультимедийных технологий.....101-104
12. **Габидова М.А.** (*Россия, Москва*) Языковая ситуация в Люксембурге.....105-108
13. **Гишкаева Л.Н.** (*Россия, Москва*) Социально-культурная роль неологизмов в современном испанском языке108-110
14. **Головчинер М.Д.** (*Россия, Москва*) Эвфемия как речевая стратегия.....110-114
15. **Горностаева А.А.** (*Россия, Москва*) Роль иронии в политическом дискурсе (на английском и русском материале).....114-116
16. **Гусева Ю.П.** (*Россия, Москва*) Фонетическая адаптация заимствований в индонезийском языке.....116-118
17. **Дагбаева О.И., Нелюбова Н.Ю.** (*Россия, Москва*) Языковые особенности франкофонных канадских блогов в сопоставлении с арабскими.....119-123
18. **Денисова А.П.** (*Россия, Москва*) Палитра переносных значения слова *СЕРДЦЕ / CORAZÓN* в современном русском языке в сопоставлении с испанским.....123-126
19. **Дьяконова Е.А.** (*Россия, Москва*) Авторская методика обучения коммуникации на английском языке “COSHCO” (Core-shell Concept).....126-128
20. **Жиганова А.В.** (*Россия, Нижний Новгород*) Переключение кода в аспекте диахронии128-131
21. **Zhuravleva E.** (*Rusia, Moscú*) El juego de palabras en los textos literarios131-133
22. **Закоян Л.М.** (*Армения, Ереван*) Инаугурационный дискурс президентов США.....133-137
23. **Зверева Е.В.** (*Россия, Москва*) Влияние информационных технологий на эволюцию форм вежливости в испанском языке (на примере комплиментов).....137-139
24. **Иванова Ю.В.** (*Россия, Смоленск*) Психолингвистический подход к проблеме невербальных явлений139-143
25. **Игнашина З.Н.** (*Россия, Москва*) Особенности функционирования англицизмов в кубинском варианте испанского языка143-147
26. **Ильина А.Ю., Томашевич С.Б.** (*Россия, Москва*) Роль топонимов в формировании языковой картины мира канадцев.....147-150
27. **Ильина Н.Ю., Борисова А.А.** (*Россия, Москва*) Нигерийский пиджин-инглиш.....150-153

28. **Кожемякина В.А.** (*Россия, Москва*) Функционирование языков в системе образования Гваделупы153-156
29. **Комлач Д.С.** (*Россия, Москва*) Употребление фразеологических единиц в произведениях Оноре де Бальзака «Отец Горио» и Анны Гавальда «Просто вместе».....157-159
30. **Корман Е.А.** (*Россия, Ростов-на-Дону*) К вопросу о восприятии анималистического образа «коза/козёл» сквозь призму метафорической картины мира (на материале испанского, английского и русского языков).....159-162
31. **Кривошеева Е.Н., Платонова С.Ю.** (*Россия, Москва*) Особенности лингвистической подготовки учащихся на современном этапе развития образования в России.....162-165
32. **Кривошлыкова Л.В.** (*Россия, Москва*) Фразеологические единицы сравнительного типа с компонентом «черный» как часть культурной картины мира англичан165-167
33. **Кузнецова Ю.В., Переходкина П.А.** (*Россия, Москва*) Перспективы развития дистантного обучения.....167-171
34. **Кузьмина Е.В.** (*Россия, Москва*) Некоторые особенности заимствований в медиалекте компьютерно-опосредованной коммуникации172-174
35. **Кулешова А.В.** (*Россия, Москва*) Полуэмфатическое выделение ремы на внутри пропозициональном уровне.....175-177
36. **Куликова Л.Л.** (*Россия, Москва*) Особенности интернет-общения (на материале испанского языка).....178-179
37. **Куприянова М.Е.** (*Россия, Москва*) К проблеме полисемии терминов высшего образования на примере лексемы *degree*.....179-182
38. **Кутькова А.В.** (*Россия, Москва*) Феномен парлаче в повседневной коммуникации жителей Медельина182-186
39. **Кургузенкова Ж.В.** (*Россия, Москва*) Концепт «белый цвет» в культурной картине мира французов (на примере ФЕ сравнительного типа).....186-188
40. **Куртаева М.О.** (*Россия, Иркутск*) Типы терминов в испанской биржевой терминологии189-191
41. **Ликунова И.Ф.** (*Россия, Москва*) Особенности mais-que-perfeito в португальском языке191-194
42. **Лиликович О. С.** (*Россия, Москва*) К проблеме интерпретации художественного текста (на материале романа Э. Мендосы «Город чудес»)195-197
43. **Литягина Е.А.** (*Россия, Москва*) Спанглиш бизнес терминология как лингвистическое явление198-200

44. **Лутеро Т.** (*Россия, Москва*) Важность сопоставления видовременных систем в преподавании видовременных отношений (на материале русского и итальянского языков).....201-203
45. **Мартыненко И.А.** (*Россия, Москва*) К вопросу об испаноязычной топонимике США.....203-206
46. **Масленникова А.А.** (*Россия, Москва*) К вопросу о применении некоторых мультимедийных технологий (*wiki-технологий*) при обучении иностранному языку.....206-210
47. **Медведева К.О.** (*Россия, Москва*) Проблемы межкультурной коммуникации в современных условиях.....210-212
48. **Микитченко С.П.** (*Россия, Нижневартовск*) Культурологический подход к обучению студентов иностранному языку в контексте межкультурной коммуникации.....212-215
49. **Молчанова И.И.** (*Россия, Москва*) Формирование коммуникативной компетентности у личности студентов неязыковых вузов215-217
50. **Мордвинова Е. С.** (*Россия, Москва*) Портрет современных французских СМИ.....217-220
51. **Несова Н.М.** (*Россия, Москва*) Стилистическая окраска слова и стилистические пометы в толковых словарях русского языка.....220-224
52. **Нотина Е.А.** (*Россия, Москва*) Межъязыковая межкультурная коммуникация: проблема переводимости и экстралингвистические знания языкового посредника.....224-228
53. **Ощепкова В.В.** (*Россия, Москва*) История и современное состояние межъязыковых и межкультурных англо-аборигенных контактов и их влияние на формирование языковой ситуации в Австралии.....228-231
54. **Пасечник Т.Б.** (*Россия, Коломна*) Концепт «дружба» в русских и английских пословицах231-234
55. **Пеич И.** (*Босния и Герцеговина*) Интерференция на примере русского и сербского языка.....234-237
56. **Передерий Е.Б.** (*Россия, Москва*) Этнические стереотипы и предрассудки в испанской фразеологии237-239
57. **Пономаренко Е.Б.** (*Россия, Москва*) Функционально-стилистические особенности фразеологических единиц в современных английских информационных текстах.....239-243
58. **Приказчикова Е.В., Савченко Е.П.** (*Россия, Москва*) Перевод как лингвокогнитивная деятельность: становление и развитие переводной лингвокогнитологии244-246
59. **Прудникова А.А.** (*Россия, Москва*) О восприятии региональных форм испанского языка стран Латинской Америки.....246-249

60. **Пушкина А.В.** (*Россия, Москва*) Психологические трудности в работе устного переводчика249-253
61. **Радович М.** (*Сербия, Белград*) Ложные друзья переводчика на материале испанского и португальского языков.....253-255
62. **Рекош К.Х.** (*Россия, Москва*) Французский язык в мультилингвистической Европе.....256-259
63. **Рогоulina Е.Э.** (*Россия, Москва*) Коммуникативная значимость цветофразеологизмов в аспекте межкультурной языковой коммуникации.....259-263
64. **Садиков А.В.** (*Россия, Москва*) К вопросу об этике перевода.....263-265
65. **Синицина А.М.** (*Россия, Москва*) Фразеологизмы с компонентами животного мира в перуанском национальном варианте испанского языка.....266-269
66. **Тамбовцева К.Б.** (*Россия, Москва*) Лексико-семантические поля американского молодежного сленга.....269-271
67. **Тихонова М.П.** (*Россия, Смоленск*) Формы игры со звуком в творчестве французских детских поэтов271-273
68. **Тищенко М.А.** (*Россия, Москва*) Языковая политика Квебека.....274-276
69. **Тупейко Д.В.** (*Россия, Белгород*) Особенности употребления местоименных глаголов во французском языке Марокко.....276-279
70. **Тугова Е.В.** (*Россия, Москва*) Переключение лингвистического кода как неотъемлемая часть процесса языковых контактов279-281
71. **Улюмджиева В.Э., Мишин А.П.** (*Россия, Москва*) Межкультурная коммуникация: к вопросу о формировании социокультурной компетенции.....281-283
72. **Усманова З.А.** (*Россия, Москва*) Французский язык как детерминант квебекского самосознания.....284-286
73. **Устинова О.В.** (*Россия, Москва*) Городское просторечие в Канаде.....287-289
74. **Uthai R.** (*Thailand, Pattani*) Monosyllabic loan words in Pattani Malay.....290-293
75. **Уютова Е.В.** (*Россия, Москва*) Об организации самостоятельной работы студентов в неязыковом вузе.....293-296
76. **Червякова Л.Д., Масленникова А.А.** (*Россия, Москва*) Использование мультимедийных технологий в дистантном образовании на очно – заочной форме обучения.....296-300
77. **Шейпак С.А.** (*Россия, Москва*) Медиадискурс в современной таксономии дискурсов.....300-304
78. **Шемякина Г.А.** (*Россия, Москва*) Речевой этикет как основа успешной коммуникации.....304-306

79. **Шершукова О.А.** (*Россия, Москва*) Португалоязычная пресса глазами русского читателя: количественный аспект.....306-308
80. **Яковлева С.А.** (*Мексика, Мехико*) Лексическая вариативность концепта «дождь» в мексиканском национальном варианте испанского языка.....309-311

Научное издание

**I ФИРСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

**Материалы докладов и сообщений
международной научно-практической конференции**

Москва, 23–24 апреля 2014 г.

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Н.А. Ясько*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Подписано в печать 16.04.2014 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 18,6. Тираж 150 экз. Заказ 389.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41